

Секция I. Система русского языка и теоретические аспекты ее изучения

Некоторые замечания о синонимии деепричастных форм в русском языке XIX–XX веков

Л. Р. Абдулхакова

Казанский государственный университет

laisanabdul@yandex.ru

История русского языка, грамматическая синонимия, деепричастия

Summary. The article deals with synonymic relations represented in grammar. These relations played significant role in development of Russian adverbial participles. But linguists often had a different opinion about them even at the same time.

Отношения синонимии существуют на разных языковых уровнях во все периоды исторического развития языка. Наличие синонимов является отражением сосуществования в нем элементов новых, нарождающихся, и старых, отживающих. Другим источником появления грамматических синонимов становится взаимодействие разных грамматических парадигм и отдельных форм в процессе эволюции языка. Преодоление синонимических отношений служит важнейшим фактором развития языковой системы. «В ретроспективном плане надо рассматривать проблему вариативности языковых структур как имеющую большую объяснительную силу для понимания грамматических и стилистических особенностей современного состояния данного языка» [Ярцева, 1990].

Подобные отношения сыграли большую роль и в процессе становления современных норм образования деепричастий, продолжающих и сейчас сохранять параллельные формы, которые неоднозначно расцениваются авторами грамматических руководств и нормативных словарей.

Как известно, деепричастия по своему происхождению связаны с древнейшим славянским причастием, и их формальные показатели (суффиксы) восходят к тем или иным падежным и родовым показателям действительных причастий настоящего и прошедшего времени. Поэтому возможность значительного формального разнообразия деепричастных образований, приобретавших неизменяемость, существовала изначально. Процесс закрепления в качестве нормативных тех или иных форм был длительным, при этом наблюдались случаи возврата к существовавшим ранее и на какое-то время вышедшим из употребления образованиям. В разные периоды исторического развития активность проявляли то одни, то другие формы. В грамматических трудах, начиная с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, синонимичные образования оценивались по-разному, причем зачастую рекомендации авторов не совпадали с языковой реальностью.

Отношения синонимии находятся в постоянном развитии. Об этом свидетельствует и неоднозначная оценка синонимичных образований в разных грамматических руководствах, даже относящихся к одному и тому же периоду. Так, формы деепричастий на *-а (-я)*, образованные от глаголов СВ II спр., в Грамматике русского языка (1953) расцениваются как устаревшие и малопродуктивные. Лишь для небольшой группы глаголов I спр. с основой на согласный более предпочтительными признаются деепричастия на *-а (-я)*, чем на *-ии*: *обретая, отвезя, пронеся, прочтя* и др. Более

употребительными считаются также формы на *-а (-я)* от некоторых возвратных глаголов: *нахмурясь, обидясь, прислонясь*. Однако в Русской грамматике (1980) указывается, что «обычно эти формы на *-а* употребляются как варианты наравне с формами на *-в, -вши(сь), -ши*» и образуются от многих глаголов II спр. и некоторых глаголов I спр. с основой на согласный. Вместе с тем, это мнение не совпадает с данными Грамматического словаря русского языка (1977) и Орфоэпического словаря русского языка (1985). В первом образовании деепричастий на *-а (-я)* от глаголов СВ ограничивается I спр., а другие глаголы остаются за пределами синонимии *-а / -в* и имеют в качестве нормативных только формы на *-в* (*заметив, наклонив* и под.). Сходная ситуация представлена во втором словаре: деепричастия на *-а* называются «нестандартными» и возможными только для глаголов СВ I спр. на *-сти, -ти* (*приведя, отвезя* и под.), при этом варианты формы с суффиксом *-ши* для указанных глаголов не приводятся. Что касается деепричастий на *-а (-я)*, образованных от глаголов II спр., то они характеризуются как стилистически не нейтральные и употребляющиеся преимущественно в художественной речи, хотя примеры использования подобных образований не дают оснований говорить об их стилистической маркированности. Общая тенденция развития синонимии рассматриваемого типа (*-а / -в, -вши*) заключается в постепенном сокращении в современном русском языке синонимичных форм по сравнению с XIX — началом XX вв. С другой стороны, ранее недопустимые или редкие в литературном языке деепричастия становятся возможными и довольно употребительными (например, *плача, ища, идя*).

С XIX в. до настоящего времени произошли изменения и в стилистической характеристике ряда синонимичных образований, например, форм с суф. *-в / -вши* от невозвратных глаголов СВ, а также форм на *-учи*.

Таким образом, рассматривая деепричастные формы, можно говорить о продолжающемся развитии этой грамматической категории в современном русском литературном языке, однако можно отметить значительное снижение активности синонимов по сравнению с более ранними этапами в истории деепричастия. Идея непрерывности языкового развития, представленная на примере даже отдельной грамматической категории, должна стать важным компонентом в формировании сознательного отношения к языку в процессе его изучения.

Особенности русской лингвистической традиции

В. М. Алпатов

Институт востоковедения РАН (Москва)

v-alpatov@yandex.ru

Лингвистическая традиция, русский язык, свободный порядок слов, синтетический строй, словоизменение

Summary. The difference of the linguistic descriptions can be caused not only by conceptual difference but by the influence of the language of their author. This influence is evident in the different national versions of the European tradition including the Russian one. The peculiarities of the Russian tradition are connected with the peculiarities of the Russian language: free word-order, difficult morphology etc. They differ from English, French and other variants of the European tradition.

Каждый язык в идеале должен описываться на основе некоторых общих принципов и методов, единых для каждого

исследователя. На деле, конечно, это не всегда так. Хорошо известны различия, проистекающие от различий исследова-

тельских теорий и методов. Но может влиять и такой, обычно игнорируемый фактор как влияние родного языка лингвиста или языка, наиболее престижного для него.

Русская лингвистическая традиция является частью европейской лингвистической традиции, имеющей античные истоки. Однако она имеет отличия, например, от традиции англоязычных стран. На английский язык трудно перевести привычные для нас термины вроде *знаменательное слово* или *придаточное предложение*, но и на русский язык не легче перевести *phrase* или *clause*. *Фраза* и *phrase* — не одно и то же, а *clause* можно перевести разве что как *клауза*; последний термин сейчас уже стал появляться в русскоязычных работах, особенно типологических, но это не внедрение нового термина, а перенос на русскую почву понятия из иной традиции. И все перечисленные термины не являются специфическими для какого-либо научного направления, с ними носители соответствующих языков знакомы еще в школе, и их могут использовать лингвисты разных теоретических взглядов.

Существуют, как известно, два основных способа представления синтаксической структуры предложения: грамматика составляющих (скобочная запись) и грамматика зависимостей (древесная запись). Однако в странах английского языка давно господствует грамматика составляющих, при которой предложение делится на именные группы, глагольные группы и т. д., а не на члены предложения. А в нашей стране она не получила большого распространения, но привычна грамматика зависимостей, в которой устанавливаются синтаксические связи между словами. Последний подход удобен при свободном порядке слов: при изменении порядка дерева синтаксических связей остается таким же, а грамматика составляющих удобна при строго фиксированном порядке, что имеет место в английском языке. По-видимому, для носителей английского языка по сравнению с носителями русского языка более существенно представление о корреляции между степенью синтаксической и линейной близости слов.

Показательны и исследования в области типологии порядка слов. Американские исследования, в частности, широко известная типология Дж. Гринберга, исходят, прежде всего, из понятия базового порядка слов. А типология, предлагавшаяся у нас А. А. Холодовичем, опиралась на степень строгости словоупорядка. По-видимому, для носителя английского языка строгий порядок слов — норма, а в языках, отличающихся по строю от английского, прежде всего, бросаются в глаза отличия господствующего порядка. Для носителя же русского языка наиболее заметны отличающиеся от его привычек строгие правила словоупорядка в некоторых языках.

Другие различия связаны с различными представлениями о слове у носителей русского языка, с одной стороны, и носителей английского или французского языков, с другой. А. Мейе, говоря о структуре индоевропейского слова, писал: «Индоевропейский морфологический тип был чрезвычайно своеобразен и вместе с тем крайне сложен. Слово являлось в нем лишь в сочетании со словоизменительными элементами.... В латинском языке для значения „волок“ нет ни слова, ни выделяемой основы; есть только совокупность форм.... Нет ничего менее ясного, чем подобный прием».

То есть для А. Мейе наличие словоизменения — некоторая языковая экзотика, «сложный» способ, от которого, как он указывает, индоевропейские языки избавились или избавляются. В примечаниях Р. О. Шор к русскому изданию А. Мейе справедливо указано на то, что для русского читателя, носителя языка синтетического строя, такая морфологическая структура не странна, а совершенно естественна. Русистика, как известно, исходит из иного понимания слова: норма — «оформленное» слово, то есть слово, содержащее в себе словоизменительные аффиксы; неформленные слова, равные основе — исключение. Так слово понималось и в античности, поскольку строй древнегреческого и латинского языков — также синтетический.

Разные представления о слове проявляются у исследователей в самых разных случаях. Сравним, например, понятие семантемы у Ш. Балли и понятие лексемы у А. И. Смирницкого. Содержательно эти понятия сходны: лексический инвариант слова. Но Балли для латинского языка семантемой считал слово без грамматических показателей, то есть основу, а для французского языка, где почти нет словоизменения, приравнивал семантему к слову. А Смирницкий считал лексемой не основу, а множество слов с единой основой (ср. А. Мейе о латыни). Такой подход, по-видимому, сложнее, но против понимания лексемы как основы Смирницкий выдвигал, по существу, психолингвистический аргумент: «слово не есть обрубок».

Различие базовых языков может сказываться и на конкретном анализе описываемых языков. Например, в агглютинативном японском языке ни японские, ни западные исследователи никогда не обнаруживали падежное словоизменение, выделяя падежные послелогии и/или частицы. Но Е. Д. Поливанов признал в этом языке падежные аффиксы, по-видимому, исходя из естественного для носителя русского языка представления о том, что категория падежа есть только там, где есть падежное словоизменение.

Тот факт, что для носителей русского языка базовые единицы — словоформы, в которых сращиваются основы и словоизменительные аффиксы, имеет, очевидно, психолингвистические причины, что подтверждают исследования афазий: при некоторых видах афазий слово может потерять морфологическую членимость, но никогда не распадается на части. Для носителей же английского или французского языка слово вовсе не должно быть оформлено, а при афазиях даже единицы, традиционно считающиеся аффиксами, вроде английского показателя прошедшего времени *-ed* могут вести себя как отдельные элементы. Все это отражается в лингвистических работах носителей соответствующих языков и, шире, в национальных вариантах лингвистической традиции.

Отметим еще один пример из области фонологии. Русские японисты, начиная с того же Е. Д. Поливанова, легко обнаруживают в японском языке класс палатализованных фонем: пусть это типологически не очень частое явление, но оно нам кажется очень естественным. Но англоязычные японисты уже более столетия упорно не обнаруживают это типологическое сходство японского языка с русским, находя в разных случаях что-либо другое: где обнаруживают вставку йота, а где приписывают фонологическое значение дополнительному призвуку.

Дефектность глагольной парадигмы как результат лексико-грамматического взаимодействия в языке

Э. А. Балалыкина

Казанский государственный университет

eбалалык@mi.ru

Ключевые слова: глагол, неполная парадигма лица, склонения

Summary. The report considers the reasons for the deficiency of the verb paradigm in the contemporary Russian language. Such deficiency is connected with the contradiction between the semantic content of certain groups of verbs and their grammatical forms, which results in the absence of some forms of the verb within the limits of the paradigm.

Как известно, семантика слова и его грамматическое оформление не должны рассматриваться изолированно друг от друга, поскольку невозможно объективное описание лексической семантики в отрыве от средств ее выражения. Если

грамматическое значение категории или формы не противоречит лексической семантике слов, то тогда оно включается в их план выражения, и наоборот: если наблюдается между ними противоречие, то оно разрешается в пользу

лексического значения, поскольку грамматическая категория или грамматическая форма исключается из плана выражения данных слов.

Так, словоизменительная парадигма лица у глаголов зависит от их лексического значения или фонетических особенностей, которые позволяют или не позволяют иметь ту или иную форму лица, а потому глагольная парадигма может быть как полной, так и неполной, дефективной. Так, в некоторых случаях формы настоящего и простого будущего у глаголов 1-го и 2-го лица отсутствуют, поскольку субъектом действия не может быть лицо. Например, *булькать*, *влажнеть*, *возникнуть*, *кипеть*, *ржаветь* (подобные глаголы могут иметь формы лица только при переносном употреблении); *блеять*, *фыркать*, *мяукать*, *хрюкать* и т. д. (эти глаголы не могут иметь форм 1-го и 2-го лица как названия действий животных). Не имеют форм 1-го и 2-го лица глаголы с общим значением «виднеться в каком-либо цвете»: *белеть*, *чернеть*, *желтеть*, *зеленеть* и т. д. Не имеют личных форм 1-го и 2-го лица глаголы, называющие процессы, происходящие в природе: *темнеть*, *светать*, *заснуть*, *осыпаться* и др. Подобные формы отсутствуют по семантической причине, поскольку их стандартное грамматическое оформление несовместимо с лексической семантикой слова, что и приводит к дефектности глагольной парадигмы.

Несколько иная ситуация складывается с отсутствием глагольной формы (и прежде всего — 1-го лица) по орфоэпическим причинам, когда ее образование затруднено особенностями морфологической структуры: *победить*, *убедить*, *галдеть*, *замнить* и т. д. При необходимости выражения этих значений используется описательный способ типа *сумею победить*, поскольку парадигма у этих глаголов неполная. Неупотребительность форм 1-го лица в ряде случаев связана и с другими причинами: омонимическим оттачиванием совпадающих форм 1-го лица у разных глаголов: *держать* и *держит* > *держу* или *будить* и *будит* > *бужу*. Следовательно, словоизменительная парадигма лица у глаголов может быть неполной, и это подтверждается огромным количеством глаголов самого разнообразного лексического содержания, не имеющих по указанным выше причинам тех или иных форм лица. Дефектность парадигмы, вызванную структурными и узуальными причинами, иногда называют случайной. А дефектность, обусловленная семантическими причинами, обычно характеризуется как закономерная, так как именно она является результатом лексико-грамматического взаимодействия в языке, а потому может быть в большей степени учтена и систематизирована.

Неполной может быть парадигма и у глаголов в повелительном наклонении. Как известно, формы повелительного наклонения обозначают различные виды волеизъявления, прежде всего приказ. Естественно, что приказать можно только живому существу, а точнее — человеку. Следовательно, глаголы, обозначающие признаки неодушевленных предметов, не могут включать в состав парадигмы наклонения эти формы. В результате мы имеем дефектную парадигму наклонения. Так, теоретически возможна, но неупотребительна форма повелительного наклонения от глаголов, называющих действие, которое не может совершаться по воле субъекта: *видеть*, *выглядеть*, *мочь*, *хотеть* и др. То же

от глаголов, называющих действие, субъектом которого не может быть лицо: *бодрить*, *булькать*, *стоять*, *знить* и др.

Дефектную парадигму лица или наклонения имеют и различные глаголы, которые, как известно, тесно связаны с личными, однако отличаются от них прежде всего в семантическом плане. Выражая различного типа состояния, они не способны изменяться по лицам (невозможно *я светая*), не могут иметь форм повелительного наклонения (невозможно — *светай*), от них не образуются формы причастий или деепричастий (невозможно *светающий* или *светая*). Подобная грамматическая недостаточность обусловлена их основной семантикой, потому личные формы от подобных глаголов возможны лишь окказионально. Например, у Маяковского: *Вдруг — я во всю светая мочь — и снова день трезвонится*.

Рассматривая семантическую дефектность парадигмы как показатель взаимодействия лексики и грамматики, важно ответить на вопрос: дефектна ли парадигма, обусловленная несовместимостью грамматического значения той или иной формы с лексическим значением слова? Насколько корректно утверждение о дефектности по отношению к словам (глаголам), характеризующимся отсутствием той или иной грамматической формы по семантическим причинам? Если сравнить представленность парадигм в лексемах *слушать*, *ржаветь*, *темнеть*, то различия между ними в количественном составе присущих им грамматических форм достаточно убедительны. Так, *слушать* на уровне традиционно выделяемых грамматических категорий реализует полные парадигмы наклонения, времени, вида, залога, лица (рода) и числа. Глагол *ржаветь* реализует в полном объеме категории времени, вида, числа и имеет дефектные парадигмы наклонения (поскольку субъектом предикативного признака является неодушевленный предмет), залога (не образуется форма страдательного залога) и лица (не употребляются формы 1–2-го лица). Глагол же *темнеть* реализует в полном объеме только парадигму времени. Поэтому глагол *темнеть* не относится к числу спрягаемых глаголов, у него нет изменений по лицам и числам, он представлен только одной формой — 3 л. ед. ч. *темнеет*. Данные отличия между лексемами *слушать*, *ржаветь* и *темнеть* закономерны. Каждая из них имеет тот набор грамматических форм, грамматическое значение которых оказывается совместимым с лексической семантикой этих глаголов: глагол *слушать* обозначает действие человека, которое ограничено внутренним пределом и направлено непосредственно на объект; глагол *ржаветь* обозначает определенное состояние предмета (металлических изделий) как таковое, безотносительно к объекту; глагол же *темнеть* обозначает явление природы и относится к числу безличных глаголов. Вследствие этого указанные глаголы не имеют в парадигме тех форм, грамматическое значение которых противоречит лексической семантике. Следовательно, глагольные лексемы имеют тот набор грамматических форм, который только и возможен у них как обусловленный лексическим содержанием этих глаголов. Вот почему одним из наиболее ярких показателей взаимодействия лексики и грамматики в пределах глагола является понятие дефектности парадигмы в пределах той или иной глагольной грамматической категории.

Системные членения в сфере грамматики и их речевые реализации

А. В. Бондарко

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

abondarko@gmail.com

Категориальные единства, полевые структуры, естественные классы, отношение к говорящему, грамматическая категоризация

Summary. *Systemic Divisions in the Sphere of Grammar and their Discourse Realizations.* The report deals with the divisions in the system of grammatical categorization: a) types of categorical units, b) field structures, in particular, “natural classes” which include elements of heterogeneity, c) attitude to a speaker in the categorical system and in its discourse realizations.

1. Членения в сфере грамматики рассматриваются нами как элементы общей системы грамматической категоризации. В этой системе выделяются следующие аспекты: а) категориальные единства — грамматические, лексико-грамматические и функционально-семантические; категории грамматики в их отношении к говорящему; б) полевые структуры: центр и периферия, прототипы и их окружение, континуальность, частичные пересечения системных объектов,

членения в грамматической системе, включающие элементы неоднородности, межкатегориальные связи, взаимодействие элементов грамматической системы и окружающей среды; в) инвариантность и вариативность в сфере грамматической семантики; вопрос о существовании «общих значений»; г) структура грамматических категорий (ГК); типы коррелятивности: последовательно коррелятивные, непоследовательно коррелятивные и некоррелятивные категории;

д) значения и функции в их отношении к передаваемому смыслу.

2. Существует ряд направлений в разработке проблемы полевых структур: теория центра и периферии языковой системы в освещении представителей Пражской школы, концепция полевой структуры в интерпретации В. Г. Адмони, теория грамматики, основанная на понятиях функционально-семантического поля и категориальной ситуации. Ср. также различные варианты «прототипического подхода» в сфере когнитивной лингвистики.

3. Анализ членений, включающих элементы неоднородности, связан с используемым в общей теории научного познания понятием естественной классификации. Проводимый анализ естественных классов стремится выявить реальную системность, структуру, стратификацию и вариативность изучаемых единиц, классов и категорий. С принципом естественной классификации тесно связаны те отношения, которые можно назвать неопозитивными различиями. Имеются в виду структуры (в отличие от оппозиций, они могут быть не только двучленными, но и многочленными), в которых обобщенное значение категории (родовое понятие) репрезентируется в членах категории, отличающихся друг от друга как по соотносительным признакам (однородным, представляющим единое основание членения), так и по признакам несоотносительным (неоднородным). Ср., в частности, различия в многочленных системах падежей, наклонений, лиц, а также в системах лексико-грамматических разрядов (например, способов действия). В категории лица за пределы единого основания членения выходит способность 3-го лица выражать отнесенность действия не только к лицу, но и к неодушевленному предмету. Оппозитивные отношения осложняются также значениями неопределенности, обобщенности и безличности. В тех языках, где категория залога не ограничивается оппозицией актива и пассива, эта категория выступает как сложное многочленное соотношение, в котором так или иначе представлены естественные классы, выходящие за пределы единого основания членения. В сфере лексико-грамматических разрядов господствуют неопозитивные различия. Оппозиции представлены главным образом в структуре наиболее крупных классов, между которыми распределяются лексические единицы, относящиеся к определенной части речи. Ср. имена существительные одушевленные / неодушевленные, глаголы предельные / неопредельные, переходные / непереходные, личные / безличные. Иной характер имеют отношения между «дробными» лексико-грамматическими разрядами, выделяемыми внутри подобных подклассов частей речи.

4. Вопрос об отношении к говорящему в системе категорий грамматики и в их речевых реализациях связан с известными классификациями ГК. Ср. проводимые в разных терминах и при этом во многом сходные членения: «субъективно-объективные / объективные категории» (в интерпретации А. М. Пешковского), «категории-шифтеры / не-шифтеры» (в теории Р. О. Якобсона), «коммуникативно-грамматические / логико-грамматические категории» (в истолко-

вании В. Г. Адмони). На наш взгляд, при анализе ГК в их отношении к говорящему важно учитывать следующие различия: а) точка зрения говорящего как элемент значения той или иной грамматической формы (ср. дейктические элементы значений глагольных форм времени, наклонения и лица) и б) позиция говорящего, представленная в конкретных высказываниях, в определенной речевой ситуации. Речевые проявления отношения к говорящему возможны и при функционировании «нешифтерных» категорий. Так, в категориальной семантике таксиса четко выражен доминирующий признак «соотношение сообщаемых фактов», тогда как отношение к говорящему не является компонентом значения данной категории (в отличие от категории времени). Вместе с тем в передаваемой в высказывании ситуации с доминантой «характеристики одного сообщаемого факта по отношению к другому» может проявляться точка зрения говорящего как субъекта, устанавливающего (определяющего) или наблюдающего данное соотношение. Ср., например, выражение одновременности в высказываниях типа *Слушая нас, он думал о другом*. Отношение одновременности в данном высказывании определяет говорящий, это отношение представлено с его точки зрения. Залог, как и таксис, относится к числу «не-шифтеров». При этом возможна актуализация точки зрения говорящего при выборе той или иной формы залога. Устранение субъекта с центральной позиции в структуре предложения и замещение этой позиции объектом может быть живым процессом, протекающим при формировании высказывания (например, когда автор, избегая подчеркивания своей личности, заменяет первоначальный вариант высказывания *Мы рассматриваем этот вопрос...* вариантом, в котором субъект отодвигается на задний план: *Этот вопрос рассматривается нами...*).

5. Анализ аспектов категоризации в сфере грамматической семантики соотносится с формальным выражением анализируемых значений, с понятием формы. Речь идет о различных способах представления смысловой основы семантического содержания, отражающих специфику определенной формы, того или иного комплекса языковых средств. Очевидна актуальность анализа того, как соотносятся содержательные и формальные структуры в общей системе грамматической категоризации. Связь между вопросами «как устроена данная система языковых элементов?» и «как эти элементы функционируют?», соотношение содержательных и формальных структур, воздействие формальной структуры на передаваемый и воспринимаемый смысл, взаимодействие системы и среды при реализации семантических функций — проблемы, коренящиеся в языковедческой традиции и, как нам представляется, заключающие в себе возможности дальнейшего развития в различных направлениях семантических исследований и лингвистической функциональной лингвистики. Мы не можем согласиться с высказываемыми рядом ученых суждениями об устарелости классификационного (таксономического) подхода. Подход, стремящийся отразить в лингвистическом описании и объяснении те единства и отношения, которые существуют в языковой системе и языковом знании, сопряжен с перспективой дальнейшего развития.

Язык и его место в мироздании. К вопросу об актуальной грамматике

М. В. Всеволодова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

mvsevol@mail1333.com

Недавно Билл Гейтс — владелец Майкрософта — обещал, что через десять лет люди, не знающие языка друг друга, смогут общаться между собой в Интернете в режиме on line — перевод будет осуществлять Интернет. Думается, это обещание излишне оптимистично: на основании современных грамматик и словарей нельзя создать программу машинного перевода, которая обеспечивала бы адекватный перевод не только в названном режиме, но и вообще без участия человека — переводчика. И это касается не языка художественной литературы, которая, возможно, вообще не поддается машинному переводу, а языка повседневного общения в разных функциональных стилях: разговорном, деловом, научном и др. Что же касается создания соответствующей

грамматики, то вся мировая кибернетика без участия лингвистов не в состоянии решить этот вопрос.

Язык, несомненно, наиболее совершенная и поэтому наиболее сложная для его описания и представления структура, данная человечеству в его распоряжение. Не будь языка, не существовало бы никаких других наук.

Несомненно, именно Язык обладает уникальной на данный момент особенностью — он представляет собой двуединство, единую целостность двух диаметрально противоположных типов структур, а именно, полей и категорий.

Как единица мироздания Язык имеет два типа структурных единиц — поля и дискретные единицы, причем эти дискретные единицы — звуки, слова, предложения-выска-

звания — образуют множества разной «мощности»: от практически бесконечных до пустых. И эти множества, как и всякие другие, пересекаются. Но Язык одновременно является и составляющей ноосферы. (Вспомним Вернадского.) Познавательная деятельность — специфическая функция науки и, думается, свойство человеческого мышления. По функции — Язык инструмент объективации нашего мышления, а наше мышление категориально. Это его, мышления, и только его характеристика. Мышление, соответственно, — инструмент познания окружающего нас мира. Познание, знание и со-знание (как со-трудничество, со-общество) и есть результат функций нашего мышления. А со-знание невозможно без общения, без коммуникации. По закону отражения любой инструмент должен отвечать по своим характеристикам объекту, для оперирования с которым он предназначен. Поэтому, как показал еще И. И. Мещанинов, именно конкретные языки в рамках своего строя отображают национально детерминированное выделение и осознание носителями данного языка тех или иных явлений действительности, обязательно при этом категоризуя их. Как показывает наш материал, сами категории имеют ярко выраженную полевою структуру. В той или иной степени эти категории представлены в современных грамматиках любого языка.

Вместе с тем, думается, что при современном подходе к языковому материалу нельзя описать Язык в том диапазоне, который представляется нужным не только для обеспечения машинного перевода, — это частный вопрос, — но и для других прикладных целей. Недостаток наших грамматик в том, что они строятся, в первую очередь, на материале языка художественной литературы, как наиболее совершенного. Однако, язык художественной литературы — это своего рода сакральная сфера. Во-первых, на языке художественной литературы никто не общается. Во-вторых, язык художественной литературы описывает виртуальную действительность, которая — даже с учетом фантастики — гораздо беднее многообразных сфер человеческого общения и далеко не покрывает всех потребностей коммуникации. Мы разделяем мнение Ш. Балли, В. В. Виноградова и ряда других выдающихся лингвистов, что язык художественной литературы и литературный язык — это разные вещи. Наша работа в рамках межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтак-

сис», где одной из основных задач является создание по возможности полного корпуса предложных единиц независимо от сферы употребления, показала, что практически все, что считается не соответствующим норме, суть явления системы языка. В наших словарях и грамматиках отражена небольшая доля процента всех единиц, работающих в языке. Норма всегда временна, система — это сам Язык, который гораздо сильнее нормы. Еще Гумбольдт утверждал, что человек живет в круге своего языка и может выйти из него только в другой язык. Эту мысль разделял и А. А. Потегня. Соответственно, можно считать, что носитель языка не может системно делать ошибки, «говорить неправильно» на своем языке. Любое несоответствие норме есть проявление системности Языка. И наши наблюдения подтверждают это. И даже первичное осмысление этой системности, которую наша лингвистика еще не познала, выявляют удивительные механизмы языка, позволяют понять, в чем его совершенство. Сейчас мы можем говорить о грамматике каждой части речи. Выявляется удивительное взаимодействие лексики и грамматики. Наш материал показал, что пресловутый закон экономии в языке, по крайней мере, для восточнославянских языков не действует. Наши языки характеризуются очень большой синонимичностью и изофункциональностью разных единиц и уровней. Сопоставление с беспаджными языками показало принципиальное различие во взаимодействии категорий предикации (актуальное членение) и членения предложения между славянскими и беспаджными языками, без учета которого нельзя создать никакой программы по машинному переводу и нельзя оптимизировать обучение иностранным языкам.

Как известно, никакую систему нельзя корректно и адекватно описать «изнутри». Поэтому выход в другие языки, поиск лингвистических универсалий и фреквентарий — один из принципов создания новой грамматики любого языка.

Что касается категоризации, то к настоящему времени мы пользуемся традиционными классификациями, таблицами-матрицами и предложенными математической логикой системами многограновых дихотомических оппозиций. Эти типы категоризации дополняют друг друга, и разработка способов категоризации языковых явлений и единиц должна стать одним из аспектов нашей работы. Нам нужна очень подробная и очень конкретная грамматика. Это работа на много лет и для большого коллектива. Но она необходима.

В поисках прототипического существительного

И. В. Высоцкая

Новосибирский государственный университет / Новосибирский государственный педагогический университет

vysotskya@mail.ru

Частеречное поле, ядро и периферия, явления переходности

Summary. The author considers part of speech as field organization and determines compound of substantive periphery and centre subject to phenomena of transitivity

Взгляд на язык как естественное образование обуславливает принципы его описания. Противопоставление системного асимметричному, закономерному случайному, статике динамике снимается при «нелинейном» подходе, характерном для современной мыслительной парадигмы. Важным оказывается представление о языке как сети перекрещивающихся взаимодействующих влияний.

Теоретическая база исследования — не противоречащие друг другу положения теории переходности, теории поля и теории прототипов.

Утвердившаяся в лингвистике (см. работы В. Г. Адмони, В. М. Павлова, В. В. Бабайцевой, И. В. Высоцкой, Е. С. Кубряковой, П. А. Леканта, К. Я. Сигала, И. И. Ревзина и др.) мысль о полевой организации части речи позволяет представить ядерные и периферийные явления в качестве элементов единого частеречного поля. Логично предположить, что и система частей речи в целом также имеет полевою организацию (представляет собой поле, состоящее из полей).

Изучение взаимосвязей между частеречными полями дает возможность не только выделить синкретичные (периферийные и промежуточные) образования, совмещающие признаки двух и более противопоставленных единиц, но и уточнить состав ядра частей речи.

С учетом процессов диахронной и синхронной переходности рассмотрим имя существительное как частеречное

поле. Эта часть речи связана со всеми другими, кроме дееспричастия. Узуальные синхронные связи имени существительного проявляются в явлениях синкретизма на уровне межчастеречных переходов и морфемного словообразования.

Дальнюю субстантивную периферию образуют синкретичные явления различного происхождения: субстантивированные прилагательные (*колыбельная, горничная, темная, великое*), причастия (*подчиненные, испытываемый, будущее, подлежащее*), местоимения-прилагательные (*каждый, некоторые, это, другой*), порядковые числительные (*на второе, шестнадцатого*). Субстантивное функционирование совмещается с их несубстантивной формой.

Ближняя периферия представлена отглагольными (*изучение, ходьба, бег, проверка*), отадективными (*гордость, доброта, тишь*), отпричастными (*зависимость, заинтересованность, избранность*), образованными от числительных (*двойка, тройка, семерка*) образованиями. По форме это имена существительные, однако в их семантической структуре категориальное значение предметности сочетается соответственно с процессуальным, признаковым, нумеративным семантическими компонентами. Эти существительные могут обладать неполной парадигмой и не иметь при себе определений.

Очевидно, что частеречная периферия — это зона синкретизма, нестабильности, притяжения другого ядра.

Как ни парадоксально, легче обозначить состав периферии, нежели ядра, поскольку синкретичные явления изучены гораздо полнее. Типичные представители категории привлекают меньше внимания, вероятно потому, что принадлежность к ядру кажется очевидной и не требующей доказательств. Однако слова, имеющие вполне субстантивные форму и содержание, легко переходят в состав других частей речи. Заметим, что ядерные единицы более устойчивы и, в отличие от синкретичных явлений, наименее подвержены переходу.

Учет процессов адвербиализации (*весной, напрокат*), предикативизации (*страх, пора*), прономинализации (*дело, вещь* в составе именной части сказуемого), модалации (*в частности, правда*), интеръективации (*батюшки, караул*), препозиционализации (*в течение, навстречу*), партикуляции (*в особенности, эка беда*), конъюнкционализации (*благо, вроде*) позволяет уточнить состав субстантивного ядра.

Выделим на основании этого признаки ядерных имен существительных.

1. Ядерные существительные — производные слова. Производные слова являются источником пополнения других частей речи, в частности — наречных (*без передышки, с непривычки*) и служебных (*в зависимости от, в течение*) единств.

2. Ядерные существительные — исконно русские слова. Некоторые иноязычные существительные (*бордо, коми, мими*) переходят в класс аналитических прилагательных.

3. Ядерные существительные обладают предметной семантикой.

Для пояснения последнего признака (на первый взгляд, тривиального) воспользуемся приемом отрицания. Прото-

типическое существительное не связано с идеей числа (чтобы не попасть в поле притяжения числительных: *миллион, четверть*), времени (иначе оно перейдет в класс наречий: *днем, до той поры*), пространства (чтобы не подвергнуться адвербиализации и препозиционализации: *вдаль, поверх*). Оно не выражает значений метатекстовых (дабы не пополнить число модальных слов: *факт, глупости*) и оценочных (риск оказаться в составе слов категории состояния, модальных слов, частиц, междометий: *грех, к счастью, страсть, горе*).

Казалось бы, субстантивное ядро образует лексико-грамматический разряд конкретных имен существительных. Однако прототипическое существительное не обозначает лицо: слова *брат, девушка, человек* тяготеют к местоимениям, слова *мама, бабушки* и другие вокативные формы имен существительных пополняют класс междометий. Наиболее устойчивы и не подвержены переходу неодушевленные имена существительные, обозначающие конкретный предмет. Но только в том случае, если они не имеют обобщающей семы, поскольку прономинализации подвергаются не только слова *голова, туча*, но и даже существительные *вещь, предмет* — лексическое «средоточие» идеи предметности.

Таким образом, принадлежность к субстантивному ядру обусловлена различными лингвистическими факторами (словообразовательными, семантическими и др.). Ядерные имена существительные — это 1) производные слова; 2) исконно русские слова; 3) неодушевленные, обозначающие конкретный предмет.

Последовательное изучение взаимосвязей каждого элемента системы со всеми остальными позволит создать «морфологию взаимодействия».

Морфолого-семантические особенности слова один в русском языке

А. Р. Гелегаева

Дагестанский государственный университет
lekova65@mail.ru

Своеобразие слова, синтагматика, контекстные условия

Summary. В сообщении выявляются причины своеобразия слова один в морфолого-семантическом аспекте.

1. На семантическое и морфологическое своеобразие высокочастотного слова *один*, занимающего особое место в системе частей речи русского языка, оказывает влияние его местоименное происхождение из праславянского *edin*, в котором является сложением частей *ed* — *инь* (ср. *иной*) с местоименными основами [Фасмер, т. III: 122].

2. В значении названия числа, отмечаемого словарями как первое, слово *один* изменяется лишь по падежам, как и другие числительные, но в отличие от них имеет морфологически выраженные формы рода (только мужского) и числа (единственного).

3. В значении количества предметов слово *один* употребляется лишь в особых целях актуализации, т. к. сама форма единственного числа определяемых существительных (или местоимений) выражает идею единичности. Слово *один* при этом имеет синтаксически зависимые грамматические формы рода, числа, падежа и одушевленности-неодушевленности, как прилагательные.

4. В количественном значении слово *один* может употребляться как существительное (обычно мужского рода), обозначая при этом человека (*Семеро одного не ждут*).

5. Анализируемое слово может выражать и значение прилагательных *одинокий, единственный*, что подчеркивается употреблением при нем существительного или местоимения с предлогом *без*. В таком индивидуализирующем значении слово *один* может функционировать и как личное существительное (*Один в поле не воин*).

6. В выделительно-ограничительном значении слово *один* обычно сочетается с частицами *лишь, только*, сохраняя при этом свои словоизменительные признаки. В значении существительного отмеченной семантики слово *один* функционирует лишь в форме среднего рода.

7. Слово *один* обнаруживает и свою местоименную природу, выражая значение «некий», «какой-то», «кто-нибудь».

8. Слово *один* в сочетании с существительными абстрактной семантики может выражать и оценочное значение «чрезвычайный», «очень сильный», «сплошной».

Итак, синтагматические связи слова *один*, контекстные условия его употребления определяют не только семантику, но и грамматические признаки этого слова, вследствие чего отнести его к какой-либо одной части речи затруднительно.

Проблема адвербиальных выражений (на материале сопоставительного анализа темпоральных лексем в русском и французском языках)

Е. Н. Гулидова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
katedasha@mail.ru

Адвербиальное выражение, синтаксический критерий, формальный критерий, идиоматичность значения, неизменяемость

Summary. This research deals with the problem of adverbs and adverbial phrases, their correlation. The adverb remains one of the least analyzed grammatical classes in the language. Our investigation focuses mainly on time adverbials in Russian and French. We analyze formal, semantic structure of adverbial phrases as well as their functions in the sentence and try to define their main distinctive characteristics.

Проблема адвербиальных выражений, затронутая в данном исследовании, представляется нам актуальной по нескольким причинам. Во-первых, потому что наречие оста-

ся одним из самых спорных грамматических классов, выделяемых в языке: до сих пор нет единого мнения о том, какие единицы считать наречиями, а какие — нет. К тому же, это

один из наименее описанных классов, и работ, посвященных наречию и адвербиальным выражениям, не так много. Наконец, существует проблема перевода с одного языка на другой. Таким образом, наша тема представляется актуальной и в аспекте преподавания русского языка в иностранной (в данном случае французской) аудитории и французского языка — в русской.

«Адвербиальный» значит «наречный», главным грамматическим признаком наречий является их неизменяемость. Получается, что наречные выражения претендуют на формальную (грамматическую) характеристику.

Здесь возникает проблема определения адвербиальных выражений. С одной стороны, очевидно, что такие выражения, как *à présent* (теперь, букв. 'в настоящее время'), *de ce pas* (сию минуту, тотчас, без промедления; букв. 'этим шагом') не являются наречиями в собственном смысле слова. На это указывает, в частности, раздельное написание выражений (они состоят из двух и более слов), способ их образования (транспозиция других частей речи). С другой стороны, нельзя отнести каждый составной элемент в этих выражениях к той или иной части речи, поскольку они уже полностью лексикализовались и превратились в устойчивые выражения со значением времени. Это хорошо видно при буквальном переводе на русский язык.

Также неясно, как классифицировать выражения с разной степенью идиоматичности. Имеем ли мы право отнести их к наречным выражениям (примыкающим к классу наречий), или же это сочетания других частей речи (например, предложно-падежные формы имен существительных)? Ср.: *par suite* — следовательно / *par la suite* — впоследствии (*suite* — устар. следование за кем-л.); в словарях первое из этих выражений относится к *locutions adverbiales* (адвербиальным выражениям), а второе — нет. Наличие / отсутствие определенного артикля (*la*) при существительном нецелесообразно в данном случае считать основанием такого разбоя, сравните, например: *à la suite* — один за другим с пометой *loc. adv.* Вообще во французских словарях и грамматиках мы наблюдаем полное отсутствие каких-либо четких критериев разграничения наречных и не наречных выражений.

В своей книге «Семантика наречий и адвербиальных выражений» М. В. Филипенко рассматривает наречия как подкласс адвербиальных выражений. Адвербиальные выражения (адвербиалы, адвербы) понимаются очень широко и выделяются главным образом на основе синтаксического критерия — по функции в предложении, которая аналогична функции наречий: они дают некоторую характеристику описываемой в предложении ситуации, например: *в три часа; поздно; когда уже стемнело*. Как видим, к наречным выражениям относятся довольно разнородные в морфологическом отношении единицы. Мы, однако, не можем принять такую трактовку наречных выражений, поскольку здесь совершенно не учитывается формальный (грамматический) критерий, смешивается семантика и функция наречий. Скорее в данной концепции можно было бы говорить о различных способах выражения обстоятельственных значений (имея в виду характеристику ситуации).

Тему адвербиальных выражений затронул и А. Д. Шмелёв в своей работе «Русская языковая модель мира. Материалы к словарю». Шмелёв относит к выражениям, напри-

мер, сочетания *с утра, с вечера*. Эти единицы рассматриваются и анализируются в аспекте их семантических различий, наряду с наречиями *утром, утречком, наутро, поутру*. С нашей точки зрения, слова *утром* и *утречком* — существительные (процесс адвербиализации у них еще не закончен), а выражения *с утра, с вечера* являются именными темпоральными группами (можно сказать: *с самого утра, с самого вечера*).

Образование адвербиальных выражений («составных наречий» — В. Г. Гак) является продуктивным процессом в современном французском языке. Они представляют собой транспозицию слов других частей речи. В силу недостаточности деривационных средств многие характеристики выражаются не наречиями, а наречными выражениями. В этом проявляется аналитизм французского языка. Представим основные модели образования темпоральных адвербиальных выражений:

а) предлог + прилагательное: *à nouveau, de nouveau* — снова;

б) предлог(и) + наречие(я): *avant peu* — вскоре, недавно, *à jamais* — навсегда, *de loin en loin* — время от времени;

в) предлог + инфинитив глагола: *sans tarder* — не мешкая, *toutчас, sans différer* — безотлагательно;

г) предлог + существительное. *d'abord* — сначала, *à présent* — теперь, ныне.

Мы выделяем следующие важнейшие признаки адвербиальных выражений:

Неизменяемость. Это «застывшие», устойчиво воспроизводимые сочетания, входящие в них элементы не изменяются. Существуют также выражения, в которых исторически закрепилась вариативность (например, вариативность артикля), которую не следует путать с изменяемостью: *au / à la va-vite* — наспех, наскоро, на скорую руку; *быстро*.

Идиоматичность значения, семантическая нерасчлененность выражения; утрата привычного лексического значения входящими в него элементами, например: *à tout bout de champ* — поминутно, то и дело ('в каждом конце поля'), *à la petite semaine* — постепенно; *изо дня в день* ('в маленькую неделю'), *sur-le-champ* — немедленно, тотчас же ('на поле').

Частая утрата грамматических характеристик и традиционных синтагматических свойств у слов — компонентов наречного выражения. Особенно это касается выражений, в состав которых входят прилагательные (*en vain* — тщетно, напрасно), числительные (*en deux* — надвое) и глаголы (*sans tarder* — не мешкая), все они употребляются с предлогами в данных адвербиальных выражениях.

Полуслитное (дефисное) и раздельное написание: *sur-le-champ* — немедленно, *tout à coup* — внезапно, вдруг.

Функция обстоятельства (при глаголах и наречиях) и определения (при существительных).

Литература

1. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2004.
2. Филипенко М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М., 2003.
3. Шмелёв А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.

Некатегориальные фразеологические средства выражения пассивности

Х. Д. Дамянова

Шуменский университет «Епископ К. Преславский» (Болгария)

hristinadobрева@abv.bg

Морфологический пассив, пассивность, некатегориальные средства пассивности, лексический пассив

Summary. The paper focuses peripheral phrasal means of the functional-semantic category "passive".

Как пассивные, исходно-объектные по залоговому значению оцениваются предикативные или атрибутивные конструкции, диатезная структура которых строится на соответствии подлежащего семантическому объекту, испытывающему сознательное или несознательное воздействие ([6], [7], [8], [9], [3], [11], [12]). Пассивной семантики могут быть активные по грамматической форме лексические единицы,

словосочетания, высказывания, являющиеся некатегориальными, факультативными средствами выражения категориального значения пассива [4: 17]. Лексическим пассивом квалифицируются выражения типа *Он терпит обиды* [10: 45–48].

Неканоническими средствами пассивности выделяются глагольно-именные, предложно-именные сочетания типа *найти применение, требовать внимания, быть под аре-*

стом / под контролем [3: 181]. В русской фразеологии обнаруживаются аналогичные по семантике конструкции. Сема «пассив» вскрывается при помощи компонентного анализа, дефиниционного подхода, а залоговая сема эксплицируется при помощи пассивной формы глагола, участвующей в толковании ФЕ (толкования даются по [5]). Выделяются следующие типы структур пассивной семантики:

1. Глагольно-именные ФЕ: *проглотить пилюлю* ('молча, терпеливо снести обиду, оскорбление'); *получить / получить выволочку / взбучку / трепку; отведать / отведывать кулаков; не выдержать / не выдерживать никакой критики; не носить головы* кому.

2. Предложно-именные ФЕ квалификативной или обстоятельственной семантики: *выйти / выходить сухим из воды* ('избегать заслуженного наказания, оставаться незапятнанным, безнаказанным'); *попадать / попадаться в руки; попасть / попасться в руки* кого, чьи, кому, к кому: 1. 'оказываться в чьем-либо владении, распоряжении', 2. 'быть пойманным, схваченным кем-л.'; *лежать на плечах у кого, чьих* ('являться предметом забот, попечений'); *попадать / попадаться на зубок / зуб* кому, к кому ('становиться предметом насмешек, сплетен, критики'), ср. *попасться / попадаться на глаза* кому; *не в счет; быть на заметке у кого; теряться из вида; кланяться / поклониться в ножки / ноги* кому; *ложиться / лечь на бумагу / под перо; с молотка пойти; попасть / попадать на язык / язычок* кому, к кому; *в почете* быть; *на примете у кого; в устах, в речи, на устах* быть у кого; *под пятой, под сапогом; работать из-под палки; быть в ходу; быть в когтях у кого; умирать под ножом; висеть на носу у кого / язык над головой; под властью / во власти* чего; *влезать / вкрадываться, вкратсья в доверие* к кому.

3. Субстантивные ФЕ с семей пассив в семантической структуре типа *развесистая клюква* ('небылица, выдумка'); *маменькин сынок* ('избалованный, избалованный мальчик или молодой человек'); *маменькина дочка; притча во языцех* ('предмет всеобщих разговоров, постоянных пересудов'); *запретный плод; обетованная земля; тертый калач; козел отпущения; манна небесная; тепличное растение; слабая струнка / струна* кого, чья; *персона нон грата, персона грата; кисейная барышня; ахиллесова / ахиллесовская пятка / пята; раб божий; вторая скрипка; газетная утка; дама сердца; дело рук чьих; китайская грамота; оранжевое растение; темный лес; бабушкины сказки; пушечное мясо; баловень судьбы.*

4. ФЕ — коммуникативные единицы, глагольно-пропозициональные фразеологизмы. Они выделены в [5]. В. П. Жуков в [2] отводит им промежуточное место между пословицами и поговорками. В глагольно-пропозициональных фразеологизмах главный член — эксплицитный или имплицитный соответствует семантическому объекту действия, ср. *Дело на мази* ('близко к осуществлению, завершению'); *Вертится в голове / вертится на языке* ('никак не вспоминается'); *Плохо / близко лежит* ('легко можно украсть, стащить, присвоить'); *В руки просится / плывет, идет* ('легко, без труда достается что-л.'). *Не укладывается в голове / в сознании; Дело в шляпе; Хоть в петлю лезь / хоть в петлю ползай.* Значение «не заслуживать внимания, ничтожный, незначительный, пустяковый» репрезентируют ФЕ *Плевка не стоит* — прост. В значении «никуда не годится, неизмеримо хуже по своим качествам»: *Никуда не годится; в под-*

метки не годится кому, чему; *в подметки не станет* кому, чему.

В основе построения некоторых ФЕ лежит метафорический или метонимический перенос. Метафора как фигура речи выполняет характеризующую функцию, основана на скрытом сравнении, аналогии, на ее основе переносятся качества одушевленных предметов на неодушевленные и наоборот: *Из ума / из головы, из памяти вон / выскочило* у кого ('совсем забылось'); *Горит в руках чьих, у кого* ('выполняется быстро, успешно, спорится'); *В руки просится / плывет, идет* ('легко, без труда достается что-л.'). *Каши просят* ('требуют починки, ремонта сапоги, ботинки, подметки); *Есть просят / Каши просят; На дороге не валяется / на полу, на улице не валяется; Конь еще не валялся у кого; Просится на язык / Слово так и просится с языка; Ни в какие ворота не лезет; Всякое лыко в строку; Только пух и (да) перья летят / летят от кого / пух летит / полетит / пух и / да перья / клочья летят / летят; Овчинка выделки не стоит; Белью / бельем поросло.*

Характерным приемом является синекдоха как вид метонимии, семантической трансформации отношения части к целому и наоборот, ср. *Живого места нет* на ком, чем / *живого места не осталось* (1. 'кто-л. весь избит, изуродован'; 2. 'кто-либо весь перепачкан, измазан'); *Мокрого места не останется от кого / мокрое место останется* — прост. ('будет совсем уничтожен').

Фразеологические средства выражения функционально-семантической категории «пассив» являются ее периферийными компонентами. Они дополняют представление о пассивной перспективе, охватывающей все уровни языка.

Литература

1. Бондарко А. В. К определению понятия залоговость // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
2. Жуков В. П. Русская фразеология. М., 1986.
3. Леч Р. Неканонические средства выражения пассивности: глагольно-именные конструкции типа находить / найти применение, быть, являться, становиться предметом рассмотрения // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
4. Медведева Л. М. Части речи и залог. Киев, 1983.
5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1986.
6. Холодович А. А. Залог. I. Определение. Исчисление // Категория залога: Материалы конференции. Л., 1970.
7. Храковский В. С. Конструкции пассивного залога: определение и исчисление // Категория залога: Материалы конференции. Л., 1970.
8. Храковский В. С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Л., 1974.
9. Храковский В. С. Диатеза и референтность: (К вопросу о соотношении активных и пассивных рефлексивных и реципрокных конструкций). // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
10. Яхонтов С. Е. Конструкции, называемые пассивными в китайском языке. Категория залога: материалы конференции. Л., 1970.
11. Lötzsch R., Fiedler W., Kostov K. Die Kategorie des Genus verbi in ihrem Verhältnis zu einigen verwandten morphologischen Kategorien // Lötzsch R., Ružička R. (Hrsg.). Satzstruktur und Genus verbi (= studia grammatica XIII (1976)). Berlin, 1976. S. 63–94.
12. Lötzsch R. Agensausdruck und Valenzbeziehungen in passivischen Streckformenkonstruktionen des Deutschen und Russische // Zeitschrift für Slawistik. 1985. Bd. 30.

Внутренняя форма простейшего и простого предложения в свете системной теории падежа

А. Ф. Дрёмов

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ
afdream@bk.ru

Предложение, силлогизм, событие, падеж, внутренняя детерминанта

Summary. The most recent results of systemic research of case functions in simple proposition structures are presented in this report. They differentiate between simple and simplest propositions as syntactic units, which have different grammatical significations. They clarify the conception of an event. The introduction of the notion substantiates the use of the term "causal syllogism". It defines the ostensive definition of internal determinant of the Russian language.

1. Одним из следствий изучения функций падежей в структуре простого предложения с позиций современной системной лингвистики, методологической основой кото-

рой является системология Г. П. Мельникова, стало разграничение 1) **простейшего** и 2) **простого** предложения как синтаксических единиц разных видов.

2. **Простейшее предложение** — это **внешняя форма** обобщений о наблюдаемых явлениях объектов (*Огонь гаснет; Вода течёт; Одежда сохнет*). Из таких речевых единиц состояли первообразные тексты, которыми до формирования падежей и переходных глаголов описывались события (*Учитель объясняет. Теорема объясняется. Ученики понимают...*). **Внутренней формой**, или **значением**, сообщения, имеющего форму простейшего предложения, является **суждение с явным предикатом**. Каждое такое суждение является результатом **рассуждения** продуцента — «акта самостоятельного полагания через анализ», при котором конкретный чувственный образ, являющийся **антецедентом** суждения (напр., «*гаснущий огонь*»), разлагается на 1) обобщенный, социализированный благодаря языку **образ** наблюдаемого объекта, становящийся **субъектом** суждения (*огонь* — има; тема; подлежащее), и 2) обобщенный, социализированный функцию **предиката** (*гаснет* — глагол; рема; сказуемое).

3. Устойчивое инвариантное образование, формирующееся в идиолекте социализируемого индивида как ассоциация 1) суждения и 2) простейшего предложения, есть **двусторонняя монопредикативная знаковая форма**, или пропозиция. Чтобы **понять** высказывание, имеющее такую форму, реципиент должен вообразить объект, называемый темой высказывания (субъект суждения), в тот момент или интервал его бытия, когда в нем проявляется названное ремой свойство (предикат). Поэтому **предикативность** трактуется в современной системной лингвистике как «коммуникативный императив» — необходимость формирования из обобщенного образа объекта (*огонь*) и обобщенного образа свойства (*гаснет*), посредством **умозаключения**, или «акта самостоятельного полагания через синтез» (Кант, Гумбольдт, Мельников), конкретного образа, **консеквента** (*гаснущий огонь*), подобного образу-антецеденту, возникшему во внеязыковом сознании продуцента при непосредственном восприятии описываемого объекта.

4. В отличие от простейшего предложения, формировавшегося как «абстрактный образец» сообщений о явлениях, **простое предложение** формировалось по мере развития 1) падежей и 2) класса **переходных глаголов** как **внешняя форма сообщений о событиях**, напр.: *Учитель мелом на доске пишет ученикам аргумент Зенона. Внутренней формой*, или **значением**, этого и подобных сообщений является особая, **полипредикативная**, мыслительная единица — **каузальный силлогизм**, представляющий собой **диалектическую форму** отражения в сознании **целостных, синтагматических** отношений, возникающих между объектами, когда «они оказываются функционально взаимодействующими по отношению к функции того целого “механизма”, в который они входят как “детали”» (Г. П. Мельников). Несмотря на то что каузальный силлогизм полипредикативен и, следовательно, полисинтетичен, предложение данного вида является **простым**, поскольку в нем есть **одно**

глагольное сказуемое — внешняя форма **обосновывающей** («большей») посылки каузального силлогизма. Им эксплицитно выражается вид, время и модальность действия агенса как **причины** события и установления связей и отношений между ним и другими актантами события; эти же характеристики явлений всех других актантов (лиц и вещей), участвующих в событии или имеющих к нему отношение, т. е. **таксис**, выражаются **морфологически** — **падежами**, которые, будучи свернутыми простейшими предложениями, являются внешними формами **основных** («меньших») посылок каузального силлогизма.

5. **Событие**, образ которого является номинативным смыслом подобных сообщений, понимается как имеющая основание и естественную меру развития хронотопически определенная совокупность иерархически связанных и обусловленных явлений.

6. Устойчивое инвариантное образование, формирующееся в идиолекте социализируемого индивида как ассоциация 1) **каузального силлогизма** и 2) **простого предложения**, т. е. **внутренней** и **внешней форм** сообщений о событиях или их актантах, есть **двусторонняя полипредикативная знаковая форма**, или «каузальная силлогизация». Простое предложение, в отличие от простейшего как средства грамматической формализации и выражения логической связи субъекта и предиката суждения (смыслов темы и ремы простейшего сообщения), является формально-грамматическим средством выражения **координационной связи посылки** каузального силлогизма. В высказывании, созданном в форме простого предложения, эта связь выражена **падежами**.

7. **Всякая падежная форма имени** по своему значению **предикативна**, но в ней предикативность (смысловая, логическая, причинная связь **образа объекта** и **образа его роли в событии**, являющихся субъектом и предикатом основной посылки) выражена **имплицитно: подлежащим** такого свернутого простейшего предложения является **основа падежной словоформы** (ею называется объект), а **сказуемым** — ее **флексия** (ею обозначается роль этого объекта в событии). Падежная словоформа есть **нецелостное** высказывание, поскольку им сообщается лишь то, что **называемый в нем объект является актантом события**, т. е. выполняет в нем **определенную функцию**: его действие является либо причиной события (агенса), либо одним из следствий участия в причинном процессе (фациенса, пациенса, бенефицианта), либо он имеет к процессу причинения отношение как его основание (прекурсор) или хронотоп (локус).

8. Связи и отношения актантов события можно представить в виде схемы — оstenсивного определения **внутренней детерминанты** русского языка. Как следствие, мы имеем системную классификацию падежей, классификацию актантов события (с учетом их функций и сфер проявления свойств), парадигму членов русского простого предложения, его структурную схему, а также парадигму посылок каузального силлогизма.

«делает»	«есть»	«имеет»	«делает»	«есть»	«имеет»
И.п.	Р.п.	Д.п.	причина	основание	последствие
			условие	следствие	хронотоп
			S ₁ -агенса	S ₃ -прекурсор	S ₂ -бенефициант
			O ₂ -фациенс	O ₁ -пациенс	O ₃ -локус
			Учитель	Зенона	ученикам
			мелом	аргумент	на доске
			пишет		

Причины политипологизма и его проявления в русском языке

Л. Г. Зубкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

voda@centimelio.ru

Функции, двойное означивание, категоризация, номинация и предикация, политипологизм

Summary. In the paper reasons of typological heterogeneity of languages and its different manifestations in Russian are examined.

Типологическая неоднородность в той или иной мере присуща всем языкам. Обычно ее связывают с взаимодействием

языков, с их исторической изменчивостью, с неравномерностью развития разных сторон языкового целого, вслед-

ствие чего, по словам И. А. Бодуэна де Куртенэ, «... в каждом языковом состоянии мы констатируем пережитки и признаки будущего».

Однако и функционирование языка в качестве посредника между миром и человеком, и само его устройство не только способствуют политипологизму, но даже нуждаются в нем, причем с развитием функциональных разновидностей все больше. Отвечая на запросы трех своих надсистем — физической, социальной и психической, язык выполняет множество функций в каждой из них, а потому не является однозначно детерминированной системой. Соответственно в нем могут действовать с различной степенью вероятности противоположные, казалось бы, грамматические тенденции — полисинтетизм, синтетизм и аналитизм, фузия и агглютинация, чтобы разграничить в плане выражения разнообразие простых и сложные знаки — как отдельные типы словесных знаков, так и тексты сосуществующих функциональных разновидностей языка. Необходимость в использовании разных грамматических тенденций диктуется потребностями актуализации и категоризации основных типов языковых знаков. В соответствии с двумя главными текстообразующими принципами — номинации и предикации — таковыми являются идентифицирующие и предикационные знаки, через которые в составе предложения, как показала Н. Д. Арутюнова, и осуществляется связь мира внешних явлений с внутренним миром человека.

Политипологизм конкретных языков заложен в существенных свойствах Языка. Язык — знаковая система с двойным означиванием (семиотическим и семантическим) и с двумя способами категоризации (внутри слова и применительно к положению слова в предложении). Способы двойного означивания соотносительны со способами категоризации: и те, и другие основываются на противоположении слова предложению-высказыванию. Хотя функциональная нагрузка каждого из способов означивания и особенно категоризации может существенно различаться от языка к языку, тем не менее ни один язык не может обойтись без разных способов как означивания, так и категоризации. Даже если категориальные грамматические значения получают регулярное выражение внутри слова (как в русском языке), лишь некоторые из них, имеющие *отражательный характер*, не требуют для своего выявления опоры на синтаксические связи. Остальные, в определении «Русской грамматики» (1980), принадлежат к синтагматически выявляемым.

И актуализация языковых знаков, и их категоризация нуждаются в материальном выражении грамматических значений. Именно по объему материальных возможностей актуализации и категоризации одни языки относят к «грамматическим», другие — к «лексическим». Русский язык принадлежит к числу «грамматических»: в русском словаре словообразовательно мотивированные знаки преобладают над немотивированными в отношении 7 : 1, в русском тексте служебные морфемы доминируют над знаменательными в отношении 2 : 1.

Благодаря развитой грамматике русский язык обладает средствами различения 1) немотивированных и мотивированных знаков разных ступеней мотивированности, 2) разных семиологических классов слов — назывных (собственно-знаменательных), указательно-заместительных (местоименных) и связочных (служебных), а среди собственно-знаменательных слов явно разграничиваются 3) идентифицирующие и предикационные знаки, из них прежде всего базовые части речи — имена существительные и глаголы.

Требования адекватного материального выраженного различения всех этих классов не могут быть удовлетворены действием одной ведущей грамматической тенденции — фузионной, а точнее — фузионно-синтетической, свойственной, согласно А. А. Реформатскому, индоевропейским языкам, включая русский. На самом деле в русском языке вследствие последовательно проведенной грамматической категоризации, нуждающейся для своего выражения в многообразии языковых средств, сосуществуют разные грамматические тенденции — фузия наряду с агглютинацией, синтетизм наряду с полисинтетизмом и аналитизмом.

Действие фузионной или агглютинативной тенденции в русском языке сопряжено с линейностью означающих и ступенчатым характером словообразования. Фузионная тенденция преобладает в словах меньшей синтагматической сложности (меньшей глубины и длины), в первую очередь в немотивированных (непроизводных) словесных знаках. Аг-

глютинативная тенденция характерна для более сложных и протяженных образований, т. е. для мотивированных (производных) слов, особенно на высоких ступенях словообразования. С повышением ступени словообразования и усложнением морфемного строения слова упрощается его семантическая парадигма, повышается степень продуктивности типов словоизменения, нетривиальное словоизменение сменяется тривиальным. Соответственно упрощается акцентная и альтернативная парадигма, так что полиморфизм корня / основы сменяется мономорфизмом.

Различия по степени морфемной сложности (или индекса синтеза) используются в русском языке также для разграничения семиологических классов слов и частей речи. Разные семиологические классы слов характеризуются последовательным увеличением индекса синтеза с повышением степени знаменательности — от служебных слов (их индекс синтеза составляет 1,01–1,2) к местоимениям (1,5–2,01) и, далее, к собственно-знаменательным словам (2,51–2,99). Если принять во внимание частеречную принадлежность собственно-знаменательных слов, то по степени сложности морфемного строения слова в русском языке выделяются три зоны: аналитизма, синтетизма и полисинтетизма. Служебное слово постоянно пребывает в зоне аналитизма, существительное — в зоне синтетизма (индекс синтеза — 2,02–2,73), глагол — в зоне полисинтетизма (индекс синтеза — 3,20–4,15). Степень сложности остальных частей речи зависит от характера текста. Судя по знаменательным словам, существует корреляция между частеречной характеристикой каждой данной зоны и типом текста.

Дифференциация частей речи по степени морфемной сложности — тенденция укрепляющаяся. В результате морфологического опрощения полисинтетическими (но уже в меньшей степени) остаются только глаголы, имена оказываются синтетическими, а наречия — аналитическими. Тем самым упрочивается основной принцип флективного строя, предполагающий, по В. Гумбольдту, «четкое различение понятий предмета и отношения» путем «придания каждому из них своего собственного выражения».

Указанные количественные различия подкрепляются качественными. *Распределение типовых морфемных структур* в именах существительных и глаголах подчинено действию прямо противоположных тенденций: в более лексичных существительных господствует корневая структура, в более грамматичных глаголах преобладают аффиксальные структуры — префиксальная и особенно префиксально-суффиксальная.

В иерархии конкретных моделей в составе типовых морфемных структур у существительных самые высокие ранги занимают модели корень + флексия, корень + суффикс + флексия. В глагольных словах возможны разные тенденции: модели могут выстраиваться как в порядке усложнения, так и в порядке упрощения. Это зависит и от характера типовой структуры, и от характера текста. В письменном художественном тексте в иерархии моделей, принадлежащих к той или иной типовой структуре, действует принцип «от сложного к простому»: во всех структурах по частоте употребления лидируют самые сложные модели. В разговорной речи в иерархии моделей преобладает принцип «от простого к сложному». В устном художественном тексте (в народных сказках) и еще определеннее в научном стиле сосуществуют оба принципа.

Таким образом, благодаря глаголу тексты важнейших функциональных разновидностей тоже оказываются типологически неоднородными. Неоднородно в них и *соотношение именной и глагольной морфологии*. Если судить по частоте имен существительных и глаголов, то в научном стиле резко преобладает именная морфология, в разговорной речи (но не столь явно) — глагольная, в художественных текстах, в особенности устного происхождения, соотношение именной и глагольной морфологии выравнивается.

По всей вероятности, типологическая неоднородность базовых частей речи, текстов как сложных языковых знаков и языков в целом по соотношению именной и глагольной морфологии имеет общие функциональные основания и связана с фундаментальным противоположением номинации и предикации. Укрепление этого противоположения служит и выявленные А. А. Потембин тенденции исторического развития русского языка — 1) увеличивающаяся по направлению к нашему времени «противоположность имени и глагола», 2) «стремление сосредоточить предикативность в глаголе».

О расширении семантического аспекта морфологического анализа

В. Ф. Ильина

Педагогический институт Саратовского государственного университета

moi_polosatik@mail.ru

Аспекты структурно-семантической интерпретации морфологических объектов

Summary. The experience of methodical adaptation of modern semantic researches in practice of study morphological system of Russian Language in high education establishment.

1. Длительное время для русской грамматической науки было традиционным выделение собственно морфологической проблемы — учения о частях речи, определяемых на основе их значения, грамматических признаков, правил изменения. Однако обзор понятий, характеризующих части речи и их признаки, был упрощенным, ориентированным главным образом на формальные свойства слов. В эволюционном изменении содержания морфологии стало решающим применение к составлению грамматик выработанных лингвистикой общих теоретических положений, характеризующих язык в целом, — идеи уровневой организации языка, принципа системности в описании уровней языка и его единиц, принципа двусторонней сущности языка, понятия инварианта и варианта в языке, признания дихотомии языка и речи и др. Традиционное содержание морфологии в этом методологическом контексте значительно «редуцировалось» за счет вывода из ее состава фонетики, морфемки и словообразования, но оно стало активно пополняться новыми теоретическими знаниями о морфологических объектах.

2. Исследовательский опыт свидетельствует, что новый импульс научных поисков начинается с уточнения (изменения) понимания предмета науки, он был дан выходом в свет труда В. В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947). Таким образом, *слово* как «центральная единица языка» (Ф. Д. Соссюр) таковой остается и в Морфологии. Ставится научно-дидактическая задача определения структурно-семантической природы *слова* и его роли в сложном механизме морфологического строя.

В словоизменяющей системе русского языка слово реализуется в потенциальной совокупности своих грамматических форм, получивших терминологический статус *словоформ* (СФ) (А. И. Смирницкий, 1955). Типичная структура СФ в русском языке состоит из основы и оформляющей ее грамматической *морфемы*. Именно она и есть собственно морфологическая единица. Однако морфема сама по себе, вне основы слова, не может быть семантически охарактеризована (ср.: *стена* — *стола* — *ворота* — *два*): морфема как элементарная единица иерархически подчинена слову. Таким образом, СФ имеет структурно организованную значимость; по уже устоявшейся традиции, СФ квалифицируется как уровнехарактеризующая единица морфологической системы языка.

Данные свойства СФ обнаруживают ее двойственную природу. С одной стороны, это конкретно наблюдаемая морфологическая величина, содержащая многоступенчатую грамматическую информацию (ср.: *Дерево растёт*); с другой, — это единица, грамматические свойства которой формируют замкнутые грамматические системы (ГК), лексико-грамматические разряды (ЛГР), морфологические классы (ЧР). Эти сущности одновременно сосуществуют в морфологической системе языка и непосредственно участвуют в выражении языкового содержания, выявляя между собой определенную иерархическую зависимость.

3. *Словоформа* как конкретно наблюдаемая величина имеет сложную внешнюю и внутреннюю (содержательную) структуру, поэтому теоретически и методически оправдано изучение ее сущности в двух аспектах — *парадигматическом* и *синтагматическом*.

По ведомству *парадигматики* происходит выявление внешних системных признаков словоформ и объективация их содержания. Структурно-семантической интерпретации при этом подлежат следующие ключевые понятия: слово — словоформа — синтаксема; СФ как единство основы и формообразующего средства; понятие ГЗ и его типов; явление симметрии / асимметрии формы и значения; исчисление и формулирование ГЗ словоформы.

Парадигматические свойства СФ обнаруживаются также при характеристике ее как структурно организованного элемента системы языка. Эта сторона сущности СФ раскрывается в составе ГК: по семантическому и формальному признакам она вступает с другой / другими СФ в устойчивые отношения — *оппозиции*. СФ эксплицирует свое ГЗ лишь при наличии противопоставленной формы по тому же признаку в соответствии со своим ЛЗ. Системно обусловленное свойство СФ проявляется и в том, что СФ, будучи составной частью своей лексемы, формирует ЛГР слов, которые, в свою очередь структурируют семантическое поле части речи, демонстрируя при этом континуальное свойство языковой системы.

Синтагматические свойства СФ раскрываются при характеристике ее как значимого компонента *речи*. Дихотомия языка и речи является методологической основой исследования семантики СФ по схеме *языковая система* — *речь* (*текст*). В речи выявляется не только ее инвариантное грамматическое содержание, но и формируется вариантность семантики, в результате которой возникает *многозначность* СФ, обнаруживаются условия для появления *синонимических отношений* между СФ и различных *эмоционально-стилистических коннотаций*. В речи же выявляются внешне тождественные СФ, интерпретация их содержательного различия требует глубокого знания системы признаков, определяющих лексико-грамматическую индивидуальность разных морфологических классов слов — знаменательных, служебных, модальных.

4. *Грамматическая категория*, обладая свойством обобщать связи и противопоставления, всегда соотносится с СФ и вне этой единицы не существует. Но, в отличие от СФ, семантика которой имеет два параметра измерения, ГК представляет собой замкнутый класс СФ, поэтому ее структурно-семантические свойства могут рассматриваться только в плане парадигматики (М. М. Гухман). Данная морфологическая единица как двусторонняя сущность должна быть охарактеризована по нескольким параметрам: по значению, по взаимосвязи с ЛЗ, по количеству и характеру противопоставленных компонентов, по характеру содержания оппозиции, по охвату лексического материала данной части речи, по связям с ее другими МК, а также по роли в формировании ФСП (А. В. Бондарко).

5. Структурно-семантические свойства *части речи* характеризуются исторически сформировавшимся набором значимых признаков — семантических, морфологических, синтаксических, словообразовательных, по которым морфологические группировки противопоставляются друг другу. Данные признаки, составляя качественное своеобразие части речи, в ее характеристике не находятся в одной плоскости: семантический признак — общее категориальное (частеречное) значение — является ее сущностной характеристикой, ее *содержанием*; все другие признаки — *формой* воплощения данного содержания, определяющей материальный статус данного класса слов. Подлинное семантическое пространство части речи — это *полевая* структура (В. Г. Адмони). Она формируется группировками, в основе которых лежит неравномерное распределение грамматических признаков, собственных данной части речи. Определение сущности частей речи необходимо предполагает также выяснение их *системных* отношений по ряду признаков.

Предложенный обзор современного теоретического знания морфологических объектов соотносится с традиционным знанием, но вместе с тем требует нового метаязыка, иных видов учебной деятельности, переориентирует методику *констатирующего* анализа на анализ *объяснительный*.

За преодоление русоцентризма русистской грамматической традиции*

А. Е. Кибрик

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

aekibrik@gmail.com

Естественно, что национальная русская лингвистическая традиция связана прежде всего с русским языком и для подавляющего большинства лингвистов объектом профессиональной деятельности является русский язык. Естественно также, что в мировой лингвистике основным источником знаний о русском языке являются труды российских ученых.

Я оставляю за скобками разговор о безусловных достижениях российских ученых XIX-XX века, они общеизвестны и ревидии не подлежат. Несомненно, за последние десятилетия в русистике произошли существенные сдвиги в проблематике исследований, во взглядах на многие факты русского языка и в готовности пересмотра многих положений казалась бы неизбежной аксиоматики традиционных интерпретаций. Об этом тоже можно было бы сказать много похвальных слов. Но моя цель в другом — высказать некоторые соображения о ставших почти врожденными слабостях нашей науки, которые глубоко в ней укоренились и продолжают доминировать в современной русистской грамматической мысли.

Большинство современных работ по русской грамматике базируется на следующих презумпциях:

- русский язык самодостаточен для изучения,
- русский язык достаточен для построения лингвистической теории,
- русский язык достаточен как эталон при изучении других языков.

Эти презумпции сформировались в недрах традиционной русистики и до поры до времени не оказывали существенного влияния на качество лингвистического описания. Справедливости ради надо сказать, что в аналогичном положении находились и другие европейские и восточные национальные традиции. Однако со второй половины XX века принятие этих презумпций (а) все в большей степени изолирует русистику от постоянно развивающейся лингвистической теории и (б) оказывает отрицательное влияние на изучение малоизученных языков СССР. Скажу об этом чуть подробнее.

(а) Самоизоляция русистики противопоставлена взгляду на равнозначность, с точки зрения лингвистической теории, всех существующих и существовавших языков. Для науки о языке русский язык есть не более чем одна из 6000 реализаций Человеческого Языка. Из этого следует, что многое из того, что мы встречаем в русском языке, структурировано идентичным или аналогичным образом во многих языках, а многое — совершенно экзотично и не может быть никак предсказано из наших знаний о русском языке. При всем наблюдаемом бесконечном разнообразии человеческих языков это разнообразие отнюдь не является случайным, беспредельным и непредсказуемым. Наоборот, за этим разнообразием стоят довольно жесткие, строгие ограничения, которые обнаруживаются при массовом межязыковом сравнении отдельных языковых параметров. Поэтому в мировой лингвистике все более обязательным становится описание каждого языка в типологической перспективе — в той степени, в какой это возможно в настоящее время. Такое описание осуществляется в единых терминах, отражающих реальные сходства и различия между языками и покрывающих типологическое пространство варьирования.

(б) Особенно пострадало от указанных презумпций изучение многих языков народов СССР. Эти презумпции лежали в основе исследований как русских ученых, так и молодой школы лингвистов, являющихся носителями изучаемых языков. Точкой отсчета, как правило, являются русский язык, а также авторитет академической грамматики и столпов русской научной мысли.

Эти презумпции освобождают исследователей русского и других языков от знания современных тенденций на фронтах мировой теоретической лингвистики. А за последние 50 лет произошли колоссальные изменения во взглядах на человеческий язык и в универсальной методологии языкового моделирования. Конечно, много полезного можно сделать в науке, оставаясь в стороне от бурлящей многоголосицы конфликтующих лингвистических теорий. Ведь нынешняя ситуация в теории не являет собой чего-то единого, однозначно истинного и общепризнанного. Но она требует активного к себе отношения и выбора оптимальной системы презумпций, на основе которой строится современная описательная практика и используется наиболее эффективная методология.

Я хотел бы напомнить, что некоторые наши замечательные предшественники в области изучения русского языка стихийно выходили на такие передовые презумпции, которые существенно опережали состояние науки того времени и потому остались невостребованными или вообще забытыми.

(1) В самом начале своего труда «Синтаксис русского языка» (Издание второе. Л. 1941; первое издание вышло посмертно в 1925 году) классик русистики Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) дает определение предложения: «это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления» (с. 19). В этом определении исходным пунктом является концепт «единица мышления», с которым соотносится языковой объект, обладающий для участников речевого акта свойством грамматической цельности. В современной лингвистической теории такое понимание природы лингвистических единиц входит в аксиоматику когнитивной лингвистики. Если бы А. А. Шахматов жил в наше время, он был бы активным сторонником этой научной парадигмы. А где находится нынешняя среднестатистическая русистика, поклоняющаяся гению Шахматова?

(2) Выдающийся русский синтаксист Алексей Матвеевич Пешковский (1878–1933) знаменит своим трудом «Русский синтаксис в научном освещении», имевшим три прижизненных издания (1914, 1919, 1928). Этот труд, обладающий множеством достоинств, демонстрирует глубокое проникновение в природу естественного языка и опережение современной ему русистики и вообще лингвистической теории на много десятилетий. Отмечу только один фундаментальный принцип, эксплицитно сформулированный им в предисловии к третьему изданию: «В настоящее время я считаю классификационный путь вообще непригодным для установления синтаксических теорий» (с. 9-10). И далее о книге: в ней «больше выделен переходный характер многих синтаксических явлений, меньше проявлено заботы о размещении всех явлений по рубрикам и „клеточкам“» (с. 10). Мало ли у нас русистов, преклоняющих колено перед великим Пешковским, которые основной целью всякой проблемы считают расклассифицировать изучаемые объекты по рубрикам и „клеточкам“ и верят, что это можно сделать, не насылая факты?

Итак, отечественная наука не представляет собой дисциплинированную дивизию, ходящую строем, всегда есть отдельные субъекты, не желающие или не могущие это делать, но состояние науки определяется ее среднестатистическими характеристиками, и мои наблюдения касаются именно их. Я буду рад услышать аргументированные суждения, что я ошибаюсь, и надеюсь, что в принципе ситуация рано или поздно будет кардинально изменена.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 08-06-00345а.

Морфологический класс неизменяемых (неспрягаемых) глаголов в русском языке

Е. В. Клобуков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

klobukov@list.ru

Тенденции развития морфологии, части речи, неизменяемые лексемы, спрягаемые глаголы, междометные глагольные формы, категория состояния.

Summary. The paper deals with essential characteristics and morphological types of Russian non-changeable verbs, such as *хватъ* 'to catch', *ни гугу* 'to keep silent' etc.

Проблема тенденций развития морфологической системы русского языка остается одной из весьма активно обсуждаемых. М. В. Панов, опираясь на идеи А. Мейе, противопоставил в русской морфологии имя и глагол как морфологические подсистемы, характеризующиеся различными путями развития. Для имен отмечается тенденция к аналитизму, выражающаяся в сокращении признаков, характеризующих язык флективного строя (вплоть до полной утраты словоизменения). Что касается глагола, то эта часть речи рассматривается М. В. Пановым как стержневая в языковой системе (она «лежит посередине русского языка» [8: 126]). Поэтому русский глагол сохраняет, по Панову, прототипические для индоевропейских языков флективные черты, что исключает широкое распространение в языке неизменяемых глагольных лексем, являющихся аналогами неизменяемых существительных и прилагательных типа *кино*, *хаки* и т. п. Наличие в русском языке неизменяемых глаголов отрицается также А. А. Камыниной, В. В. Лопатиным и некоторыми другими учеными.

В докладе рассматривается противоположная точка зрения, восходящая к М. В. Ломоносову ([7: 539], см. также работы А. А. Барсова, А. А. Потемни, А. М. Пешковского), согласно которой существует класс глаголов типа *хватъ*, *глядь*, *ни гугу* и т. п. Таких глаголов в современном русском языке не менее 1000 [2]. Эти лексемы обладают всеми основными формальными, семантическими и функциональными признаками глагола как части речи, кроме одного: у них отсутствуют формы спряжения. По аналогии с неизменяемыми (в терминологии М. В. Панова — аналитическими) прилагательными эти глаголы могут быть названы аналитическими [9]; [4], [5]. В то же время необходимо принять во внимание терминологическое уточнение Ю. П. Князева, который, учитывая данные современной типологии языков (Б. А. Успенский, С. Е. Яхонтов, В. Б. Касевич, В. А. Плунгян), ставит под сомнение сам факт движения русского языка к аналитизму (в отличие, например, от болгарского языка); Ю. П. Князев пишет о сближении русского языка с языками не аналитического, а изолирующего типа, для которых характерно выражение грамматической информации «косвенным образом», т. е. в контексте [6: 172–173]. С учетом сказанного глаголы типа *хватъ* в докладе называются неизменяемыми (или неспрягаемыми).

Специального обсуждения требуют следующие характеристики неспрягаемых глаголов.

1. Отношения между неспрягаемыми глаголами и междометиями. Лексемы типа *хватъ* нередко считают одной из разновидностей междометий [3: 622], что спорно. У прототипических междометий эмотивная функция, тогда как у неспрягаемых (как и у «обычных») глаголов — номинатив-

ная: они обозначают процессуальный признак предмета. Междометия синтаксически обособлены, а неспрягаемые глаголы выступают в высказывании в роли предиката: *Они хватъ его за руку; А машина-то тю-тю* 'исчезла', *Дочка в математике ни бум-бум* 'не разбирается' и т. п., при этом они материализуют в высказывании все валентности, предопределенные значением глагола (субъектную, объектную, инструментальную и пр.).

2. Отношение неспрягаемого глагола к словоизменительной парадигме однокоренного спрягаемого глагола. М. В. Панов полагал, что *прыг* — это особая форма прошедшего времени глагола *прыгнуть* [8: 127]. Однако большинство неспрягаемых глаголов (*тю-тю*, *ни гу-гу* и пр.) вообще не имеет коррелятов среди глаголов спрягаемых. Поэтому при наличии таких коррелятов наличие отношения словообразовательного (*толкнуть* → *толк*, *вертеть* → *верть*), а не словоизменительного типа.

3. Выражение неспрягаемыми глаголами значений различных видов, наклонений и времен (в докладе рассматриваются закономерности регулярного контекстного выражения данных значений в высказываниях, включающих глаголы указанного типа).

4. Отношение неспрягаемых глаголов к категории личности-безличности. Данная категория распределяет все предикативные глагольные словоформы на личные, имеющие субъектную валентность, маркированную номинативом подлежащего (*читает*, *говорим*; аналогично ведут себя и неспрягаемые глаголы типа *прыг*, *тю-тю*), и безличные, не имеющие такой валентности и употребляемые в бесподлежащих конструкциях (*знобит*, *подобаёт*). В докладе акцентируется внимание на идеях А. А. Барсова, который обосновывал мысль о том, и среди неспрягаемых глаголов можно установить безличные лексемы: *суждено*, *жаль*, *нельзя* и др. [1: 204]. Вслед за Л. В. Щербой и В. В. Виноградовым такие слова обычно рассматриваются в рамках так называемой «категории состояния» [3: 330–348]. Однако решение, предложенное А. А. Барсовым, позволяет существенно упростить члестеречную систему русского языка: спорная, по мнению многих ученых, «категория состояния» распределяется по таким частям речи, как существительное (*пора*, *охота*, *грех* в безлично-предикативном употреблении), прилагательное (*весело*, *хорошо* — ср. высказывания В. Н. Мигирина) и глагол (*жаль*, *стыдно*, *надо*).

В итоге система русского глагола как грамматического класса лексем, предназначенных для выражения процессуального признака (действия, состояния, отношения), предстает в докладе в виде пропорционального соотношения четырех основных морфологических типов.

Морфологические типы русского глагола

I. А. Личные спрягаемые глаголы (<i>скакнуть</i> , <i>ударить</i> , <i>исчезать</i>)	II. А. Личные неспрягаемые глаголы (<i>скок</i> , <i>бац</i> , <i>тю-тю</i>)
I. Б. Безличные спрягаемые глаголы (<i>смеркается</i> , <i>знобит</i> , <i>надлежит</i>)	II. Б. Безличные неспрягаемые глаголы (<i>надо</i> , <i>можно</i> , <i>жаль</i>)

Литература

- [Барсов А. А.] Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. М., 1981.
- Бацкирова А. В. Русские аналитические глаголы: границы класса // Язык, литература, культура. Выпуск 1. М., 2005.
- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 4-е издание. М., 2001.
- Клобуков Е. В. Аналитические глаголы в русском языке // Жизнь языка: Сборник статей к 80-летию М. В. Панова. М., 2001.
- Клобуков Е. В. Тенденция к аналитизму и русское словоизменение // Язык, литература, культура. Выпуск 2. М., 2006.
- Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Ломоносов М. В. Российская грамматика // Полн. собр. соч. Том 7. М., 1952.
- Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Шарафутдинов Д. Р. Аналитические глаголы в современном русском языке: к вопросу о глагольных междометиях // Русская глагольная лексика: Пересеканность парадигм. Екатеринбург, 1997.

Система понятий теории градуальности

С. М. Колесникова

Московский педагогический государственный университет

Asya28@list.ru

Градуальность, градация, градационные отношения, градуирование, градуатор

Summary. A functional–semantic category of graduality specifies in communication with the reality and on the concrete language means. Graduation corresponds with concepts the gradation, graduation relations, gradualizing. Terms express connected, but the various phenomena.

Учения о «степенях качества» с исторической точки зрения являли собой важную перспективу в изучении градуальности. Не называя представленные явления используемым современными учеными термином *градуальность*, лингвисты описали ряд языковых явлений, соответствующих сути градуальности (начиная с Аристотеля, М. В. Ломоносова, Г. П. Павского, А. А. Потебни, В. В. Виноградова и до наших дней).

Статус функционально-семантической категории (С. М. Колесникова) позволил интерпретировать градуальное значение взаимодействием языковой системы и мыслительно-речевой деятельности. Функциональная природа градуального значения в русском языке, его динамика, соотношение языковой картины мира и семантического поля с семантической доминантой — *мерой* — определяют в процессе исследования градуальной семантики ряд зависимостей: «**понятие — семантическая категория — функция — форма языкового знака**», при этом каждый элемент зависимостей прагматизирован, то есть определяется отношение между знаковыми системами и теми, кто ими пользуется. Условия процесса коммуникации, прагматические сферы говорящего и слушающего являются основой систематизации градуальных (и градуированных) высказываний как функционально-семантической категории.

Данное понимание категории градуальности определяет важнейшие направления исследования. Трактовка **градуальности** как функционально-семантической категории содержит связь с реальной действительностью, с мышлением, указывает на конкретные языковые средства, на формальные показатели грамматических категорий, составляющих и формирующих градуальность, а также позволяет выделить равноуровневые способы ее выражения.

Понятие **градуальность** соотносится с понятиями **градация, градационные отношения, градуирование**. Данные термины выражают связанные, но различные явления, принадлежащие к различным аспектам языка. Они строго различаются.

Понятие **градация** в современной русистике понимается неоднозначно. Необходимо различать два термина-омонима **градация**: 1) последовательность, постепенность в расположении шкалы градации, расчленение градуирования на этапы, ступени; 2) стилистическая фигура, состоящая в расположении ряда слов в порядке нарастания (климакс) или убывания (антиклимакс) их смыслового и эмоционального значения.

Понятие **градационные отношения** связано с субъективно-объективными отношениями в грамматическом аспекте. Они устанавливаются говорящим субъектом и воспринимаются адресатом. Градационные отношения выражаются имплицитно и эксплицитно и являются основанием для образования противопоставления (оппозиции).

С точки зрения отношения между членами оппозиции выделяют градуальные оппозиции, когда члены отличаются друг от друга разной степенью одного и того же признака. Например: *горячий* — «имеющий высокую температуру» — *теплый* — «не совсем горячий, дающий, содержащий тепло!» — *прохладный* — «умеренно холодный, дающий прохладу» — *холодный* — «с низкой температурой».

Градуирование представляет собой соотнесение (упорядочивание) качественного признака по отношению к нулевой ступени измерения (норме) на шкале градаций. Градуирование осуществляется при помощи градуаторов **больше, меньше, равный**. Суть градуирования заключается в постепенном нарастании / убывании градуированных величин, степеней качества, располагающихся на шкале градаций в

виде «шагов», ступеней градуирования. Концептуальный аппарат градуирования включает в себя следующие операции, которые в своей совокупности и передают самое существенное в градуировании: 1) последовательное «обертывание» одних величин (признаков, предметов) в другие; 2) установление нулевой ступени измерения; 3) размещение значений по отношению к нулевой ступени измерения при опоре на градуаторы **больше / меньше, выше / ниже, равный**; 4) бинарное сопоставление отдельных градуированных значений слов одного класса; 5) образование шкалы градаций.

Градуирование значения имеет отношение к оформлению **шкалы градаций**. Шкала градаций — это упорядоченный ряд слов относительных градуаторам **больше / меньше, равный**. Шкала представляет собой нарастание / убывание степени признака. На шкале градаций появляются отметки, относительно которых определяется *градус* того или иного признака. Отметки на шкале градаций соответствуют лексическому значению градуированных слов.

Термин **градуатор** имеет двойную номенклатуру. (1) Градуатор — это общее градуирующее понятие, через которое осуществляется переход от одного признака к другому. Он [градуатор] выполняет функцию метаслова. Градуаторы **больше, меньше (больше, чем, меньше, чем)** основаны на принципе «обертывания» (involvement). Так, при бинарном сравнении однородных признаков, предметов, действий и т. д., условно принятых как А и Б, субъект, говорящий или мыслящий, помещает А в Б. Если А находится в пределах Б, то субъект заключает, что *А меньше, чем Б (Б больше, чем А)*. В том случае, если А находится за пределами Б, то субъект констатирует, что *А больше, чем Б (или Б меньше, чем А)*. (2) Градуатор — это специальное средство, повышающее или понижающее степень проявления признака (аффиксы, лексические средства и т. п.).

Введение понятий **градосема** и **градотатив** способствуют определению степени градуирования. Градосема выступает в качестве единицы измерения градуальности. Под **градосемой** мы понимаем любой (один) шаг, одну ступень вверх (в направлении возрастания) или вниз (в направлении убывания) по шкале градаций. **Градотатив** — это языковая манифестация, соотносимая с нейтральной точкой (нормой) на шкале градаций, отражающая действия градуаторов и представляющая собой результат градуирования.

Лингвистическое градуирование — это выражение мерительного отношения говорящего к предмету речи лексико-фразеологическими, словообразовательными, морфологическими и синтаксическими средствами. Языковое содержание функционально-семантической категории градуальности представляет собой, на наш взгляд, градуальный признак, специфика которого — приписывать предмету речи признак мерительного отношения к нему субъекта.

Градуальность относится к разряду универсальных понятийных категорий и является объектом внимания как естественных, так и гуманитарных наук. Более точное определение человечеством меры вещей, признаков, действий и связи явлений ведет к углублению понятия места и значимости градуальных отношений в различных областях знаний. Каждая наука внесла свою лепту в понимание градуальности, что, несомненно, повлияло на изучение одной из сложнейших проблем языкознания — выражению меры и степени проявления признака в языке. Взаимное влияние лингвистики и других наук, учет данных, полученных в смежных и несмежных областях знаний, позволяют точнее и объективнее оценить интересующее нас явление.

К вопросу об истории и этимологии русских наречий

И. В. Коллегова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

KIVitalV@mail.ru

Наречие, этимология, структура, морфосинтаксические типы

Summary. The article is devoted to a system of morphosyntactical types of Russian adverbs. The objects of this exploration are Russian adverbs in synchronical and diachronical aspects. History and etymology of Russian adverbs is an important instrument of analysis of morfosyntactical structure of contemporary adverbs. This observation shows that Russian adverbs are a relatively new part of speech which includes first of all derivative lexical units.

Наречия — одна из наименее изученных категорий русской грамматики. Долгое время эта часть речи была на периферии внимания лингвистов в силу своей «слабой морфологичности». Тем не менее этот класс слов оказывается чрезвычайно богат своим синтаксическим, функционально-прагматическим и коммуникативным потенциалом.

Традиционные представления о частях речи не всегда совпадают с современными научными данными о функционировании лексических единиц и их структуре. В частности, существует мнение, что среди наречий имеются и немотивированные лексемы. В то же время наши наблюдения показывают, что это относительно молодая часть речи, включающая в первую очередь (возможно, исключительно) производные лексические единицы. Поэтому одной из актуальных в настоящее время является проблема происхождения русских наречий. Их историю и этимологию мы рассматриваем, с одной стороны, как самоценную задачу, с другой — как важнейший инструмент изучения морфосинтаксической структуры современных адвербиальных лексем. В нашем исследовании диалектически соединились диахронный и синхронный подходы в исследовании наречий, обусловленные необходимостью упорядочить данный класс слов не только семантически, но и формально. В этом заключается актуальность работы.

Согласно академической «Русской грамматике» 1980 года, все наречия по словообразовательной структуре делятся на мотивированные и немотивированные. Основную часть наречий составляют лексемы, мотивированные словами всех неслужебных частей речи: прилагательными (*красиво, бесиком, издалека*), существительными (*весной, вверху, напрокат*), числительными (*дважды, надвое, много*), местоимениями (*зачем, оттого*), глаголами (*вплавь, нарастающую, второпях*), наречиями (*навсегда, рановато, позавчера*). К немотивированным наречиям принадлежат преимущественно слова, называющие признак как то или иное обстоятельство: времени (*вчера, тогда, после*), места (*здесь, около, всюду*), образа и способа действия (*вдруг, как, иначе*), степени или меры (*столько, очень, почти*). [3, I: 703]. Однако, по нашим наблюдениям, подавляющее большинство так называемых немотивированных наречий таковыми в действительности не являются. Условно немотивированными их можно назвать только на синхронном уровне, хотя диахронически они являются производными, вторичными.

На материале данных этимологических и словообразовательных словарей нами было проведено исследование, результаты которого, на наш взгляд, несколько проясняют картину.

Так, традиционно относимое к немотивированным наречие степени величины признака *очень* ('в высокой степени, весьма'), которое встречается в памятниках письменности с XVII в. (сначала — в форме *очунь* или *очюнь*), по мнению Н. М. Шанского, вероятно, является суффиксальным производным от *око* — «глаз» и буквально значит «воочию, действительно». П. Я. Черных полагает, что оно этимологически связано с гнездом глаголов типа *очнуться*. Сначала *очунь*, по-видимому, значило что-нибудь вроде «очухавшись», потом — «как должно», «как следует», «здорово»,

«действительно», еще позже — «весьма». Из всего следует, что данное наречие является мотивированным.

В связи этой с тесной грамматической связью наречий с другими частями речи В. В. Виноградов различал четыре основных лексико-морфологических разряда в системе наречий [1: 284–306]. В свою очередь Ф. И. Панков расширил представление о структуре русских наречий и выделил восемнадцать их морфосинтаксических типов [2: 120–146].

На наш взгляд, выделение современных морфосинтаксических (морфологических, словообразовательных) типов русских наречий, моделей их образования и конкретных реализаций является недостаточно полным.

Обращение к истории и этимологии русских наречий, к различным современным словарям русского языка показывают, что морфосинтаксический потенциал русских наречий гораздо богаче, чем было принято считать до сих пор, его можно представить более широко.

В ходе работы была выявлена система морфосинтаксических типов русских наречий, которая имеет структуру бинарных оппозиций. В каждом морфосинтаксическом типе выделяются модели образования, которые, в свою очередь, имеют конкретные реализации. Например: в десубстантивном морфосинтаксическом типе выделяется модель образования наречий из сочетания предлога (префикса) с именем существительным в предложном падеже («**Prep(pref) + N_n**»). Одна из реализаций данной модели — наречия, образованные из сочетания предлога *в* с именем существительным в предложном падеже (*в + N_n*), при этом имя существительное может быть мужского рода (*внизу, вверху, взбросе*), женского рода (*вкупе, впереди*) и среднего (*вначале, вместе, вдалеке*), а также возможно образование от сочетания предлога *в* с именем существительным во множественном числе (*впотмах, в сердцах, второпях, впопыхах*).

При сопоставлении полученных нами данных с результатами исследований в области морфосинтаксических типов русских наречий прошлых лет (Ф. И. Панков), появилась необходимость выделения помимо восемнадцати еще, по крайней мере, шести типов: это деконъюнктивные наречия, т. е. образованные от союзов (*доколь*); деконъюнктивно-прономинальные, из сочетания союза и местоимения (*итого*); деконъюнктивно-партикулярные, из сочетания союза и частицы (*авось*); депрономинально-адъективные, из сочетания местоимения с прилагательным (*теперь*); деадвербиально-партикулярные, из сочетания наречия и частицы (*куда-нибудь*); депрономинально-партикулярные, из сочетания местоимения и частицы (*доселе*).

Именно выявление такой многообразной структуры русских наречий на синхронном и диахронном уровнях позволяет нам более точно и полно выделить основные морфосинтаксические типы наречий.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 284–306;
2. Панков Ф. И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия. М., 2008. С. 120–146;
3. Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. I. М., 1980.

О конкуренции различных средств языка при выражении фазисного значения состояния или действия субъекта (прагматический аспект)

В. А. Кузьменкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

vkuzmen@yahoo.com

Фазисные глаголы, каузативно-фазисные глаголы, глагольный вид (аспект), описательные предикаты, семантическая парадигма, прагматика

Summary. The abstract reveals advantages given by expressing phase meaning of state or action by means of descriptive predicates.

Как известно, для выражения одного и того же значения в языке существует несколько различных средств, выбор ко-

торых обусловлен стилистическими особенностями текста и конкретной коммуникативной задачей говорящего / пишущего

шего. Так, для выражения различных фаз действия или состояния субъекта (начальная, актуальная, конечная) в русском языке имеются следующие средства (назовем лишь самые регулярные):

- собственно фазисные глаголы — *начинать — начать, продолжать — продолжить, заканчивать — закончить (кончать — кончить), оканчивать — окончить, завершать — завершить*;
- глаголы совершенного / несовершенного вида: *смеяться — засмеяться, плакать — заплакать*.
- фазисная группа описательных предикатов: *войти в соприкосновение, вступить в переговоры, вязаться в спор, завязать беседу, вспыхнула ссора, разразился скандал, пошли толки, идёт ремонт, разговор подошел к концу*.

В докладе будет обсуждаться одно из приведенных выше средств выражения значений фазисности — описательные предикаты (далее — ОП). ОП как фрагмент русской синтаксической системы классифицированы по структурному принципу (по позиции именного компонента) и по семантическому принципу (по семантике глагольного компонента). Согласно семантическому принципу [3], в поле ОП сосуществуют 5 различных групп, одна из которых — фазисная, предназначенная для выражения различных фаз действия или состояния субъекта. Нами выделены и описаны глаголы, образующие фазисную группу ОП: *вступить — вступить в..., войти — войти в..., приходиться — прийти в..., приходиться — прийти к...*

Дальнейшие исследования показали, что фазисная группа значительно шире, чем предполагалось ранее. Она представлена тремя подгруппами:

- ОП, в которых на роль глагольного компонента избирается довольно многочисленная группа глаголов движения (с префиксами и без префиксов). Подобные ОП являются наиболее эффективным средством выражения значения фазисности, так как позволяют передавать особое значение момента выхода на новый уровень или новую стадию действия или состояния, которое не может быть выражено однословным предикатом: *Самолет пошел на снижение. Корабль вышел в плавание. Он пришел в недоумение*;
- ОП, в которых глагольным компонентом являются каузативно-фазисные глаголы: *ввергать, вводить, внушать, возбуждать, вселять, вызывать, доставлять, пробуж-*

дать, причинять, приносить. Такие ОП передают значение каузации действия или состояния и наступление новой фазы: *приводить в движение, вводить в заблуждение*;

- ОП, в которых в качестве глагольного компонента употребляются экспрессивно-эмотивные глаголы. В подобных структурах, как правило, доминирует метафора: *Вспыхнула ссора; Разгорелся скандал*. Они выражают не просто фазу действия, но придают ей разную окраску, добавляют некоторые семантические оттенки (интенсивность, глубину, полноту действия или состояния). Предложения с ОП могут образовывать семантическую парадигму. По Т. П. Ломтеву, семантическая парадигма — это «совокупность предложений, построенных на основе одного и того же денотата, каждое из которых отличается на некую семантическую величину» [5].

Для обозначения фаз действия в составе ОП употребляются также глаголы *впасть, погрузиться, пуститься, удариться, углубиться* — при условии, если их значение пересмыслено и они находятся «в составе синтаксически обусловленных синтаксем» [2]: *пуститься в слезы, удариться в панику, углубиться в чтение, пуститься в пляс*.

Следует отметить, что в ряде случаев (при отсутствии однословного глагола –коррелята) ОП являются единственной формой выражения данного конкретного значения, например: *вступить в переговоры*.

Проведенный анализ показывает, что с точки зрения прагматики структура ОП является оптимальной для выражения различных фаз действия.

Литература

- 1 Всеволодова М. В., Кузьменкова В. А. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003. № 5. С. 7–29.
- 2 Золотова Г. А. Синтаксический словарь. М., 1988. С. 172–174.
- 3 Кузьменкова В. А. Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- 4 Кузьменкова В. А. К вопросу о грамматике описательных предикатов // Язык. Культура. Человек. Сборник научных статей к юбилею профессора М. В. Всеволодовой. М., 2008. С. 224–234.
- 5 Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.

Категория отрицания и отрицательные частицы в современном русском языке

О. В. Куныгина

Челябинский государственный педагогический университет

dagmara71@list.ru

Отрицание, частицы, лексические частицы, фразеочастицы, семантика

Summary. The given article considers the problem of semantic peculiarities of particles.

Отрицание является одним из ключевых понятий, которые используются в философии, логике, лингвистике. Проблемы, связанные с категорией отрицания в лингвистике, — одни из наиболее актуальных. Возможно, это связано с тем, что категория отрицания — одна из «семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы» [5: 354].

Одним из средств выражения категории отрицания в языке являются отрицательные частицы (и центральные среди них — это *не, ни, нет*). Изучению их семантических и грамматических особенностей посвящены работы В. В. Виноградова, В. И. Чернышёва, Н. И. Толстого, Т. М. Николаевой, Р. Х. Шакиржановой, П. К. Ковалёва, А. А. Калининой, Л. Е. Холодиловой, Н. Е. Синичкиной, Н. Г. Озеровой, Е. А. Стародумовой и др.

Все исследователи сходятся во мнении, что названные выше частицы не только «являются своеобразными формальными показателями отрицательности предложения» [4: 42], но и служат для выражения неполного отрицания, усиленного отрицания, «иронического, табуистического, усиливающего (но не отрицающего) отрицания» [8: 282] и даже значения утверждения.

О связи этих двух категорий отмечено и в философии, и в логике, и в лингвистике. «Диалектическое единство двух противоположностей — утверждения и отрицания — обуславливает возможность двойного и n-го отрицания в суж-

дении и предложении. Логические понятия утверждения и отрицания отражают соответственно наличие или отсутствие признака, предмета, явления» [6: 24].

Так, В. Г. Адмони заметил, что «по характеру отношения говорящего к выражаемому содержанию отрицательные и утвердительные предложения не отличаются друг от друга», поскольку в них «в равной степени могут выражаться и проблематичность, и сомнение, и категоричность» (цит. по [7: 17–18]).

Однако кроме перечисленных лексических частиц в выражении разных оттенков отрицательного значения в современном русском языке участвуют и фразеочастицы *вовсе не, даже не, далеко не, ещё не, никак не, ничуть не, почти не, совсем не, только не, уж не*.

Не все исследователи считают, что вышеперечисленные и подобные единицы можно отнести к фразеологическим. Однако единицы, включаемые во фразеологический корпус, «не всегда характеризуются перечисленными признаками (имеется в виду воспроизводимость, устойчивость и непроницаемость компонентного состава при его раздельнооформленности, семантическая целостность, образность, эмотивность, оценочность и экспрессивность) в полном объеме» [2: 9].

Фразеологический характер таких единиц отмечал еще В. В. Виноградов, говоря, что «из этих сочетаний образуются фразеологические единства и сращения, в которых выступают резко выраженные оттенки модальности» [1: 527].

Фразеочастицы характеризуются воспроизводимостью, устойчивостью компонентного состава при его раздельно-оформленности, семантической целостностью, обладают особым фразеологическим значением. Эти единицы не выражают понятия о предмете, признаке, количестве, процессе, а проявляют свое особое значение в связи с контекстом.

Частицы не столько именуют фрагмент действительности, сколько квалифицируют его в системе отношений человека к самой действительности.

Выражают степень уверенности отрицаемого предмета, признака, процесса:

Гляжу — и глазам не верю: да, оказывается, это письмо вовсе не Лермонтова (И. Андроников. Я хочу рассказать вам...). *Я вовсе не сетую на то, что журнал будут смотреть многие и многие люди* (В. Солоухин. Письма из Русского музея).

Но французы совсем не имеют понятия о частных уроках (А. Куприн. Жанета). *Местные власти отнюдь не вдохновились этой идеей* (Л. Третьякова. Российские богини). *Все эти дни Алексей почти не выходил из дому* (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке). *«Федра» была великопленной. Поставленная 30 лет назад, она ничуть не устарела* (В. Катанян. Прикосновение к идолам).

Выражают усилительное отрицание признака, действия:

Старик даже не вздрогнул от этого неожиданного окрика (В. Катаев. Белеет парус одинокий). *Он даже не пробовал оправдываться* (Ф. Достоевский. Скверный анекдот). *Иезуиты показались ему уж не так привлекательны* (Ю. Тынянов. Пушкин). *Бабушка же была так полна своим, что уж не слышала и не принимала чужого* (М. Горький. Детст-

во). *Рутилова нисколько не удивил новый скачок в мыслях упрямого собеседника* (Ф. Сологуб. Мелкий бес).

Выражают ограничительное отрицание:

Ожидали всего, только не этого... Наказание было слишком сурово, слишком жестоко (Л. Чарская. Люда Влассовская).

Значение отрицания, сходного с утверждением:

Парень не то чтоб сильно могучный (П. Бажов. Круговой фонарь).

В докладе мы особо отметим фразеочастицы, которые не содержат компонент *не*, но служат для выражения разной степени отрицания: *где уж, так и*, а также фразеочастицу *не... ли*, которая помогает говорящему выразить «негативный вопрос» [3: 312].

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 2001.
2. Добрыднева Е. А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. Волгоград, 2000.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2007.
4. Озерова Н. Г. Средства выражения отрицания в русском и украинском языках. Киев, 1978.
5. Падучева Е. В. Отрицание. // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 354–355.
6. Свиридова А. В. Функционирование категории отрицания и средства ее выражения в русском языке. М., 2006.
7. Синичкина Н. Е. Конфигурация грамматического предиката в высказываниях с облигативным отрицанием. СПб., 2002.
8. Толстой Н. И. НЕ — не 'НЕ' // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971. С. 282–287.

Безличность как поле: центр и периферия

Н. П. Курмакаева

Донецкий национальный университет (Украина)

maykevich@mail.ru

Специализированные словоформы, функциональные эквиваленты, функционально-грамматическое поле

Summary. The regularities of filling in the position of the main member in impersonal sentences having specialized word forms or their functional equivalents are studied in this paper. The field organization of representatives of this position, i. e. centre, close and distant periphery are determined. The functional-syntactical principle of representation of structural schemes of sentences supporting the idea of field structure of impersonality is formulated here.

1. Возможность и необходимость изучения категории безличности (КБ) как специфического фрагмента одного из лингвистических полей осмыслена учеными с того времени, как началась интенсивная разработка функционально-семантических полей (ФСП). Так, в пределах полей персональности и залоговости безличность выявляется как периферийная составляющая (см. [4: 23, 139]). Однако назрела необходимость рассмотрения КБ как самостоятельного поля со своей структурной организацией, иерархизированной базой и собственным местом в языковой картине мира. КБ — бесспорный объект функциональной грамматики, только фокус внимания предлагаем сосредоточить сразу на четырех измерениях: «позиция — форма — функция — значение». Сомневаемся, что это укладывается в рамки требований к исследованию ФСП, поэтому объекту и конечному результату исследования в качестве рабочего даем условное название «функционально-грамматическое поле» (далее ФГП).

2. Если признать факт функционально-грамматической природы КБ: абсолютизация и грамматикализация предиката, понижение синтаксического ранга актантного компонента вплоть до полной элиминации, обусловленное дистрибуцией значения инволютивности, самопроизвольности, стихийности как «паспорт» всех безличных предложений (БП), то следует согласиться с тем, что единицы ФГП безличности — репрезентанты позиции главного члена БП (морфолого-синтаксические единицы, способные или приспособленные выполнять эту функцию). А сами БП составляют одновременно базу ФГП безличности и его дискурсное пространство.

Структурная организация базы ФГП безличности зиждется на факте закрытости позиции подлежащего и объясняется закономерностями заполнения позиции ГЧ БП «адекватными» и «неадекватными» знаками. Это требует учитывать действие принципа функциональной эквивалентности при заполнении позиционно состава БП, суть его в разграниче-

нии синтаксически специализированных и неспециализированных средств выражения главного члена.

3. Исходя из репрезентационного многообразия исследуемой позиции, ФГП безличности можно охарактеризовать как структурированную в соответствии с уровнем синтаксической специализации иерархию предикатосоставляющих компонентов БП. Разработка КБ в таком направлении имеет методологическое обоснование, заложенное в трудах А. А. Потебни, Т. П. Ломтева, В. Н. Мигирова, С. Карцевского, Е. Куриловича, В. Г. Адмони и др. лингвистов. Одновременно находится одно из возможных решений проблемы корреляции членов предложения с определенными формами определенных частей речи (А. А. Потебня). При анализе конкретного языкового материала важно видеть и учитывать механизм балансирования «правильного» и «неправильного» (первичного / вторичного, специализированного / неспециализированного), что определяет структуризацию ФГП безличности.

4. Исследуемое языковое явление имеет признаки лингвистического поля: наличие центра, состоящего из ядра и приядерной зоны, а также периферии — ближней и дальней; наличие внутри поля микрополей (структурных, семантических, лексико-грамматических); способность поля к пересеканию с другими полями.

5. Ядро компактно: монофункциональные БФГ (специализированные словоформы) с нулевой личной подпарадигмой (*недостает, взгрустнулось*). Структурная схема $V_{\text{БС}}$. Приядерная зона обширна: БФГ, коррелирующие с личными формами как омосинтаксемы одной полифункциональной словоформы (*дует*) или омоформы (*говорится*). На периферии знаки с разной степенью неспециализированности, репрезентанты присвязочной субпозиции: на ближней — словоформы неполной синтаксической специализации, (*насорено, пустынно, некогда*), на дальней — формы слов, словосочетания, целые предикативные единицы, «выдвинутые»

узую или окказионально для выполнения роли ГЧ БП (*Ему не по себе; На войне как на войне; Стало мне так, будто все дороги на свете в один конец сошлись...* М. Пришвин).

Вторая характеристика непосредственно связана с формально-грамматическими параметрами ГЧ БП, с семантическими подтипами и позиционным составом БП.

Третья позволяет с достаточной точностью вычленив БП из ряда смежных построений, обозначить соприкасающиеся зоны, зоны пересечения и синкретизма.

6. Представляемая концепция реализуется в типологии простого предложения, построенной на функционально-синтаксическом принципе представления структурных схем (по методике В. В. Лушай), в дополнение к имеющейся, основанной на морфолого-синтаксическом принципе (см. [1: 546–573], [2: 237–386], [3: 632–656]), где БП формализованы, соответственно, в 7, 9 и 3 схемах. Учет принципа функциональной эквивалентности позволяет все БП подвести под две основные схемы: базовую с прототипическим предикатом БФГ — $V_{\text{БФГ}}$ и ее модификат $\approx V_{\text{БФГ}}$ с функциональным эквивалентом БФГ в центре, что символически удобно отмечать знаком эквивалентности (\approx). Уровень абстрагированности возрастает, количество структурных схем в списке сокращается, информативность углубляется в сферу не морфологии (поскольку она не в состоянии отразить весь объем вариантов схемы), а собственно синтаксиса, что точнее передает суть репрезентанта позиции, учитывая многочисленные случаи неморфологического его выражения.

Принимается во внимание не только форма и содержание репрезентанта позиции, но и степень его специализации для выполнения данной синтаксической функции. В русле такого подхода к соотношению языка-структуры и языка-функции возможно 1) всесторонне исследовать параметры объема (вместимости) синтаксической позиции и выявить функционально-синтаксические возможности словоформ различных частей речи в этих позициях, 2) доказать наличие в репертуаре сходнофункциональных синтаксисом массивов с а) полной, б) неполной синтаксической специализацией, в) собственно неспециализированных единиц для занимаемого синтаксического места, 3) сформировать более компактный внешне и более вместимый внутренне список базовых структурных схем русского предложения (инвариант), отмежевывая варианты и модификаты. Полевой подход к исследованию КБ может дать ключ к разрешению ряда спорных и нерешенных вопросов грамматики: объем понятия безличности, частеречная принадлежность репрезентантов ГЧ БП, потенциал категории.

Литература

1. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.
2. Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.
3. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989.
4. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1991.

Текстовые функции морфологических категорий глагола

Н. Ю. Муравьева

Московский государственный педагогический университет / Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

natasha1000@mail.ru

Перцептивность, наблюдатель, репродуктивный регистр, глагол, грамматика

Summary. The ability of grammar (morphological categories of verbs) to create a context of perception modus (situation of direct perception) is analyzed in this report.

Предметом анализа в докладе является способность морфологических категорий глагола участвовать в создании контекста репродуктивного регистра [8: 29], т. е. отрывков, передающих ситуацию непосредственного наблюдения (сенсорного, перцептивного модуля [5: 109]).

В результате анализа взаимодействия лексического значения глагола и контекста уже было предложено различать глагольные лексемы (1) с модусным компонентом в значении (*смотреть, видеть, виднеться*), (2) лексемы, чье толкование предполагает ситуацию восприятия в пресуппозиции (*находиться, встрепнуться*), и (3) слова, которые характеризуются «потенциальной» перцептивностью, т. е. могут употребляться в контексте восприятия, но самостоятельно (в отличие от первых двух типов) формировать его не будут (*идти, тянуть*) [10: 10]. Теперь интересно рассмотреть и попытаться систематизировать грамматические средства формирования регистра. Причем в анализируемом материале встречаются в основном глаголы третьего типа, т. к. было важно выяснить, в каких случаях наблюдаемость в тексте будет маркироваться именно грамматически.

В сообщении будут рассмотрены грамматические категории вида, залога, безличности, разряд однократных глаголов.

В литературе уже были описаны текстовые функции глаголов СВ (типа *дорога повернула направо* [1: 9], [2: 329–330], [3: 643–644], [7: 96], [11: 99] и др., где вид «вводит» в высказывание наблюдателя) и глаголов НСВ (для которых ситуация конкретного единичного факта перцептивна потенциально [6: 281]). В докладе анализируются контексты только с конкретной глагольной лексикой. В зависимости от большей или меньшей способности лексемы СВ или НСВ передавать наглядный образ выделяются разные типы видовых пар. Это пары, в которых

- НСВ более нагляден, т. к. протяженность действия совпадает с длительностью рассказа (*развязывает ленту по сравнению с развязала*);
- более нагляден СВ, т. к. актуализирует зрительный образ результата действия (*раздвинули стол, содрали обшивку по сравнению с раздвигали*);
- наблюдаемость характеризует СВ (при редкой употребимости НСВ) (*лопнуть, моргнуть*);

- наблюдаемость характеризует и СВ, и НСВ, но СВ передает наблюдаемое наличие нового состояния, а НСВ — «прогностически» к этому новому состоянию отсылает (*желеть, сохнуть*) [9: 27, 31];

- наблюдаемость возможна у глагола НСВ при невозможности для СВ, т. к. в СВ прибавляется сема 'знание о результате' (*выгонять / выгнать неприятеля из города*).

Форма страдательного залога способна увеличить наблюдаемость высказывания за счет эффекта «неполноты и определенной степени сужения восприятия», когда воспринимается только какой-то фрагмент процесса: *Донесение еще печаталось, когда Сабуров вошел к Проценко* (К. Симонов) [12: 215].

Но особый интерес представляют собой аналитические формы страдательного залога со статальным значением. Статальное значение возникает у причастий, образованных от предельных глаголов совершенного вида, причем обозначающих действие, объект которых «несет на себе метку или след совершившегося действия» [13: 150] (*покрашен, выметен*).

Интересно, что наблюдаемость такой причастной формы останется и в том случае, когда значение глагола в действительном залоге наблюдать невозможно — например, у каузативных переходных глаголов, подразумевающих интерпретацию, осмысление внеязыковой действительности (*Рана воспалена; Он был раздражен, взволнован*).

Исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Если лексические средства языка можно было поделить на маркирующие регистр самостоятельно и маркируемые, нейтральные по отношению к регистру, то грамматика репродуктивный регистр самостоятельно формировать не способна. В русском языке нет грамматических средств, маркирующих наблюдаемость вне зависимости от лексического наполнения.

2. Маркирующими репродуктивный регистр следует признавать глаголы СВ типа *дорога повернула, тропинка спустилась* (выделенные Ю. Д. Апресяном) и (выделенное И. Б. Шатуновским) актуально-динамическое настоящее как значение НСВ.

Остальные рассмотренные средства обозначают лишь потенциально наблюдаемую ситуацию, т. е. могут воспроизве-

сти в речи наглядное лишь при соединении с (а) конкретной — тоже потенциально наблюдаемой лексикой, и (б) при наличии в предложении других, уже маркирующих средств.

3. Отдельно надо отметить способность страдательных причастий трансформировать сему ненаблюдаемости процесса, заложенную в семантику действительного залога, в сему наблюдаемого состояния.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Принципы описания единиц языка // Семантика и представление знаний. Труды по искусственному интеллекту. II Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 519. Тарту, 1980.
2. *Апресян Ю. Д.* О структуре значений языковых единиц // *Tekst i zdanie*. Warszawa, 1983.
3. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
4. *Апресян Ю. Д.* Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1999.

5. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
6. *Бондарко А. В.* К вопросу о перцептивности // *Сокровенные смыслы*. Слово. Текст. Культура. М., 2004.
7. *Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
8. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
9. *Кустова Г. И.* Глаголы изменения: процесс и наблюдатель // *Научно-техническая информация*. Сер. 2. 1994. № 6.
10. *Муравьева Н. Ю.* Категория перцептивности в семантике глагола и в тексте. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
11. *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.
12. *Пупынин Ю. А.* Активность / пассивность во взаимосвязи с другими семантическими полями // *Теория функциональной грамматики*. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
13. *Храковский В. С.* Пассивные конструкции. Теоретическая концепция // *Теория функциональной грамматики*. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
14. *Шатуновский И. Б.* Настоящее динамическое несовершенного вида в современном русском языке // *Логический анализ языка*. Языки динамического мира. Дубна, 1999.

Об агглютинативных тенденциях в грамматике русского языка

Б. Ю. Норман

Белорусский государственный университет (Минск)

Norman@bsu.by

Агглютинация, аналитизм, примыкание, номинативный комплекс, коллоквиализация словосочетания

Summary. The paper treats agglutinative word combinations like *к Иван Петровичу* or *в дом отдыхе* in modern Russian speech; their reasons and circumstances are investigated.

Исследователи русской разговорной речи давно обратили внимание на словосочетания, в рамках которых происходят характерные фонетические и морфологические изменения. Имеются в виду примеры типа *для Иван Петровича; Не люблю Жюль Верна; Забыл о своем день рождении*, которые, в частности, в коллективной монографии «Русская разговорная речь» (1983) трактуются как случаи вербализации словосочетаний в рамках общей тенденции к аналитизму.

Действительно, в русской речи наблюдаются множественные факты, когда словосочетание получает лишь одну «внешнюю» флексию, элементы же его утрачивают способность к словоизменению и соединяются по принципу примыкания. Главные очаги этого процесса — это: а) составные числительные (*не хватает триста двадцати пяти рублей*), б) сочетания имени с отчеством (*все осудили Матвей Матвееича*), в) фразеологизованные номинации типа *дом отдыха* или *дед Мороз (у нее там в дом отдыхе муж; контролер в маске дед Мороза...)*. Заслуживают внимания также конструкции типа *бабы-Клавина годовщина, тети-Машина дочка, дяди-Гришин инструмент* и т. п.: здесь словосочетание (*бабы Клавы* и т. п.) превращается в своего рода сложное прилагательное, сохраняющее явные следы процесса сращения.

Понятно, что эти явления, реализующиеся сугубо в разговорной речи, хоть и затрагивают интересы фонетики, по сути не являются фонетическими. Редукция безударных гласных тут, конечно, имеет место, но она происходит только в определенных грамматических и лексических границах. Это видно хотя бы на примере составных числительных, а также следует из сравнения с иными речевыми ситуациями, ср.: *Я от Иван Семеныча*, но не **Я от Анн Петровны; в маске дед Мороза*, но не **в маске баб Яги; в дом отдыхе*, но не **в дом быте*. Кроме того, следует помнить о том, что фонетические изменения, в том числе редукция, вообще отражают грамматические процессы, и, значит, причины данных фактов следует искать в грамматике, в общих тенденциях к аналитизму и агглютинативности.

Еще одной важной предпосылкой указанного процесса является коллоквиализация словосочетания, т. е. его «обкатка» в качестве готового номинативного блока. И хотя в образовании подобных комплексов сталкиваются интересы разных языковых уровней, приоритет принадлежит лексическому уровню: мы имеем дело с созданием составных номинативных комплексов.

Парадигматика наречий как неизменяемого класса слов

Ф. И. Панков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

pankovf@mail.ru

Парадигма, наречие, неизменяемый класс слов

Summary. On paradigmatics of adverbs as the invariable class of words. The report suggests the analysis of adverbs in terms of their paradigmatics. Adverbs as the invariable part of speech are devoid of a morphological paradigm, i. e. a system of wordforms. However, they can be considered to be in possession of positional, contextual and communicative paradigms.

Совокупность парадигм языковой единицы образует ее парадигматику, которая, как считается, свойственна лишь изменяемым языковым единицам. Однако есть основания полагать, что, например, представители неизменяемых категориальных классов, не имея морфологической парадигмы как ряда противопоставленных друг другу форм словоизменения, обладают парадигмами принципиально иного рода. Объектом нашего анализа является парадигматика слов, включая такие разновидности их синтаксической формы, как синтаксемы и словоформы. Выделим позиционную,

контекстуальную и актуализационную парадигмы, которые рассмотрим на материале категории наречия.

1. Совокупность всех синтаксических позиций наречия составляет его **позиционную** парадигму (ПП). Синтаксемы, способные занимать все теоретически возможные для данного категориального класса слов позиции, имеют полную ПП. Те, которые занимают лишь некоторые из позиций, обладают дефектной ПП. В целом как синтаксема наречие может выступать, во-первых, в позиции вне предложения и вне текста (в самостоятельном употреблении) и, во-вторых,

в составе предложения. Способность слов иметь ПП с тем или иным набором членов — это их позиционный потенциал, который у разных адвербиальных синтаксисом может быть различным. Так, позиционный потенциал свободных синтаксисом шире, чем у конструктивно обусловленных и тем более связанных.

2. **Контекстуальная парадигма (КП)** — явление, занимающее промежуточное положение между уровнем слова и уровнем предложения. КП включает исходное изосемическое слово в составе изосемической изоморфной конструкции — и его контекстуальные корреляты, в том числе неизосемические. КП свойственна представителям самого разного категориального статуса: именам существительным, прилагательным, глаголам, наречиям и др. Члены КП объединяются на основе общности передаваемого ими денотативного содержания, т. е. явления внеязыковой действительности. При этом разные категориальные классы слов нередко оказываются изофункциональными. Примером может служить КП наречия *бегло*, которая включает, во-первых, исходное слово — наречие в составе изосемической изоморфной конструкции: *Мальчик читает бегло*; во-вторых, имя прилагательное в составе неизосемической конструкции: *У мальчика беглое чтение*; *Чтение у мальчика беглое*; в-третьих, имя существительное в именительном падеже: *Беглость чтения у мальчика высокая*; а также, в-четвертых, дескрипцию в составе неизосемической конструкции: *Чтение у мальчика отличается беглостью*. Способность слов иметь КП с тем или иным набором членов — это их текстовый потенциал, который может различаться даже у семантически и грамматически сходных слов.

3. Функционально-коммуникативный анализ наречий, взаимодействие их парадигматики и синтагматики позволили сформулировать также понятие **актуализационной парадигмы (АП)** словоформы, которая представляет собой совокупность ее коммуникативных ролей, т. е. способности занимать ту или иную позицию в коммуникативной структуре высказывания. АП конкретных слов может быть и полной, и дефектной. Полной АП обладают словоформы, способные играть все возможные коммуникативные роли. Это, например, словоформы *завтра, хорошо, скоро, часто* и др. Дефектную АП имеют словоформы, не способные занимать некоторые из коммуникативных позиций: *вскоре, вечно, зачастую, редко* и нек. др. Так, у адвербиальной словоформы *близко* с темпоральным значением (ЛСВ 'скоро') отсутствуют коммуникативные роли собственно темы: **Близко экзамены*; диктальной ремы: *— Когда у вас экзамены? — *Близко — и парентезы: *У нас близко / экзамены*. Способность слов иметь АП с тем или иным набором членов — это их коммуникативный потенциал, который у разных слов может различаться. Так, коммуникативный потенциал наречий *часто* и *зачастую*, *потом* и *затем* различается. У *часто* и *потом* он шире, а у *зачастую* и *затем* — уже. Например, мы легко можем поставить наречия *часто* и *потом* в позицию собственно ремы: *Дожди здесь бывают часто*;

Давайте сделаем это потом. Ср. неотмеченность данной позиции для *зачастую* и *затем*: *Дожди здесь бывают зачастую*; **Давайте сделаем это затем*. Снять запрет на употребление наречия *зачастую* в роли собственно ремы помогает парцелляция: *Дожди здесь бывают. И зачастую*.

Члены каждой из парадигм наречия представляют собой не случайное, а системное образование, а группируются в строгую иерархическую систему. Другими словами, каждая из парадигм наречия имеет полевою устроенность со своим ядром (исходным членом), приядерной зоной и периферией. Ядро ПП — самостоятельное употребление синтаксисом вне предложения и вне текста (изолированное и в конъюнкции с другими синтаксисом), приядерная зона — неприсловная обусловленная позиция синтаксисом в составе предложения, периферия — присловная позиция синтаксисом как компонента словосочетания. Ядро КП — изосемическое слово в составе изосемической изоморфной конструкции. Приядерная область КП — изосемическое слово в составе изосемической неизоморфной конструкции. Ближайшая периферия КП — изосемическое слово в составе неизосемической (и, соответственно, неизоморфной) конструкции. Отдаленная периферия КП — неизосемическое слово. Ядро АП — употребление словоформы в сильной позиции собственно ремы как фокуса ремы монологического высказывания, фокуса модальной и диктальной ремы, приядерная зона — атоническая рема, ближайшая периферия — фокус темы, отдаленная периферия — «слабое» употребление словоформы в качестве атонической темы и парентезы. Важными факторами, обуславливающими дефектность АП словоформы, являются лексическое значение, наличие эксплицитного или имплицитного отрицания в семантике, слова характер выражаемой им оценки, а также тип конкретной модели предложения.

Выделение понятий позиционной, контекстуальной и актуализационной парадигм в рамках функционально-коммуникативной грамматики позволило выявить богатый потенциал не только высказываний, но и отдельных категориальных классов слов в русском языке, в частности наречий. Адвербиальные словоформы обладают полифункциональностью, которая заключается в их способности занимать в высказывании различные позиции, выполнять различные функции. Парадигматика наречия тесно связана с целым рядом других парадигм слова и предложения: словообразовательной парадигмой слова, синтаксической и актуализационной парадигмой предложения. Очевидно, что выявленные парадигмы присущи не только наречию, но и другим категориальным классам слов, в том числе служебным. Таким образом, понятие парадигматики неизменяемых частей речи, в том числе наречия, помогает показать трансформационные возможности русского языка в целом. Выявление парадигматики русского наречия позволяет в перспективе на единой теоретической основе провести корректные сопоставительные исследования, касающиеся парадигматики слов в других языках.

Аспекты изучения компаративов в функции компонентов предложных единиц

Н. С. Першина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Perelandra15@yandex.ru

Компаратив, компарат, предложная единица, квантитатив, конкретизатор

Summary. The analysis of Russian prepositions and their equivalents revealed that a wordform can function as a preposition within the bounds of its part of speech. In particular there were marked out comparatives within such forms. Functioning as a preposition a comparative loses its valences of a second comparable part and of a name of difference.

Изучение предлогов и их эквивалентов показало, что в русском языке возможны случаи, когда словоформа выполняет функцию предлога, не выходя за рамки своей части речи. В частности, среди таких форм были выделены компаративы.

Категориальное значение компаратива, или степени сравнения, состоит в сравнении / сопоставлении двух объектов: *Если желудок располагается выше диафрагмы, значит можно говорить о грыже пищеводного отверстия диафрагмы*. Новая функция компаратива представляет собой

характеристику только одного участника, одного объекта, одного компарата, т. е. второй компарат отсутствует: *В летнее время, находясь на дамской головке, шапочка из материала панамы спасает от жары даже при температуре выше 40°*. Отметим, что в предложной функции могут появляться только такие компаративы, которые могут сочетаться с параметрическими существительными (*длина, ширина, диагональ, размер, высота, глубина, радиус* и др. [4]) и с квантитативами, или количественно-именной группой [4]. Таким образом, в фокусе нашего внимания оказались ком-

паративы типа *выше-ниже, шире-уже, ближе-дальше, больше-меньше, более-менее* и др.

Специфика русских компаративов заключается в нерасчлененности формы степени сравнения, образованной от прилагательного и от наречия [5], ср.: *выше < высокий и выше < высоко*.

Компаративы имеют свою грамматическую валентность на один из компаратов: *Желудок располагается выше* (чего?) *диафрагмы* и на имя разности: *Стельки для увеличения роста — это специальные подстилки в обувь, которые визуально делают Вас выше на* (сколько?) *2,5–5 см, в зависимости от настройки*. В функции предлога компаративы теряют валентность на компарат и на ра~~вности~~были выделены два типа функционирования компаратива в качестве предложной единицы:

- функция конкретизатора;
- функция собственно предложной единицы.

1. В функции конкретизатора компаратив чаще всего употребляется с глаголами движения, где он, как правило, конструктивно факультативен, но семантически облигаторен [2], что можно проиллюстрировать на примере:

Ответ на звонок! — продолжала Лера. Я медленно вышел из машины, подошел ближе к дому и посмотрел вверх.

Срав.: *Ответ на звонок! — продолжала Лера. Я медленно вышел из машины, подошел к дому и посмотрел вверх.*

Были выявлены конкретизаторы двух типов:

- а) при именах,
- б) при квантитативах.

А) При именах конкретизатор структурно факультативен, семантически обязателен. Компаратив выступает как конкретизатор к предлогу, задает более точное направление: *Казакевич долго рассматривал карточки, подходил ближе к окну, вертел снимки перед настольной лампой* [Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000) — www.ruscorgora.ru].

Б) При квантитативах компаратив появляется обязательно с союзом *чем* и выступает как конкретизатор и к предлогу, и к квантитативу: *Подходить ближе чем на три аршина к человеку, больному заразной болезнью, вредно*. Причем *чем* гасит валентность компаратива на род. пад.

Нами также было отмечено, что нередко происходит отождествление квантитативов и именных групп: *метр* (= 1 метр), *порядок* (= 10 единиц), *уровень, степень* и др. — *Учебников по истории должно быть на порядок меньше*.

Функционально-семантическая категория подобия в русском языке

А. В. Петров

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)

liza_nada@mail.ru

Summary. The specific of category of similarity in Russian is certain, it's connection with the category of comparison is rotined.

Сравнение, являясь универсальной мыслительной операцией, пронизывает всю речевую деятельность человека и находит отражение в языковой системе. В дериватологии активно исследуются производные слова со значением подобия, в иной терминологии компаративные производные (Е. В. Огольцева). Так, внутри лексико-грамматических полей немецкого языка исследователи Е. В. Гулыга и Е. И. Шендель вычленили компаративное поле. Е. К. Беспояско и К. Г. Городенская вычленили в украинском языке поле подобия, а И. А. Устименко в словопроизводственной системе имен прилагательных русского языка учитывает ономазиологический класс сходства и подобия, который характеризуется значением «похожий на то, что названо мотивирующим словом», свойственным всем образованиям: *волнистый, волнообразный, волноподобный, волновидный* и т. п.

В ГР-80 выделены префиксальные, суффиксальные и конфиксальные морфемы, с помощью которых имена существительные передают значение подобия. К ним отнесем также префиксоиды *лже-, ложно-, квази-* и *псевдо-* в составе субстантивов-терминов типа *лжелиственница, ложнолиственница, квазизвезда, псевдоминерал* и др. Существуют также специфические модели, сориентированные на выражение подобия, — модели адъективных композитов со вто-

рой частью *-листный* («листья такие, как у...») и *-цветный* («цветки такие, как у...»): «Кроме перечисленных заслуживают внимание яблони маньчжурская, обильноцветущая, лесная, *сливолистная*» («Наука и жизнь»), «Цветки тюльпанов одиночные... различной формы: *овальные, лилиецветные, пионовидные, попугайные, орхидеецветные...*» («Азбука цветовода»).

Отношение подобия основывается на категории сравнения. Образное сравнение базируется на сравнении логическом, и поэтому в его составе выделяют: «1) элемент А — то, что подвергается сравнению; 2) элемент В — то, с чем осуществляется сравнение; 3) элемент С — общий признак сравниваемых предметов (основание сравнения)», а также показатель сравнения, функцию которого выполняет сравнительный союз (В. М. Огольцев, Т. А. Тулина).

Подобие отражает структуру сравнения — структуру сравнительной конструкции. Показательно, что функцию союза, показателя сравнения, при подобии могут выполнять предложно-падежные сочетания и сочетания глагольно-именных лексем (1), отдельные морфемы (2) и некоторые предлоги в составе определенных конструкций (3). Ср.:
1. *Имитировать кого, напоминать кого, казаться кем, подделываться под кого, представляться кем, обнаружи-*

Литература

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
2. Всеволодова М. В. Типология славянского предлога. Системность: категории и парадигмы // XIV международный съезд славистов. Славянское языкознание. Лингвистика. М., 2008. С. 119–144.
3. Интернет-данные с сайтов ruscorgora.ru и uandex.ru.
4. Судзуки Рина. Русские атрибутивные конструкции со значением «Параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка) // Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. М., 2008.
5. Федотова Н. С. Комплексный анализ русского компаратива // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.

вать сходство с кем, походить на кого, обладать сходством с кем, сойти за кого; быть похожим на, схожим с, сходным с, подобным кому и др. (Т. А. Павлова).

2. Суффиксоиды *-видный, -образный, -подобный* в структуре адъективов (миндалевидные глаза, клинообразная борода, киселеподобная масса); суффиксы прилагательных *-ист-* (зернистый снег, гребнистые вершины), *-оват- / -еват-* (шишковатый нос, медвежесватая походка), *-чат-* (желобчатые листья, репчатые плоды) и др.

3. Предлоги *в, с, под*, с участием которых строятся определения и именные сказуемые. Ср. предлоги *в* и *с*, употребляемые с вин. падежом: «Этот ремень, толщиною в палец, может выдержать тяжесть пятидесятипудового зверя» (Соколов-Микитов), «Это было крошечное деревцо, длиною в спичку» (Соколов-Микитов), «Иглы у дикобраза длинные, довольно толстые (иные с карандаш!), отточенные» (И. Акимущин), «Дома возводили с мезонинами, изукрашивали их резьбой — кружевами деревянными, крыльцо под терем делали» (Астафьев); предлог *в* употребляется с личным местоимением в родит. падеже «Сын кудрями в тебя».

Предлог *по* с винительным падежом // при указании меры, величины чего-л.» (МАС) «В лесу, у самой тропинки, росли огромные лесные колокольчики, так что каждый колокольчик был чуть ли не по куриному яйцу...» (Солоухин).

Предлог *вроде* «наподобие, в виде кого-, чего-л.» употребляется с родит. падежом обычно в сочетании с неопределенными местоимениями *что-то, нечто*: «На ней [топи] местами лежал белый налет вроде паутины, плавали разные палки и бойко бегали водомерки (Солоухин).

Транслитерированный предлог *а-ля* «подобно кому-, чему-л.; на манер кого-, чего-л.» употребляется с им. падежом *пальто расцветки «а-ля леопард*.

Составные предлоги *в виде, в форме* употребляются с родит. падежом: *шляпа в виде шлема, шоколадка в форме дубового листа*.

Составной предлог *на манер* «по образцу кого-, чего-л., наподобие кого-, чего-л.» (БАС), «способ, образ действия» (МАС) употребляется с родит. падежом, участвует в построении определительных и обстоятельственных отношений: *накидка на манер плаща; «Есть такие (тараканы), что*

умеют сворачиваться на манер ежа — шаром (И. Акимущин).

Составной предлог *по типу* употребляется с родит. падежом в составе обстоятельств: *ноги богомола функционируют по типу ножниц*.

Конструкция «предлог *с* с творительным падежом + сущ. в родит. падеже»: *профессор с профилем Данте, юноша с бакенбардами и лицом Ива Монтана (Пауст.)*.

Конструкции «предлог *на* + адъектив / местоимение + сущ. манер в вин. падеже» и «предлог *по* + сущ. манер в дат. падеже + адъектив»: *парк разбит на английский манер, «...шапка с барашковым околышком, сделанным по манеру уланскому» (Г.)*.

В отдельных рассматриваемых конструкциях эксплицируются не все члены логической формулы сравнения, поскольку нередко основание сравнения оказывается избыточным и характер соотношения смыслов А и В позволяет сделать вывод относительно сущности сходства между ними (Т. А. Тулина).

Именно в таком виде предстает формула сравнения в сложных именах. Например, в прилагательных со вторыми компонентами *-глазый, -головый, -зубый, -клювый, -рогий, -хвостый* типа *саблезубый тигр, винторогий олень* опорный компонент композита обозначает А, а препозитивный компонент — В, показатель сравнения и основание сравнения не выражены. Показатель сравнения проявляется при разворачивании производного в мотивирующую синтагму: «такой тигр, у которого зубы, как сабля»; «такой олень, у которого рога, как винт». Основание сравнения легко прочитывается: «похожий по форме на саблю», «похожий по форме на винт». В составных словах также реализуются смыслы А и В, однако несравненно большей частотностью отличается порядок А-В (Т. А. Тулина): *рыба-пила, мать-кукушка, замоч-краб*. Элемент С редко бывает представлен в морфемной структуре субстантивов. Основание сравнения вербализуется в некоторых композитах с глагольной основой типа *свинойрой*. В словообразовательной структуре производного содержится основание сравнения и элемент В: *свинойрой ← роет (С), как свинья (В)*.

Таким образом, категория подобия в русском языке является функционально-семантической категорией.

Потенциальные члены залоговых оппозиций в современном русском языке (на фоне других славянских)

Д. К. Поляков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

vbnz2005@yandex.ru

Залог, субъектно-объектные отношения, рефлексивность, потенциальность, сопоставительное языкознание

Summary. The potential unusual passive forms of the intransitive verbs in Russian (*едется*) are analysed within the context of the similar forms in West Slavic and South Slavic languages, in which they are considered usual.

Г. О. Винокур в книге «Маяковский — новатор языка» ввел в научный оборот понятие *потенциальное слово* [1: 15], впоследствии закрепившееся в словообразовании (см., в частности, [3]). Потенциальными называют лексикографически не зафиксированные — отсутствующее в словарях — производные слова, стихийно создаваемые говорящими по продуктивному словообразовательному типу и заполняющие лакуны словообразовательных парадигм. Потенциальные слова, таким образом, преодолевают ограничения, накладываемые узусом, реализуя возможности деривационной системы языка.

Идею потенциальности можно распространить и на грамматический уровень. (Отчасти такой подход наблюдается уже у Винокура, исследовавшего, например, образование В. Маяковским форм «необычного множественного числа» существительных *singularia tantum* [1: 59–62].) Также и здесь ограничения на образование тех или иных (рядов) форм в рамках грамматических категорий — причем не только узусального, но и системного характера — могут преодолеваются в речи.

С этой точки зрения представляется интересным рассмотреть образование потенциальных членов залоговых оппози-

ций в русском языке на фоне других славянских. Считается, что русский страдательный залог «непосредственно связан с переходностью: на нее опираются его морфологические средства» [5: 612]; иными словами, формы пассива — во всяком случае в литературном русском языке — образуются от переходных или употребленных как переходные глаголов (*Студенты читают учебники — Учебники читаются студентами, но Студенты читают — Ø*). Исключение составляют лишь пассивные формы косвенно-переходных глаголов: *За врачом уже послано; Об этом сообщалось в печати* [2: 459].

В то же время в русском языке возможно также потенциальное образование форм страдательного залога непереходных (или непереходно употребленных) глаголов. Продемонстрируем это на материале одного их разряда — глаголов движения. В плане сопоставления с ситуацией в других славянских языках особого внимания здесь заслуживают «рефлексивно-пассивные» формы (далее РПФ), выступающие в конструкциях типа [*берется ранец и*] *идется в школу*. Употребление аналогичных форм в инволютивных конструкциях [4: 123–131] с валентностью для «субъектного дательного» и / или квалифицирующего наречия (*Мне сегодня*

бежится; Как *вам ехалось*? [*Мне*] здесь так *хорошо бродится*; Идем, куда *идется* и как *идется*), имеющее узувальный характер, останется за пределами нашего рассмотрения.

Источником нашей выборки стали тексты Интернета, где представлены разнообразные в жанровом и стилистическом отношении коммуникаты, от научных до разговорных, «устно-письменных», занимающие различное положение на шкале «формальность — неформальность»).

Приведем примеры РПФ разных глаголов движения: *Ехалось* изначально туда совсем без каких-то особых ожиданий, а скорее с интересом и даже надеждой; Из Рима итальянского в Париж *ехалось* три месяца; Обратно в Таиланд *плылось* со слезами на глазах; На боевых учениях питание выдается сухим пайком, чтобы реже *бегалось* по нужде в зараженной местности; Сессия... Ужас, настроение оттого не очень хорошее, всё *бегается* досдаёт где что и как...; В славное школьно-хипповское время много *бродилось* по крышам...; Солнышко уже встало, рассвет был раньше, а еще раньше вставалось в потемках и полусонно *брелось* к остановке; *Шлось* в основном под горку и это радовало; Делается работа на 20 минут и *идётся* спать; спать *будет идти* немного раньше...

Примечателен тот факт, что аналогия, по которой создаются подобные формы, может эксплицироваться говорящими; более того, часто именно наличие в предтексте регулярных узувальных РПФ служит стимулом к образованию неузуальных. Ср.: *А вокруг или договоры, переговоры, уговоры, назывались* суммы, *сколачивались* команды. Затем [...] *ловилось* такси или левак, и *ехалось*, и *мчалось*, и *стремилось* играть «весь этот» джаз, джаз, джаз!!!; *Берётся* документ с будущей статьёй. *Открывается*. *Проглядывается* и *пролистывается*. [...] *Пару раз раскладывается* псыанс. *Заглядывается* в будущую статью. *Полезётся* в Русский Журнал, где *открывается* любимый Шишкин... Можно сказать, что в таких случаях выстраивается своего рода **рефлексивная перспектива** предложения / высказывания, что, впрочем, происходит не только при образовании РПФ: ср. «поток инволюнтивов» в такую погоду очень хорошо думается, бродится, курится, обнимается, фотографируется, прижимается к нему теплому... Как видно из примеров, в рамках рефлексивной перспективы порой появляются не просто неузуальные и ненормативные, но и про-

тиворечащие системным закономерностям формы (ср. *мчалось*, *стремилось*, *прижимается* — образования от возвратных глаголов).

В области РПФ наблюдается значительная асимметрия между славянскими языками: явления, для русского языка лишь потенциальные, в родственных ему западно- и южнославянских языках не только узувальны, но также системны и нормативны. Так, глаголы движения (как и все непереходные глаголы) здесь регулярно образуют «рефлексивно-пассивные» дериваты, ср. польск. *idzie się*, чешск. *jde se*, слцк. *ide sa*, серб. и хорв. *ide ce / ide se*. Таким образом, характерная для русского залога словоизменительная лакуна в этих языках отсутствует, а система «рефлексивно-пассивных» дериватов оказывается более полной, чем в русском.

Хотя русские РПФ типа *едется* представляют собой речевое явление, имеющее достаточно четкую функционально-стилистическую закрепленность в разговорной сфере, их свободное образование заставляет усомниться в правомерности ограничения числа глаголов, способных к «пассивизации», разрядами глаголов переходных и косвенно-переходных. Возникает также вопрос, можно ли считать образования типа *идется* формами пассива (в соответствии с принятым в русистике определением залога как категории, выражающей «соотношения между семантическим субъектом, действием и семантическим объектом» [5: 61]). С одной стороны, эти формы безусловно производны от личных, «активных» форм, подобно регулярным РПФ типа *берется*, *пишется* и т. д., с другой — здесь имеет место «устранение» субъекта, деагентизация, никак не затрагивающая объект. С учетом этого речь здесь может идти скорее о нейтрализации залогового противопоставления.

Литература

1. Винокур Г. О. Маяковский — новатор языка. М., 1943.
2. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса русского языка. М., 2000.
3. Земская Е. А. Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1972.
4. Золотова Г. А., Ошпенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
5. Русская грамматика / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. Т. I. М., 1980.

Грамматическая вариантность сквозь призму стилистики

Л. М. Рощина

Московский государственный лингвистический университет
rochina@mail.ru

Грамматическая вариантность, стилистические варианты, стилистические синонимы

Summary. *Grammatical variation in the light of stylistics.* The article deals with the problem of correlation between grammatical variants and stylistic synonyms and variants. The aspects of grammatical variants functioning in significant expressive contexts are also concerned. The content of the notions 'stylistic variant' and 'stylistic synonym' is specified in the article.

Проблемы соотношения вариантности и синонимии и специфика проявления этого соотношения на разных уровнях языка нуждаются в глубоком теоретическом анализе, хотя сами эти явления как автономные изучены достаточно основательно: определены параметры варианта вообще ([2], [1]) и грамматических вариантов как частного случая более широкой категории параллельных средств языка — [3], намечены исторические перспективы развития грамматической синонимии и т. д.

Фактический материал, стоящий за этими понятиями, более неоднороден, чем это показывают традиционные рубрики «Варианты падежных окончаний», «Варианты форм прошедшего времени», «Варианты управления», «Грамматическая синонимия», «Синтаксическая синонимия» и др.

Особую значимость приобретает характер соотношения вариантности и синонимии при рассмотрении этих явлений с позиций стилистики, основу которой, как известно, составляют вариантность и синонимия на разных уровнях языка. Между тем именно эта область функционирования языковых единиц оказывается наименее изученной.

Общепринятые определения варианта и синонима механически переносятся в область стилистических явлений, хотя, как показывает анализ фактического материала, существует настоятельная необходимость дифференцировать с

точки зрения стилистики грамматические явления, объединенные под общей рубрикой «Варианты...». Так, зафиксированные в словарях как грамматические варианты формы: *георгин — георгина*, *артишок — артишока*, *санаторий — санатория*, *вольер — вольера*, *мангуст — мангуста*; *сох — сохнул*, *вник — вникнул*, *капает — каплет*, *махает — машет*; *инспекторы — инспектора*, *грозди — гроздь*, *ясель — яслей*, *сахара — сахару*, *орден — орден*, *меха — меха* — в сфере стилистики ведут себя по-разному.

Грамматические варианты типа *георгин — георгина*, *вольер — вольера*, *мангуст — мангуста*, *грозди — гроздь*, представленные в словарях как равноценные и равнозначные по употреблению, и в стилистике функционируют как варианты.

К такому выводу подводит понимание стилистических вариантов как **языковых единиц, взаимозаменяемых в любой контекстной ситуации и имеющих одинаковую стилистическую окрашенность и стилевую закрепленность.**

Формы же: *артишока*, *санатория* — имеют в словарях помету «устар.»; *сохнул*, *вникнул*, *махает* и др. характеризуются либо как «разговорные», либо как лишь «допустимые». Разница в стилистической окрашенности и разная стилевая отнесенность табуируют использование данных форм в идентичных ситуациях вместо парных образо-

ваний. В стилистике они не могут рассматриваться как варианты.

Очевидно, в этом случае следует говорить о стилистических синонимах. В [4] в статье «Синонимы» дается определение стилистических синонимов как «синонимов, имеющих одинаковые значения, но различающихся стилистической окраской». Представляется обязательным внесение в это определение дополнительного компонента — «стилевая закреплённость (отнесенность)», то есть в нашем понимании **стилистические синонимы — это синонимы, имеющие при одинаковом значении разную стилистическую окрашенность и стилевую закреплённость**. При таком понимании стилистической синонимии логично отнести пары *артишок — артишока, санаторий — санатория, сох — сохнул, выик — выикнул, машет — махает* и др. к стилистическим синонимам.

Интересная ситуация складывается с парами типа *ордены — ордена, поясы — пояса, меха — мехи, капает — каплет* и др. С одной стороны, это грамматические варианты,

с другой — разные лексемы, слова с разной семантикой (*ордены* — общественные организации, *ордена* — награды, *меха* — выделанная шкура пушного зверя и *мехи* — часть музыкального инструмента, *каплет* [над нами], *капает* [лекарство]). Подобные образования, казалось бы, не должны быть предметом рассмотрения в стилистике, так как разница в семантике возникла не в результате стилистического использования. Однако при определенной целевой установке (преднамеренном нарушении нормы) они могут стать стилистическими синонимами особого типа — ситуативными.

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
2. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
3. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.: Наука, 1976.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.

Типы номинаций множеств лиц в современном русском языке

А. В. Румянцева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
arumyantseva@gmail.com

Множество лиц, совокупность, собирательность, коллективные имена

Summary. The author describes three semantic types of people set nominations and their peculiarities, e. g. grammatical characteristics, paradigmatic and syntagmatic connections.

Номинации множеств лиц отличаются спецификой языковой интерпретации внеязыкового содержания, которая, с одной стороны, проявляется в способах языкового выражения множества, с другой — влияет на внутреннюю форму соответствующей языковой единицы, ее грамматические характеристики, а также парадигматические и синтагматические связи, отражающие характеристики обозначаемых совокупностей и их отдельных членов.

Классические определения множества в математике отмечают, что предметы объединяются во множество человеческой мыслью на основе какого-либо общего свойства отдельных предметов, которое позволяет воспринимать эти предметы как нечто целое. Для языка это определение множества является в полном объеме релевантным, но при этом в номинации множеств естественный язык, в данном случае русский, может либо актуализировать, либо затушевать, ослабить какой-либо из конституирующих признаков множества, таких как однородность, дискретность и целостность. Таким образом, выработанные в русском языке способы выражения множеств (словообразовательные производные, семантические производные (как метонимические, так и метафорические), непроизводные номинации, словосочетания, а также формы мн. ч. и употребление форм ед. ч. личных имен для обозначения множества лиц) не обозначают чистое количество, а приобретают дополнительные, **качественные** характеристики обозначаемого множества.

Исходя из общего свойства членов выражаемых множеств, в работе выделяются три типа языковой интерпретации множеств закрытого типа: **собирательные, коллективные и актуально-ситуативные**, различающиеся своими языковыми характеристиками.

1. Собирательные — качественно однородные совокупности, объединяющие все лица одного рода (например, *молодежь, клиентура, русский народ*). Признак качественный однородности является конституирующим признаком множества.

2. В основе коллективных множеств (*семья, правительство, коллектив, оркестр*) лежит признак включенности членов множества в общую деятельность или определенные социальные отношения, т. е. целевая однородность, которая сочетается с различиями в качественных характеристиках членов множества (например, с точки зрения их социальных ролей в коллективе).

3. Актуально-ситуативные множества связаны с определенной ситуацией и основаны на восприятии и оценке говорящего, а их члены качественно не охарактеризованы (*толпа, орава, костяк, аудитория*). Номинации подобных сово-

купностей основаны не на выделяемых свойствах членов, а только на свойстве самой совокупности. Кроме того, называемое в языке множество может передавать видение говорящего, который объединяет некоторое количество лиц в совокупность, основываясь на собственном восприятии и оценке (*ядро, костяк*) коллектива.

Семантический тип имен людских множеств и способ выражения личных совокупностей определяют их референциальный потенциал и грамматические свойства. Так, с точки зрения семантики номинации **собирательных совокупностей** обозначают понятие: идею о классе, включающем всех лиц одного рода. Вследствие этого для них характерно употребление в составе нереперентных именных групп, отсутствие семантической оппозиции категории числа 'единичность' — 'множественность' (либо они имеют формы только одного из чисел: *чиновничество, детвора*, либо обе формы употребляются со значением множества: *трудова резерв — трудовые резервы*). Кроме того, данные номинации являются неисчисляемыми и не сочетаются с количественными числительными.

В семантике номинаций **коллективных совокупностей** отражаются как общая целевая направленность коллектива, так и иерархические отношения между его членами, которые связаны с различными социальными ролями лиц, входящих в подобные множества. Номинации коллективных совокупностей лиц могут входить в именные группы различного денотативного статуса и обозначать как конкретные множества, так и множества абстрактного характера. Они обладают формами обоих чисел и свободно сочетаются с количественными числительными (*команда / две команды / команды*).

Номинации **актуально-ситуативных совокупностей** чаще употребляются в форме ед. ч. (*костяк рекламодателей; зал воспринял его всерьез*), но не исключено их использование и в форме мн. ч. в определенных контекстах, что, как и возможность сочетаемости с количественными числительными, обусловлено связью с внеязыковой действительностью (например, *сейчас две аудитории пишут сочинение*), при этом форма мн. ч. может иметь особое контекстное значение 'большое количество' (*толпа — толпы*).

Выделяемые семантические типы людских множеств, о которых в рамках теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст» можно говорить как о трех типах реализации у личных имен лексической функции *Mult*: *Mult* собирательности (*чиновничество*), *Mult* коллективности (*правительство*) и *Mult* актуально-ситуативной совокупности (*толпа студентов*), различаются также своими синтагматически-

ми и парадигматическими связями, в том числе языковым способом выражения соотнесенности 'множество лиц — лицо' и особенностями реализации лексических функций *Sing, Cap, Equip*. Так, лексические функции *Cap* и *Equip* связаны только с коллективными именами.

Множества лиц по своей сути всегда состоят из отдельных членов, но в языке признак **дискретности** может подавляться в зависимости от языковой формы выражения множеств и от корреляции с именем отдельного члена множества. На степень языковой выраженности дискретности имен людских множеств могут указывать внутренняя форма

номинации или возможность реализации у нее лексической функции *Sing*. Однако имеются и такие способы интерпретации людских множеств, которые противоречат дискретности их элементов, например, у лексем *элита*, *чернь* лексическая функция *Sing* не реализуется.

Таким образом, особенности языковой интерпретации людских множеств взаимосвязаны со способом их языкового выражения, в том числе с наличием внутренней формы соответствующих языковых единиц, и определяют формально-семантические связи, референциальный потенциал и грамматические свойства последних.

О некоторых тенденциях в развитии современной чешской морфологии в сопоставлении с русскими

J. Rufferová / Я. Руфорова

Hradec Králové (Czech Republic) / Градец Кралове (Чехия)

ruffer@quick.cz

Development tendencies in Czech and Russian morphologies, tendencies to analytical and deflexive approaches, syntactic, word-formative and stylistic reasons for changes in morphology

Summary. On some tendencies in the development of the morphology in current Czech as compared with those in Russian. Based on analyses of spoken and written Czech publicistic texts we can say that the said texts language is influenced mainly by Czech spoken in the western part of the Czech Republic wherein, especially in the morphosyntactic level, tendencies to analytical and deflexive approaches are obvious. The impulse for appearance of such tendencies may be the aim to express one's ideas as briefly as possible, not just in a different way as it was usual up to now. The phenomena existing in the morphology of the current Russian appear now in Czech publicistic texts, too.

Изменения в современном чешском и русском языках проявляются на грамматическом уровне так же, как и в других областях языка. На основе сопоставления последнего состояния современного чешского языка с предыдущими его состояниями в рамках точно хронологически определенного этапа можно отметить некоторые тенденции его развития. Их описание и характеристика разных аспектов этих тенденций рассматриваются в сборниках, разных пособиях, журналах и трудах (см. труды А. Йедлички, Ф. Данеша, М. Йелинека и др.). Тенденции развития русского языка характеризуются в книге «Правильно ли мы говорим по-русски?», статьях журналов «Вопросы языкознания», «Новая русистика», в сборнике «Современная русская речь» (2004) в трудах К. С. Горбачевич, Е. А. Земской, В. Г. Костомарова и др.

Цель доклада — обнаружить некоторые из тенденций в развитии чешской морфологии и сопоставить их с русскими. Пользуясь примерами изменений, проявляющихся в развитии морфологии современного чешского языка — особенно в области глагола и именных окончаний — и сопоставляя их с русскими, можно отметить тенденции к взаимному их сближению или же отдалению в этой области.

Материалом для сопоставительного анализа послужили публикации чешских газет «МФ Днес», «Лидове новины», «Право», «Халоновины», материал передач и рекламы Чешского радио (ЧР) и телевидения (ЧТ); русские примеры были собраны путем выписки из газет «Аргументы и факты», «Известия», «Правда», «Московские новости», «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», издаваемых в 1980–2009 гг., а также из публикаций, посвященных процессу изменений в обоих языках.

1. В чешском языке — в устной речи и в печатных публицистических текстах — в заимствованных выражениях не всегда встречаются окончания в соответствии с литературной нормой, напр.:

- (1) *Chmel červeňák vyniká jemným aromem* [ЧТ 2, реклама, 16.03.2009].
- (2) *Studie o Joem Hlouchovi Alice Kraemerová* [Лидове новины, 07.05.2009].
- (3) *Tento datum; k tomuto poslednímu datumu* [НЯ].
- (4) *I přes nezvykle nízký datum se můžete vypravit na Máchovo jezero již nyní* [ЧР 2, 27.04.2009].

Авторы в приведенных примерах присоединяют к именам окончания чешских существительных, с которыми заимствованные внешне совпадают (*datum — hrad; hradu — datumu*). Грамматические категории меняются так же, как и в русском языке.

В предложно-падежных формах встречаются флексии падежей, с которыми конкретный предлог в чешском языке не сочетается (*o Joem*), очевидно потому, что носитель значения с точки зрения пользователя — лишь предлог, не предлог + падеж.

2. Многие заимствованные выражения в отличие от нормы не изменяются как и в русском, напр.:

- (5) *To zvládnete s tou slečnou s tím charisma?* [ЧТ 1, 03.04.2009].
- (6) *Je to člověk s neobyčejným charisma* [Лидове новины, 2001].
- (7) *Jakmile jsme otevřeli dveře, okamžitě nás ovanula různá příjemná aróma — kávy, hřebíčku...* [перевод книги G. Durella].

3. В чешском языке не склоняются и домашние выражения, принадлежащие к периферийным, напр.:

- (8) *Jak sděluje AFP, obě strany se dosud nedohodly na předání všech pěti rukojmí...* [Право 2007].
- (9) *Otázky nesouvisejí s činností ministerstva, vzkázal po svém mluvčí Lachnit* [МФ Днес 2002].

Рядом с более частыми:

- (10) *Podle slov mluvčího hradeckého soudu Michala Strnada, Novák zároveň požádal, aby byl k výkonu trestu převezen na Slovensko* [Право, 20.04.2009].
- (11) *Partyzáni zajali sedm rukojmích* [МФ Днес, 2006].

Мы попытались классифицировать примеры изменений и думаем, что они вызваны синтаксическими, словообразовательными и стилистическими причинами.

Итак, можно сказать, что чешский язык в устных и письменных публицистических текстах находится под влиянием устной речи, прежде всего западной части Чешской республики, в которой в большей мере проявляется на морфосинтаксическом уровне тенденция к аналитичности и дефлексии. Имеющиеся в области флексий русского языка явления встречаются в настоящее время и в чешском языке. Импульсом для них может быть стремление выражаться как можно короче, а не только иначе, чем до сих пор.

Трудно определить на основе ограниченного количества примеров, идет ли речь о распространенных, общепринятых или окказиональных явлениях. Поэтому стоит положительно оценить проекты корпусной лингвистики славянских языков, способной более объективно характеризовать явления в конкретных языках и в то же время внести свой вклад в исследование изменений в славянских языках и ответить на вопрос о взаимном их сближении или расхождении на разных этапах развития.

Склонение русских числительных в свете экспериментальных данных

С. В. Рябушкина

Ульяновский государственный университет

svetigor@bk.ru

Словоизменение, имя числительное, активные процессы в современном русском языке

Summary. The author links the speech variations in numerals to their structure and morphological peculiarities of the components.

Многочисленные речевые нарушения норм склонения числительных, о которых неоднократно писали филологи, следует квалифицировать как диагностические: массовый их характер и наметившиеся тенденции употребления говорят об изменениях в этом звене системы и постепенном формировании будущей языковой нормы. Лингвисты обычно называют несколько процессов в сфере числительных, связанных их с общим аналитическим устремлением русской грамматической системы. Первая тенденция — к упрощению склонения по типу «прямые — косвенные падежи». Вторая тенденция — расширение функций («экспансия») Им. п. [2: 231], что проявляется в частичной или полной несклоняемости числительного: *около семьсот тысяч долга; мужчина тридцать пяти лет*. Третья тенденция — экспансия Род. п. [1]: наблюдается замена внутренних компонентов неодносоставных нумеративов формой Род., обобщенной формой *двух-, трех-, четырех-* (омонимия Род.–Предл.) или *пяти-, шести-* и т. д. (омонимия Род.–Дат.–Предл.): *с двухстами журналистами; о трехсот пятидесяти квартирах; с семидесятью тысячами долларов*.

Анализ языкового материала показывает, что последние тенденции проявляются чаще всего в косвенных падежах сложных и составных числительных и отражают процесс переоформления нумеративной синтагмы. Причем в именах сотен распределение речевых вариантов зависит от морфологических особенностей компонентов: имена сотен представляют собой композиты двух типов — с начальным «малым» ('2'–'4') и с начальным «большим» числительным ('5'–'9'); в их парадигмах омонимичны только формы Им.–Вин. (*двести, пятьсот*), а косвенные оформлены по-разному (*двухсот, двумстам, двумястами, о двухстах; пятисот, пятистам, пятьюстами, о пятистах*). Парадигмы первых

компонентов содержат больше омонимичных форм: у «малых» различаются четыре формы (Им.–Вин.; Род.–Предл.; Дат.; Твор.), у «больших» — три формы (Им.–Вин.; Род.–Дат.–Предл.; Твор.).

Для уточнения узусных вариантов в течение 2006–2008 гг. было проведено экспериментальное исследование — анкетирование около 1800 студентов разных специальностей вузов г. Ульяновска и г. Москвы (речь молодежи — это мостик между прошлым и будущим состоянием языка, т. к. она отражает и традиционные нормы, и новые тенденции). Не углубляясь в статистические тонкости, проанализируем как мнение «среднего носителя языка» речевые реализации одного из контекстов — с формами Твор. п. разнотипных имен сотен: *Депутат вчера встретился с 350 избирателями, а сегодня — с 570 избирателями* (Твор. был выбран как падеж, не имеющий омоформ).

Имена десятков показали большую употребительность упрощенных условно нормативных форм, с устранением «внутреннего» Твор. (*пятидесятью, семидесятью* — более 1/2 ответов) по сравнению с нормативным (*пятьюдесятью, семьюдесятью* — около 1/3 ответов). Генитивное (*пятидесяти, семидесяти*) и номинативное (*пятьдесят, семьдесят*) оформление использовалось респондентами крайне редко.

Имена сотен продемонстрировали несколько речевых вариантов (см. Табл. 1). Нормативные и условно нормативные формы представлены почти в половине анкет. Имя «малой» сотни получает форму Род. *трехсот* в 4,9 раза чаще, чем Им., а «большой» — форму Им. *пятьсот* в 7,59 раза чаще, чем Род.; по количеству употреблений это оформление вполне соотносится с нормативным и условно нормативным. Следовательно, «экспансия номинатива» характерна для «больших» сотен, а «экспансия генитива» — для «малых».

Таблица 1.

Тип словоформы	«300»		«500»	
	словоформа	кол-во употр., %	словоформа	кол-во употр., %
Им.	триста	8,50	пятьсот	43,03
Р.	трехсот	41,67	пятисот	5,67
Тв.	тремястами	29,08	пятьюстами	26,92
Р. / Тв.	трехстами	46,09	пятистами	46,99
Р. + -ста	трехста	2,21	пятиста	3,51
прочие	тремстами, тристами и др.	1,53	пятьюсот, пятьюста и др.	0,80

Еще более наглядны цифры, характеризующие совместную употребительность вариантов в анкетах (Табл. 2): сочетания нормативных форм и различные комбинации условно нормативных форм количественно соответствуют друг дру-

гу (примерно по 1/5 употреблений), но контексты, соединяющие генитивное оформление «малой» сотни и номинативное оформление «большой» сотни, все же преобладают (1/3 употреблений).

Таблица 2.

Тип сочетания и словоформ	«300» + «500»	
	словоформы	кол-во употр., %
Р. + Им.	трехсот + пятьсот	29,54
Тв. + Тв.	тремястами + пятьюстами	18,54
Тв. + Р. / Тв.	тремястами + пятистами	8,33
Р. / Тв. + Р. / Тв.	трехстами + пятистами	21,94
Р. / Тв. + Тв.	трехстами + пятьюстами	8,22
Им. + Им.	триста + пятьсот	5,39
Р. + Р.	трехсот + пятисот	6,63
прочие сочетания, менее 2,5% на вариант		4,14
		19,21

Полученные результаты свидетельствуют, по-видимому, о том, что язык стремится устранить исторически обусловленные, но для современного человека трудно объяснимые структурные различия «малых» сотен, раскладывая их на составляющие и выравнивая лексикализованные композиты по аналогии с именами «больших» сотен: *две + сти, три + ста,*

четыре + ста → двух + сот, трех + сот, четырех + сот (как пять + сот, восемь + сот). Хотя в прямых падежах традиционные формы сохраняются.

Важно также, что из каждой парадигмы выбрана форма со слоговым ударным корнем *-сот*: в таком виде этот компонент оказывается семантически более весомым — воспри-

нимается как обозначение счетной единицы (ср.: *несколько сот человек, много сот тысяч лет назад*). Наблюдается также структурная близость *трехсот* и *пятьсот*. Обе формы с закрытым первым слогом (что делает морфемный шов агглютинативным), а их строение позволяет реализоваться двуударности: обязательное основное ударение выделяет название разряда, а побочное сможет «прозвучать» на первом компоненте (композит получает просодические свойст-

ва сложного слова — впрочем, это одна из возможных речевых реализаций).

Литература

1. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008. С. 187–267.
2. Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. 3-е изд. М., 2001.

Новые аспекты понимания категории рода существительных

О. С. Савельева

ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет»

savel'yevacspsu@ya.ru

Грамматическая категория, категория рода, категория качества, предметность

Summary. The category of a gender, in our opinion, is special means of expression grammatic meaning of nouns and meaning of a subject is meaning of this category. This united grammatic meaning confirms the right of a category to the grammatic status.

Грамматическая категория рода существительных — древнейшая лингвистическая категория, характерная особенность индоевропейских языков. За многовековое существование этот важнейший для целого класса предметных единиц грамматический признак не имел последовательных результатов развития. Существующее в современном языкознании понимание категории рода, связанное с полом, с бессодержательностью, относится, на наш взгляд, к истории грамматики, а правильнее сказать, к историческому этапу грамматики, учитывающему особенности мифологического мышления.

Вышесказанное позволяет считать актуальными разработанные нами аспекты понимания рода и смену взглядов на сущность изучаемой категории, закономерно появившиеся в результате анализа противоречий современной теории рода, каковыми считаем следующие: грамматическая категория рода должна охватывать всю лексику, объединяемому понятием «часть речи», однако в традиционном понимании рода нет отражения всех существительных; деление на формы мужского, женского, среднего рода не имеет последовательного содержательного объяснения; термины «мужской», «женский», «средний» не являются лингвистическими; традиционное мнение о том, что род выражается системой падежных форм, равносильно отрицанию собственных средств выражения у категории. Остается неясным, что у категории рода является категоризирующим признаком (*характерной чертой* грамматической категории), т. е. обобщенным значением, объединяющим систему значений отдельных родов и систему соответствующих форм рода? Лишь у части одушевленных существительных (называющих лица) значение форм рода (мужского и женского) является объяснимым. Мы убеждены, что значение пола не может входить в грамматическое значение, в категоризирующий признак, потому как грамматическое значение отвлеченно, присуще целому классу слов; грамматика — это система абстрактных категорий. Грамматическая категория — это «значение обобщенного характера, выражаемое грамматической формой» [3: 40].

В трудах по теории грамматического рода ([1], [2], [4], [5], [6], [9] и др.) мы обнаружили плодотворные идеи. В результате развития этих идей и анализа оригинального материала (картотеки существительных) сформулирована новая концепция категории рода, в общих чертах представленная в работах А. М. Чепасовой [7, 8].

Новые аспекты в понимании категории рода:

— При выявлении содержательной сущности категории рода существительных мы исходим из философского понимания категории предмета как 1) совокупности свойств, 2) носителя главных, существенных признаков, 3) ограниченное и завершённое в себе сущее. Понятие предмета в языкознании соотносимо с понятием предмета в философии и имеет такое же широкое содержание. В языкознании все обозначения предметов, материальных и идеальных, являются существительными. Как наиболее характерный морфологический признак категория рода распределяется на все и всякие существительные. И все они имеют семантическую структуру, т. к. предмет, или вещь, — это совокупность свойств. Род участвует в отборе и ограничении свойств и представляет совокупность отобранных

свойств как субстанцию, как предмет, качественно отличающийся от другого предмета. Таким образом, род — это категория качества, качественного разнообразия, имеющая предметное содержание.

- Категория рода «является специальным средством выражения категориального грамматического значения существительных и значение предмета или предметности является значением этой категории» [7: 66]. Это единое грамматическое значение подтверждает право категории на грамматический статус. Повторим здесь выраженную выше мысль, что биологического значение пола не является значением грамматического рода. С идеей пола не связаны целые семантические категории. Такая связь обнаруживается только у существительных, называющих лица, и частично — называющих животных. Еще одним убедительным свидетельством того, что род и пол не должны отождествляться, являются факты несовпадения тождественных по значению форм рода в языках, имеющих эту категорию.
- Категория рода имеет трехформенную структуру, но обусловленную не связью со склонением и распределением по полу, а постепенным качественным развитием значения предметности в языке.
- Мы считаем флексию полифункциональной именной морфемой, средством выражения именной природы существительных. Окончание существительного — это средство выражения одновременно трех категорий: рода, числа и падежа. Так называемые «падежные» окончания, на основании которых квалифицируют формы рода, называем именными.
- В системе категорий существительного род обладает наивысшей степенью абстрактности. Согласно выделенным аспектам нового понимания рода как грамматической категории качества мы подчеркиваем, что 1) категория рода связана со всеми существительными, она отделяет существительные от других частей речи, хранит предметное (обобщенное) значение, 2) категориальное родовое значение предметности присутствует в значении каждого существительного.
- В соответствии с пониманием категории рода как **категории качества (предметности)** считаем логичным изменить систему терминов, представив соотношение категорий существительного как соотношение грамматических категорий качества (рода), количества (числа) и отношения (падежа).

Литература

1. Бондарко А. В. О некоторых типах эволюции грамматических категорий в их отношении категориям понятийным // Основные проблемы эволюции языка: материалы Всесоюз. конф. по общему языкознанию: в 2 ч. М., 1971. Ч. 1. С. 82–85.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
3. Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики: Материалы к курсам языкознания / Под общ. ред. В. А. Звегинцева. М., 1961.
4. Мучник И. П. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке. М., 1963.
5. Современный русский язык. Морфология: Курс лекций / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1952.

6. Современный русский язык. Таблицы по грамматике: Учебное пособие для вузов / Сост. А. М. Чепасова, А. П. Чердниченко. М., 1999.
7. Челябинская фразеологическая школа: Научно-исторический очерк / Науч. ред. А. М. Чепасова. Челябинск, 2002.

8. Чепасова А. М. Грамматические категории предметных фразеологизмов: Дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 1980. Т. 1.
9. Ярцева В. Н. Теория и практика сопоставительного исследования языков // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. Т. 45. 1986. № 6. С. 493-499.

Грамматики или аспекты единичности?

В. П. Сидельников

Донецкий национальный университет (Украина)

sidelnikov15@mail.ru

Формальная, функциональная, ассоциативная, когнитивная грамматика

Summary. Problems of a contemporary vision of grammar are considered in the work.

Что такое грамматика вообще? Вопрос, на первый взгляд, может показаться наивным, ибо в лингвистической литературе — справочной, учебной, академической — можно найти определение этого классического понятия. Однако современная лингвистика, накопленный опыт описания языковой системы не дают основания для получения удовлетворительного ответа на вопрос, поставленный в самом начале работы. По определению «Лингвистического энциклопедического словаря» (1990), грамматика — это «строй языка, т. е. система морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций, способов словопроизводства».

Такое определение грамматики собственно сводится к выявлению того пространства, которое занимает сама грамматика в структуре языка, в его системе. Но как показал опыт написания Грамматики-60, -70 и -80, определение языкового пространства грамматики непросто. Объектом Грамматики-60 являются строй слова и строй предложения в отвлечении от конкретного материального значения слов и предложений. Грамматика-70 вообще не затрудняет себя определением самого объекта грамматики и как само собой разумеющееся вводит в структуру грамматического строя словообразование, морфологию, синтаксис, а также разделы «Ударение», «Альтернативы», собственно относящиеся к фонетике, но играющие определенную роль в построении и характеристике отдельных грамматических форм и значений. Грамматика-80 также не дает определение грамматики, а только называет ее состав: морфемику, словообразование, морфологию и синтаксис, и как говорится в предисловии этой грамматики, «в нее включено также описание русской фонетики, фонологии, ударения и интонации...» И как объясняют авторы этой грамматики, включение этих разделов не собственно грамматических важно для морфологии, словообразования и синтаксиса.

Но как же быть с современными многочисленными названиями грамматики: формальная, трансформационная, ассоциативная, когнитивная, падежная, коммуникативная и др. Невольно задаешься вопросом: это действительно самостоятельные грамматики или это разные аспекты грамматического учения?

Рассмотрим прежде всего причину появления таких многочисленных номинаций в определении объекта, который мы именуем грамматикой. По словам Г. А. Золотовой, «грамматика — одна из древнейших и привычно-устойчивых наук в истории человечества, которая могла бы “окаменеть” и “мумифицироваться”, если бы время от времени беспокойные филологи не поверяли учение о языке материалами самого языка». Но динамизм грамматической науки обусловлен не только обращением к самим фактам речи, но и динамизмом всего человеческого знания и всей человеческой практики.

Во взаимодействии теории и практики прослеживаются определенные закономерности и принципы развития грамматики как науки. Так, интенсивная эксплуатация основополагающих идей современной лингвистики и психологии в теории и практике преподавания языка, в средствах массовой коммуникации со всей очевидностью говорит об острой необходимости новых теоретических изысканий, новых открытий в области соотношения: языка и речи, языка, речи и речевой деятельности; системы языка и системы мышления; системы языка и внеязыковой деятельности; системы языка и языковой личности и др. Сказанное дает основание сформулировать принцип опережающего развития фунда-

ментальных наук, опережающего развития теории. Можно ли сегодня считать, что грамматический строй описан достаточно? Естественно, нет.

Классические грамматики от Панини и Аристотеля до Академических грамматик 60, 70, 80-х гг. давали формально-логическое описание строя языка. Однако в последние два десятилетия все настойчивее высказывалась мысль о том, что только традиционный подход к грамматике уже не отвечает ни интересам дальнейшего развития лингвистики, ни языковой практике. В этом отношении весьма наглядна история возникновения и развития функциональной грамматики.

При всем многообразии подходов современных лингвистов к истолкованию базового понятия «функции», к построению самой грамматики, все функционалисты едины в грамматической стратегии, которую четко сформулировал А. Бондарко: «Функционирование — это всегда динамическое преобразование, преобразование языка в речь, переход функций как потенциалов в функции, как реализованные цели коммуникации, преобразование функций “для говорящего” в функции “для слушающего”». Близки к функционалистам и те лингвисты, которые стремятся разработать так называемую идеографическую грамматику, строящуюся на ономаσιологическом подходе к фактам языка. Идеографическая грамматика, по словам В. В. Волкова, должна ответить на вопрос, как реализуются ономаσιологические категории (ОК) в языке. Причем под ОК подразумеваются категории понятийные, получающие регулярное выражение в системе грамматических и лексических средств языка.

Появление функциональной грамматики обусловлено всем ходом поступательного развития грамматической теории, которая не могла не учитывать достижения системно-структурной лингвистики; психолингвистики, обращенной к динамике речи, ее порождению и ее восприятию; социолингвистики, решающей проблемы реализации языковых функций в социальной среде.

Развитие современной лингвистики, направление научных исследований в ее различных отраслях в значительной мере определяется социальным заказом, практической стороной деятельности человека. Качественные изменения в соотношении теории и практики, в принципах их взаимодействия вызывают к жизни новый тип ученых-исследователей, которые теоретические выводы и обобщения используют в практике разработки, создания учебников словарей и справочников. В этом проявляется принцип ускорения «технологической оборачиваемости» теории.

Новые научные парадигмы в лингвистике представлены в первую очередь функциональной, ассоциативной и когнитивной грамматиками. Последняя ориентирована на рассмотрение когнитивных аспектов языковых явлений, связанных с процессом познания мира, следовательно с такими когнитивными феноменами, как восприятие, внимание, память, мышление.

И, наконец, если провести аналогию с медициной, то традиционная (формальная) грамматика — это своего рода анатомия, определяющая устройство грамматики; функционально-коммуникативная обращена к «физиологии» грамматики, т. е. к ее жизнедеятельности, а когнитивная, в том числе и ассоциативная, обращены к мышлению, к психологии речи. Вне всякого сомнения, генеральная функция грамматики состоит в том, чтобы при помощи элементарных знаний, заключенных в ограниченное количество грамматических форм и значений, в определенном смысле древних, а потому и внешне примитивных (внутренне же глубоких,

составляющих генетический код речи), передать путем многочисленных комбинаций грамматических и лексических форм слов бесконечное множество информации, новых знаний. Итак грамматика — это универсальный механизм языка, связующий языковую систему и приводящий ее в действие. А поэтому грамматика не может быть неформальной, ибо всякая суть всегда формирована; не может

быть нефункциональной, ибо всякая природная суть наделена особым предназначением, т. е. выполнять определенную функцию; не может не быть коммуникативной, ибо язык по своей природе социален; не может не быть когнитивной, ибо в самой грамматике отражено языковое знание о мире. В этой связи нужно говорить не об отдельных грамматиках, а об аспектах единичности.

Динамика родовых форм современных русских субстантивов

Т. В. Тукова

Донецкий национальный университет (Украина)

maksimtukov@yandex.ru

Категория рода, закон системности, принципы развития языка, антиномия, унификация, специализация

Summary. The directions of evolution transformations of grammar forms of gender of nouns in the Modern Russian language are analyzed in the article. The influence of intralinguistic regularities of morphological system development has been uncovered.

На рубеже тысячелетий даже на самом устойчивом участке языка — морфологическом — отмечается ускоренная реализация заложенных в системе языка механизмов. Наблюдения за эволюционными процессами в грамматике на синхронном срезе связано с вариативностью, обусловленной интралингвистическими факторами — действием закона системности, реализацией принципов аналогии, экономии и традиции. Сдвиги в функционировании конкурирующих вариантов объясняются стремлением языка найти выход из неуравновешенного состояния между означаемым и означающим. В сильной зоне морфологического варьирования находятся родовые формы неодушевленных субстантивов. Чисто грамматический (формальный) род оказывается слабым звеном перестраивающейся системы языка. Разрешение сложившейся антиномии возможно двумя основными путями: унификация сосуществующих морфологических единиц или их специализация.

Унификация грамматических форм рода как выход из состояния избыточности в языке работает постоянно, отражая действие принципа аналогии. Довлеющий характер формальных признаков граммем особенно показателен при исследовании эволюции классифицирующих облигаторных грамматических категорий, каковой и является грамматическая категория рода субстантивов. Родовые характеристики неодушевленных существительных выравниваются по аналогии в силу давно сложившейся в русском языке (языке синтетического типа) специализации флексий *-е*, *-о*, *-а* и нулевой для выражения грамматикализованной информации о роде субстантивов. Поэтому адаптирующиеся русским языком несклоняемые заимствованные неодушевленные имена существительные с финалиями *-е*, *-о*, *-и* также могут варьироваться в роде: *болеро*, ср. и м. р.; *виски*, ср. и ж. р.; *кепи*, ср. и ж. р.; *манго*, м. и ср. р.; *наргиле*, ср. и м. р.; *пенальти*, м. и ср. р. и проч. Варьирование в таком случае поддерживается не только схожестью формального облика. Неодушевленные заимствованные субстантивы обычно относятся в русском языке к среднему роду, однако идентификация по роду может проходить и в результате соотношения с родовым понятием: *болеро* — танец, *виски* — водка, *кепи* — кепка, *манго* — фрукт, *наргиле* — курительный прибор, *пенальти* — удар.

Фонетическая специфика финали оказывается важным фактором в формировании рода аббревиатур, когда уходит в второй план ориентир на род опорного слова. Чаше всего это происходит в компрессированных образованиях на твердый согласный, например, ЧОП ‘частное охранное предприятие’, КАД ‘кольцевая дорога’. При ключевых словах среднего и женского рода подобные аббревиатуры потребителями лингвистической информации и лексикографами идентифицируются как слова мужского рода: *наш ЧОП*; *от этого КАДа*.

Соответствие внешней форме слова-сокращения наблюдаем и в случаях финальных гласных. Так, типичен переход в разряд слов среднего рода и у частотных русских аббревиатур на *-о*, *-е*: *Ворошиловское районо*, *РОЭ повысилосе*. Подобная тенденция наблюдается и в буквенных аббревиатурах: *ГБ < гзбэ >* ж. и (разг.) ср. рода; *ГКЧП < гзкчпэ >* м. и (разг.) ср. рода. Формант *-а* во вновь зафиксированном слове *писишка* ‘IBM-совместимый персональный компью-

тер’ дает вариант идентификации по женскому роду. Находим действие аналогии и не уровне более протяженных финалей, например *-оль*, ср.: *фасоль*, *консоль* — *пемоксоль*, *персоль*.

Интралингвистический принцип экономии наиболее тесно связан с экстралингвистическими факторами развития языка. Ускоряющиеся темпы жизни общества стимулируют появление более коротких кодовых знаков. При сосуществовании вариантов мужского и женского рода с эксплицитно представленной родовой информацией в узусе более частотными становятся слова с материально не выраженными родовыми характеристиками, т. е. субстантивы мужского рода *бутс*, *браслет*, *рельс*, *электрокар* и др., отселя на второй план более длинные варианты женского рода *бутса*, *браслета*, *рельса*, *электрокара*.

Соблюдение принципа традиции позволяет языку сохранить национальную специфику, придает ему устойчивость, нейтрализуя суперактивность принципов аналогии и экономии. Так, буква *ь* как показатель женского рода стойко удерживает морфологические варианты в паре *выгар* (м.) и *выгарь* (ж.). Слово *кофе* в разговорном стиле реализуется как слово среднего рода под воздействием формальной аналогии, однако грамматическая традиция прошлого века прочно удерживает его идентификацию по мужскому роду (ср. *кофий*): *Мой завтрак — это чёрный кофе и сигарета* (Метр. 2005. №4); *Кофе неплохо взбудрило* (Зефир. 2005. № 10). Стадию равноправных вариантов на современном этапе проходят пары *автокар* — *автокара*, *аудиенц-зал* — *аудиенц-зала*, *вольер* — *вольера*, *клипс* — *клипса*, *шпрот* — *шпрота*; *псалтырь*, *-я* — *псалтырь*, *-и*, *фелонь*, *-я* — *фелонь*, *-и* и др.

Выход из вариативности обусловлен необходимостью преодоления антиномии означаемого и означающего. Варианты начинают отличаться степенью устарелости: *бацилла*, *брелок*, *сандалия* — уст. *бацилл*, *брелока*, *сандалий* и проч. Один из вариантов ограничивается стилистически, например, разговорным стилем вторые слова в парах: *ботинок* — *ботинка*, *помидор* — *помидора*, *тапочка* — *тапочек*, *туфля* — *туфель*, *сандаleta* — *сандалет* и т. п.. Наблюдается и ограниченность сферы употребления одного из вариантов: *манжета* — *манжет* (порт.), *шлиц* — *шлица* (порт.), *банкнот* — *банкнота* (фин.), *шпон* — *шпона* (тех.) и проч. Может побеждать более продуктивный вариант мужского или женского рода в силу действия различных принципов: *абрикос*, *аквамарин*, *выработка*, ср. в просторечии *абрикоса*, *аквамарина*, *выработок*. Поэтому важен словарный подход к рассмотрению каждой языковой единицы. Специализация лексико-семантического родового варианта приводит к появлению нового кодового знака со своим лексическим значением: *зал* ‘обширное помещение, предназначенное для многочисленных собраний’ — *зала* ‘гостиная’; *жар* ‘повышенная температура тела человека при болезни’ — *жара* ‘высокая температура вообще’; *глист* ‘паразит’ — *глиста* ‘о длинном тощем человеке’.

Как видим, эволюционные процессы в сфере грамматической категории рода субстантивов отвечают действию закона системности. Принципы аналогии, экономии и традиции реализуются в ходе разрешения антиномии означаемого и означающего и выражаются в унификации и специализации родовых форм.

К вопросу о национально-языковом своеобразии поэмы Н. Гоголя «Мертвые души»

Л. М. Устюгова

Ужгородский национальный университет (Украина)

ustyugova_l_m@mail.ru

Деепричастие, формант, норма, двуязычие, интерференция

Summary. In the article is given the synchronic-diachronic discription of the structural types of verbal adverbs in prose of M. Gogol and A. Pushkin. The applic, ation of quantitative and comparative analysys let the author of the article to preve the direct and indirect influence of the Ukrainian language on the given part of the morphologic system of M. Gogol's language.

Эпоху Н. Гоголя в истории русского литературного языка оценивают как революционную, поскольку в 1830–1850 гг. стала отчетливо проявляться тенденция к грамматической стандартизации, затронувшей и систему деепричастий, суффиксы которых в русском языке имели стилистические варианты, совпадающие с нейтральными формантами украинских деепричастий. Учитывая двуязычие Н. Гоголя, допуская смешение отдельных элементов русского и украинского языков, в докладе мы дали сравнительную характеристику структурных особенностей основных типов деепричастий, зафиксированных в прозе А. Пушкина и в поэме Н. Го-

голя «Мертвые души». Актуальность такого исследования предопределяется, с одной стороны, недостаточной изученностью языка Н. Гоголя в грамматическом аспекте, а с другой, — обострившимися в связи с 200-летием со дня рождения великого украинца дискуссиями о его национально-литературном статусе. Учитывая заданный объем тезисов, мы ограничились изложением основных результатов количественного анализа деепричастий, сгруппированных по формантам, и краткими комментариями к ним. Часть нашего материала представлена в таблице 1. Косыми линиями разделены количество деепричастий и частотность их употребления:

Таблица 1. Сравнение количества деепричастий в прозе А. Пушкина и Н. Гоголя

Количество Форманты	Деепричастия в прозе А. Пушкина		Деепричастия в поэме Н. Гоголя	
	Количество	В процентах	Количество	В процентах
1. Несовершенный вид				
-а / -я	152 / 229	78% / 77%	148 / 216	79% / 79%
-а / -я (сь)	36 / 58	18% / 19%	37 / 47	20% / 17%
-учи / -ючи	6 / 9	3% / 3%	2 / 9	1% / 3%
2. Совершенный вид				
-в	83 / 119	60% / 54%	79 / 115	26% / 24%
-вши	—	—	127 / 206	42% / 44%
-вшись	14 / 20	10% / 9%	55 / 82	18% / 17%
-а / -я	19 / 43	14% / 19,5%	15 / 22	5% / 5%
-а / -я (сь)	16 / 27	12% / 12%	13 / 17	4% / 3,6%

1. Из таблицы 1 видно, что в структуре деепричастий НСВ принципиальных различий между прозой А. Пушкина и Н. Гоголя нет. Преобладающими являются словоформы с суф. *-а / -я*, мотивированные невозвратными и возвратными глаголами: *пробегая, прощаясь / закидывая, спускаясь*. Несмотря на то что количество деепричастий НСВ и средняя частотность их употребления в прозе А. Пушкина и Н. Гоголя почти совпадают (195 / 298 и 187 / 272, а также 1,53 и 1,54 соответственно), в процентном исчислении от общего числа анализируемых словоформ наблюдаются значительные расхождения — 58% у А. Пушкина и 38% у Н. Гоголя. Причины этого различия связаны с особенностями функционирования деепричастий, что частично рассматривается в докладе.

2.1. Для группы деепричастий СВ характерно существенное количественное расхождение — 137 (42%) / 219 примеров в прозе А. Пушкина и 305 (62%) / 471 — в поэме Н. Гоголя. Средняя же частотность употребления этих деепричастий выше в прозе А. Пушкина — соответственно 1,6 и 1,45. Анализируемые словоформы СВ заметно различаются количественным соотношением формантов. Так, в прозе А. Пушкина не зафиксировано ни одного деепричастия с суф. *-вши*, мотивированного невозвратным глаголом. Девербативы от возвратных глаголов (*взявшись, собравшись*) представлены 14-ю примерами (10%). 60% (83 примера) в пушкинской прозе составляют деепричастия с суф. *-в* (*приехав, взяв*).

2.2. В поэме Н. Гоголя «Мертвые души» зафиксировано 182 деепричастия с суф. *-вши* (60% от общей суммы словоформ СВ): 127 (42%) форм мотивируются невозвратными глаголами (*подложивши, отдохнувши, взявши, сделавши, съевши*) и 55 (18%) — возвратными (*опустившись, проснувшись*). Формант *-в* имеют 79 деепричастий (26%): *приставив, достигнув, сделав, накрыв, позабыв*. В сочинении Н. Гоголя мы выделили 4 подгруппы вариантных образований: суф. *-в / -вши* (*взглянув 4 / взглянувши 2*; суф. *-в / -а* (*выпучив 3 / выпуча*; суф. *-вши / -я* (*прибавивши 2 / прибавя*); суф. *-вши / -в / -я* (*увидевши 4 / увидев / увидя 6* (цифры около примеров обозначают частотность употребления данных словоформ).

3.1. Проведенное нами исследование дает основание предполагать, что в формах деепричастий, прежде всего СВ, зафиксированных в поэме «Мертвые души», проявляется интерференция со стороны украинского языка. Те словоформы, которые для А. Пушкина были стилистически окрашенными фактами русского языка, для Н. Гоголя, на наш взгляд, являлись прежде всего украинизмами. Так, низкая частотность суф. *-учи* в русском языке облегчала двуязычному писателю разграничение русских и украинских деепричастий НСВ. Видимо, поэтому в поэме «Мертвые души» девербативов с формантом *-учи* меньше (1%), чем в прозе А. Пушкина (3%).

3.2. Иная картина наблюдается в группе деепричастий СВ с суффиксами *-в* и *-вши*, которые в русском языке анализируемого периода были распространены сравнительно широко, в то время как для украинских деепричастий СВ основным являлся суф. *-вши* (*зустрівши, носивши*), что в условиях украинско-русского двуязычия затрудняло разграничение «своего» и «чужого». Кроме того, и это, на наш взгляд, главное, картина усложнялась омонимией русского деепричастного суффикса *-в* и украинского суффикса прошедшего времени (*сіяв, погрожував, сидів*). Отдавая явное предпочтение формам на *-вши*, Н. Гоголь, с одной стороны, разрешал проблему омонимии суффиксов, а с другой, — сближался с демократическими стилями русского литературного языка, создавая, по оценке представителей молодого поколения современных писателей, «небывалый, неслыханный по естественности язык».

Таким образом, деепричастия, зафиксированные в поэме Н. Гоголя «Мертвые души», испытали и прямое, и косвенное влияние украинского языка. Декодирование этого влияния в морфологической системе писателя в целом сопряжено с большими трудностями, поскольку речь идет о разграничении явлений близкородственных языков, да еще и в период становления литературных норм.

Литература

1. Гоголь Н. В. Мертвые души // Гоголь Н. В. Собрание художественных произведений: В 5 т. 2-е изд. М., 1959. Т. 5. С. 5–356.
2. Пушкин А. С. Художественная проза // Пушкин А. С. Сочинения: В 3 т. М., 1955. Т. 3. С. 179–538.

Грамматические неологизмы в современной поэзии: статус и частота встречаемости в текстах разных авторов

Н. А. Фатеева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

nafata@rambler.ru

Современная поэзия, неологизмы, грамматика, трансформация диатезы

Summary. *Grammatical neologisms in the modern poetry: status and frequency.* G. Vinokur wrote that real language creativity manifests itself in grammar where chief alterations occur in the system of relations. The intentional character of poetry determines that dynamics of such relations is primarily formed in subject-object schemes that control actantial models. I'll focus on deviant grammatical forms demonstrating the mobility of the verbal categories of voice and transitivity on the basis of the reversibility of subject-object relations. Such grammatical neologisms are frequently used especially in the feminine poetry. In the masculine poetry transformation of diathesis occurs in restricted number of verbal semantic groups and is not so widespread as in women's texts.

Г. О. Винокур писал, что подлинное языковое творчество проявляет себя в грамматической сфере, где основные изменения происходят за счет создания новых языковых отношений, а не элементов. Интенциональный же характер поэзии обуславливает то, что динамика таких отношений задается прежде всего в сфере субъектно-объектных связей, перестраивающих систему семантических и синтаксических актантов, т. е. в трансформации диатезы. В нашем докладе мы сосредоточимся на девиативных грамматических формах, демонстрирующих подвижность категорий залога и переходности на фоне общей обратимости субъектно-объектных синтаксических связей. Прежде всего рассмотрению будут подвергнуты необычные возвратные формы глаголов (типа *я не смогла, бисериться перед свиньями, некому посвятиться, мне реминисценится, вытворишь* и др.).

Уже предварительный анализ позволяет назвать такие девиативные формы грамматическими тропами или грамматическими неологизмами. В первом термине акцент делается на семантических преобразованиях, во втором — на переосмыслении словообразовательной и морфологической структуры необычных глагольных форм, приводящем к трансформации смысла. Когда же мы сосредоточиваемся на поэтической функции трансформации словообразовательных и грамматических связей, то логично встать на точку зрения М. Эпштейна, который в одной из своих последних статей назвал такую технику построения художественного текста ГРАММ-АРТ [5]. Такие неологизмы часто встречаются в современной поэзии, прежде всего в женской (Н. Делаланд, Е. Риц, М. Степанова, Ю. Идлис и др.). В мужской поэзии (у С. Гандлевского, В. Сосноры, В. Кривулина и др.) такие формы затрагивают ограниченное число семантических групп и не так распространены, как в женской.

На активизацию подобных девиаций в современной поэзии я обратила внимание еще в своей работе [4]. Параллельно грамматическая вариативность в сфере залога и переходности стала предметом изучения Л. В. Зубовой, которая относит эти явления к разряду грамматических вольностей современной поэзии. Она считает, что залог и переходность «располагают к лингвопоэтическому эксперименту, так как в сфере их действия грамматика и логика часто противоречат друг другу» [3].

Для определения статуса подобных форм очень полезна концепция «актуальной грамматики» текста Б. М. Гаспарова [2]. Ученый считает, что параллельно с формальным описанием текста должен проводиться анализ его «актуальных уровней», которые могут не совпадать с формальными уровнями. Это актуальное соотношение, по мнению Б. М. Гаспарова, «целесообразно выделить в качестве особого предмета описания, не отождествляемого ни с собственно структурными правилами, ни с единичными окказиональными нарушениями последних в тексте. Актуальная грамматика занимает как бы промежуточное положение между этими полярными случаями. В отличие от окказиональных нарушений, она имеет дело с регулярными деформациями формальной структуры, совершаемыми по определенным моделям и на базе определенных средств выражения» [2].

И действительно, в каждом отдельном случае мы имеем дело с актуальными преобразованиями значений возвратных глагольных форм, обусловленных полисемантичностью их грамматического значения (эти формы могут выражать активный, пассивный и медиальный залого, позволяют конвертировать одну и ту же ситуацию, порождать актантную деривацию и т. п.). Однако обнаруженная нами продуктивность и парадигматичность данных формообразований позволяет говорить о том, что подвижность лексико-грамматической семантики форм с *-ся* является свойством, потенциально заложенным в языке, что дает возможность каждой из них реализовывать себя в индивидуально-авторских грамматических тропах.

Литература

1. Винокур Г. О. Маяковский — новатор языка. М., 2006.
2. Гаспаров Б. М. Актуальная грамматика // Словарь терминологии тартуско-московской семиотической школы / Сост. Ян Левченко. Под руководством И. А. Чернова. 1999. Электронная версия: http://semiotik.ru/akt_gram.html.
3. Зубова Л. В. Грамматические вольности современной поэзии (залог, переходность) // *Landslide of the Norm. Language Culture, Language Debates and the Response of Literature*. Bergen, 2006.
4. Фатеева Н. А. Основные тенденции развития поэтического языка конца XX века // Новое литературное обозрение. 2001. № 50.
5. Эпштейн М. Н. Грамматическое творчество в речи и языке: От аномалии к норме // *Язык как медиатор между знанием и искусством*. Материалы международного научного семинара. М., 2009 (в печати).

Дублетные обороты наречие + глагол

О. В. Чагина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

achagin@imli.ru

Лексика, грамматика, РКП

Summary. Russian duplicate constructions are being analyzed at the report as the problem of teaching Russian as a foreign language.

Тематический круг дублетных оборотов, построенных по модели **наречие с суффиксом -ом или -мя + глагол** (*ходить ходуном, кишмя кишеть*) широк и разнообразен. При всем своем многообразии, эти ДО можно свести к нескольким семантическим рядам: 1) 'Восприятие': *видом не выдывать, слыхом не слыхивать, нюхом не нюхивать*; 2) 'Еда, питье': *есть поедом, пить запоем*; 3) 'Звук и речь': *криком кричать, ревмя реветь, плачем плакать, гудья гудеть, ноем ныть, воем выть, похвальбами похваляться, просить просьбою, ором орать, шипом шипеть*; 4) 'эмоции': *гневом*

гневаться, пропасть пропадом; 5) 'нахождение в пространстве': *стоять (ставить) стоймя, лежать (положить) лежмя, сидеть сидья, висеть висья*; 6) 'перемещение в пространстве': *бежать бегом, пльвом плыть, лётюм лететь, ползком ползти, волоком волочить, катком катиться, слоном слоняться*; 7) 'дрожь, вибрация': *ходуном ходить, дрожмя дрожать*; 8) 'количественная характеристика': *битком набивать(ся), сыпом усыпать, валом валить, кишмя кишеть, ливмя лить*; 9) 'физическое действие': *боем бить, бросом бросать*.

Ряд ДО входит в число устойчивых стереотипов, характерных для конкретных фольклорных жанров. Так, конструкция *видом не видывал, слыхом не слыхивал* распространена в русских волшебных сказках, а оборот *похвальбами похвалялись* часто встречается в былинах при описании пиров.

Ухо иностранца едва ли не более, чем слух носителя языка, настроено на восприятие звуковой стороны текста. Наличие в ДО большого количества звуковых повторов повышает их эмоциональное восприятие. В то же время дублетный характер оборота ставит иностранца в тупик: почему *слыхом не слыхивал*? Разве возможен другой способ получения звуковой информации? Пособия по комментированному чтению русской литературы для иностранцев не решают этой проблемы. Но нередко, даже зная о специфике ДО этой формы как о структуре, имеющей значение интенсифицирующего действия, и следуя логике структуры, иностранец тем не менее допускает ошибки: **Мы целый день ходуном ходили по городу; *Тихон боялся, что мать поедом съест Катерину; Баба-Яга говорит: *Русского духа не слыхом услышать*, поэтому в практике РКИ требуется более пристальное рассмотрение таких ДО.

Структура предложений с ДО во многом зависит от семантики ДО. В качестве примера рассмотрим предложения с ДО 'восприятие'. Из названий пяти органов чувств ДО называют три: зрительное восприятие (*видом не видывать*), слуховое (*слыхом не слыхивать*), обонятельное (*нюхом не нюхивать*): *Ворона в то время могла бы найти «кусочек сыру» лишь по счастливой случайности, поскольку русские крестьяне его и видом не видывали, и нюхом не нюхивали* (В. М. Мокиенко). Все ДО этой семантики — отрицательные. Частица *не* всегда предшествует глаголу. Наречия *видом, слыхом, нюхом* выступают как синонимы экспрессивно-модальных частиц и наречий *даже, и, совсем, никогда*.

ДО со значением восприятия употребляются в предложениях разной формальной устроенности:

1. Безличные предложения: а) инфинитивные (*Смотрит Баба-Яга, а паршивого жеребенка видом не видать*); б) предложения с наречными предикативами, образованными от глаголов НСВ с помощью суффикса *-н* (*Фу-фу! Русского духа видом не видано, слыхом не слыхано*).

2. Личные предложения: *Видом ее не видала, слыхом про нее не слыхала*.

Доминирующей видовой формой глагола в ДО является несовершенный вид с преобладанием суффикса *-ива / -ыва*.

Как аспектуальные дублеты выступают варианты с суффиксом *-а* (*видом не видал*).

Подобным образом могут быть проанализированы предложения с ДО других семантических групп.

Глагол в составе ДО может изменяться по числам и лицам. В ДО могут выступать не только глаголы, но и глагольные формы — деепричастие и причастие.

В составе некоторых ДО можно наблюдать использование разного рода распространителей — определений, наречий, частиц: *Встала, пошла в спальню и, встав на колени, завывла звериным диким воем* (Коль); *Дядя, вы добрый? Скажите, вы добрый?* — почти криком кричала она (Салтыков-Щедрин); *Надо бы держаться холодно, спокойно, а во мне все так ходуном и ходило* (Каверин).

Представляя собой непродуктивный тип, ДО остаются устойчивой и жизнеспособной частью языковой системы, поскольку они связаны с лексическим ядром русского языка. Продолжая активную жизнь в языке, ДО обнаруживают разнообразие вариантов. Это может быть замена наречия предложно-падежной группой с существительным той же семантики (*видом не видывал — в глаза не видывал*) или тавтологическим инфинитивом (*Что ты! Я и слыхать не слыхала, и видать не видала — к / ф «Татьянин день»*). В художественной литературе встречаются случаи авторского преобразования ДО: *Роман Елены Марковны уже вышел из печати и лежнем лежал во всех книжных магазинах Москвы* (О. Михайлов). Такая языковая игра приводит к семантическому сдвигу, обогащая ДО дополнительным смыслом.

В некоторых случаях в ДО замене может подвергаться глагол: *ходить ходуном — пойти ходуном: Но прилетела Зойка, и вновь все в квартире пошло ходуном* (О. Михайлов). Здесь налицо контаминация двух типов фразеологизмов *ходить ходуном* и *пойти вразнос* (*кувырком, наперекосяк*), что придает новому обороту дополнительную экспрессию.

Иногда возможно даже переосмысление ДО, возникающее как результат языковой погрешности: *Маши, все РУВД судачит, что зампрокурора города за тобой ходуном ходит* (телесериал «Тайны следствия»).

Таким образом, наблюдения над употреблением ДО показывают, что они не являются застывшими реликтовыми формами. На фоне употребления ДО в неизменной, стабильной форме появляются и их варианты с разной степенью вариативности, от введения в ДО новых языковых элементов до полного переосмысления оборота.

О парадигматических вариантах форм слова в русском языке

И. А. Шаронов

Институт лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

igor_sharonov@mail.ru

Грамматические варианты, стилистика, языковая норма

Summary. It is a well known fact, that grammatical variants coexist if standard Russian, if they have semantic or stylistic peculiarities. We analyze in the report one more group, named "paradigmatic" grammatical variants. These forms are located in the paradigm of a word. Few examples: Variants *ноль / нуль*, plural forms of *год* and *человек* in indirect cases.

Грамматическая вариативность — традиционная область интересов русистики. Лингвисты рассматривают возникновение и сосуществование вариантов в рамках представлений о диахронических изменениях языка в процессе его развития. Принято считать, что в результате конкурентной борьбы в языке сохраняются в основном семантические и стилистические варианты. В докладе предлагается дополнить классификацию устойчивых вариантов еще одной группой единиц, которую мы называем *парадигматическими*. Эти варианты представлены в отдельных грамматических формах, они завоевали себе место в парадигме некоторых лексем, где и сосуществуют с не всегда похожими на них единицами. О парадигматических вариантах, как кажется, писали не так много. А между тем, они обладают определенной устойчивостью, хотя и среди парадигматических вариантов незаметная борьба продолжается.

- НОЛИ — вхождений: **6**
- НОЛЯ — вхождений: **63** (из них десяток чужих)
- НОЛЮ — **2** примера (оба из А. П. Чехова)
- НОЛЕМ — **2** примера
- О / НА НОЛЕ — вхождений: **19**

К числу наиболее ярких примеров парадигматического совмещения можно отнести вариативность *ноль — нуль*. Опрос нескольких групп студентов Института лингвистики в возрасте 18–20 лет показал, что форма *ноль* практически не используется в формах им. и вин. падежей ед. ч. Однако во всех остальных падежных формах вариант *ноль* доминирует. Ср.:

ноль — нуль (устар)	ноли / ноли
ноля / ноля	нолей / нолей
нолю / нолю	нолям / нолям
ноль — нуль (устар)	ноли / ноли
нолем / нолем	нолями / нолями
о ноле / ноле	о нолях / нолях

Анализ материала в Национальном корпусе не столь категоричен, хотя в целом подтверждает мнение молодого поколения.

- НУЛИ — вхождений: **86**.
- НУЛЯ вхождений: **1071**
- НУЛЮ вхождений: **885**
- НУЛЕМ вхождений: **80**
- О / НА НУЛЕ вхождений: **70**

Несколько случаев парадигматической вариативности супплетивных форм можно обнаружить в количественных сочетаниях. Рассмотрим некоторые из них.

В вариантах *годы / лета*, используемых в сочетании с числительными, наблюдается картина, отчасти напоминающая рассмотренную выше. Распределение в парадигме супплетивных форм имеет достаточно устойчивый характер:

Два года	Пять лет
Двух лет	Пяти лет
Двум годам	Пяти годам
Два года	Пять лет
Двумя годами	Пятью годами
О двух годах	О пяти годах

Слабо кодифицированными парадигматическими вариантами являются формы мн. числа слова **человек**: *люди / человеки*. Эти варианты в количественных сочетаниях активно конкурируют. Тот или иной вариант формы мн. числа слова **человек** выбирается в зависимости от части речи главного компонента, а также его падежной формы.

Если главный компонент количественного сочетания — существительное или наречие, выбирается форма *люди*: *множество / десятки / сотни / толпы / немало / много людей*.

- МНОГО ЛЮДЕЙ — **896** вхождений;
МНОГО ЧЕЛОВЕК — **5** вхождений.
- КОЛИЧЕСТВО ЛЮДЕЙ — **307** вхождений;
КОЛИЧЕСТВО ЧЕЛОВЕК — **6** вхождений.

Сочетаемость вариантов со словом *тысяча* в качестве главного компонента количественного сочетания определяется частеречной принадлежностью слова *тысяча*.

Если *тысяча* выступает как существительное — обычно в форме мн. ч. или в сочетании с количественным существительным, то после него идет, как правило, форма *люди*.

<u>Род. пад. числительного:</u>	<i>двух человек</i>	— 356 вхождений;	<i>двух людей</i>	— 237 вхождений.
<u>Дат. пад. числительного:</u>	<i>двум человекам</i>	— 10 вхождений;	<i>двум людям</i>	— 27 вхождений.
<u>Твор. пад. числительного:</u>	<i>двумя человеками</i>	— 6 вхождений;	<i>двумя людьми</i>	— 51 вхождение.
<u>Предл. пад. числительного:</u>	<i>о двух человеках</i>	— 2 вхождения;	<i>о двух людях</i>	— 10 вхождений.

В докладе также будет поставлен вопрос о том, как норма должна относиться к таким вариантам, можно и нужно ли пытаться воздействовать на узус в ситуациях неуверенного равновесия.

Выражение значений необходимости и долженствования в структурах, включающих глаголы СВ и НСВ, в русском языке в сопоставлении с персидском

Дж. Н. Шейхи

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
sheikhinahid@yahoo.com

Модальные значения видов, необходимость, долженствование, русский и персидский языки

Summary. The report is devoted to analysis of main difficulties of using Russian imperfective and perfective aspects expressing necessity and obligation in comparison to the Persian language.

Наш доклад посвящен анализу основных трудностей употребления русских глаголов в форме инфинитива при выражении модальных значений необходимости и долженствования персидскоговорящими студентами. Актуальность данного исследования обусловлена сразу несколькими причинами и прежде всего выбором формы вида глагола. Значения форм глагола, возникающие на уровне предложения, достаточно сложны и разнообразны. Они представляют собой значительные трудности для изучающих русский язык как неродной. Так, на данном участке языковой системы между русским и персидским языками наблюдаются расхождения. Не имея собственно формального видového противопоставления, персидский язык обладает разветвленной системой глагольных времен, выражающих различные аспектуальные значения, в частности, значения необходимости и долженствования. Кроме этого, при анализе данных форм необходимо постоянно иметь в виду взаимодействие и взаимообусловленность значений вида (его частного значения) и модальных слов, выражающих необходимость и долженствование.

В Сантьяго *тысячи людей* с песнями и чилийскими флагами вышли приветствовать Пиночета. [О. Поляковский. Неподсуден (2003) // «Вокруг света». 15.09.2003]

Десять тысяч людей лишены средств к существованию [Д. Володин. Рыбакам надоело правительство (2003) // «Ежедневные новости» (Владивосток). 14.01.2003]

Если *тысяча* выступает как числительное — обычно в составе неоднословного числительного, после него идет, как правило, форма *человеки* в род. пад. мн. ч.

Пять / семь / пятнадцать тысяч человек.

Что ни делай, для ста тысяч человек он мал. (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом).

В «секциях», как по-модному называли тот склад, куда привели Андреева, было более *тысячи человек*. [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)]

Альтернативные варианты достаточно редки. В НКРЯ было обнаружено всего несколько нестандартных употреблений. Из них интересен пример В. Т. Шаламова, поскольку, оказывается, что в «Колымских рассказах» автор употребляет в одной конструкции оба варианта *для ста тысяч человек* (см. пример) и *более тысячи людей*:

На стеллажах огромного пакауза лежало более тысячи людей. (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы).

Если главный компонент количественного сочетания — числительное в им. или в вин. падеже, выбирается только вариант мн. ч. род. пад. от *человеки*: *Пять человек (людей), двенадцать человек (людей)*.

В случаях, когда числительное в рассматриваемой количественной конструкции стоит в разных косвенных падежах, картина меняется. Продемонстрируем сказанное на примере сочетания с числительным *два*, которое не слишком отличается от других числительных по сочетаемости с вариантами, основываясь на материалах НКРЯ:

Литература

1. Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. М., 1980.
2. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1980.

мой глагольной формой, требует поддержки контекста, в связи с этим в выражении значения модальности участвуют разнообразные языковые элементы: например, дополнительные лексические единицы (наречия, глаголы), являющиеся конкретизаторами смысла предложения, например, к предложению *мне надо решать задачу* добавляем наречие и глагол *shogu kardan* (начать): *man bayad foran hale masaalera shoru konam*, а к предложению *мне надо решить задачу* — глагол *tamat kardan* (решить и закончить) и наречие *srazu* (*foran bayad in masalaro hal va tamat konam*).

Другая проблема при выражении значения необходимости заключается в том, что в персидском языке только одно слово (*bayad*) эквивалентно словам *нужно, надо, должен*, при этом их семантическое различие для персидскоговорящих студентов не ощутимо, поэтому при изучении лексико-грамматических средств выражения необходимости в русском языке нам представляется логичным и необходимым подробно объяснить и проанализировать различия в значениях этих модальных слов.

О функциональном различии кратких форм и падежных форм полных прилагательных в позиции предиката в современном русском языке

М. А. Шелякин

Тартуский университет (Эстония)

sheljakin@hotmail.ee

Именительный, творительный, предикат, краткая форма, функциональная дифференциация

Summary. The differences between predicative cases and short forms of adjectives in the modern Russian language are considered in the report in a new fashion. The main attention is paid to the historical origin of these forms and their functional peculiarities in speech.

Вопрос о мотивированности альтернативного предикативного употребления прилагательного в именительном и творительном падеже, а также его краткой формы до сих пор не дает покоя исследователям грамматической системы русского языка. В последнее время появился ряд новых работ принципиального характера, в которых подвергаются сомнению все предшествующие попытки сформулировать критерии, позволяющие объяснить выбор указанных форм прилагательных в позиции предиката. Однако в них выражен отказ от признания единых функциональных критериев употребления краткой формы и падежных форм полного прилагательного в позиции предиката. В докладе по-новому рассматривается этот вопрос и обращается внимание на происхождение данных форм, определившее функциональные особенности каждой из трех предикативных форм прилагательного в речи.

1. Как известно, полные формы прилагательных восходят к кратким в сочетании со склоняемыми указательными местоимениями *и, я, е*, дублирующими своими грамматическими формами формы кратких прилагательных и определяемых существительных. Тем самым возникло полное и слитное грамматическое согласование членных прилагательных с определяемыми существительными по формам рода, числа и падежа, что привело к выражению постоянной данности предмета с предикативным признаком — к атрибутивности признака, без его становления и проявления во времени и к переключению внимания на **существенность предмета с данным атрибутом в обозначенной ситуации**. Поэтому полные формы характеризуются нейтральной коммуникативной констатацией в речи — объективированностью.

2. Исторически предикативный творительный падеж прилагательного связан с его инвариантным значением социальности, из которого появились значения превращения, уподобления, образа и «появляющегося у субъекта признака, одновременного с его действием (состоянием)». Употребление такого предикативного творительного привело к ослаблению, неполноте его синтаксической связи с субъектом и тем самым к выделению выражаемого им признака, что определило прагматическую функцию творительного падежа — фокусированной актуализации ремы. Таким образом, предикативный творительный падеж прилагательного можно назвать актуализованно-ремагическим, переключающим внимание на **существенность предикативного признака с данным предметом в обозначенной ситуации**.

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
2. Войнова Е. И., В. М. Матвеева. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. М., 1981.
3. Гуревич В. В. Глагольный вид в русском языке: значение и употребление. М., 2008.
4. Лобанова Н. А., Слесарева И. П. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. М., 1980.
5. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004
6. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
7. Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1982.
8. Сидорова М. Ю., Захраи С. Х. Вид глагола: правила и употребления. Тегеран, 2009.
9. Хосро Фаршидвард. Грамматика персидского языка. Тегеран, 1382.
10. Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского языка. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
11. Шелякин М. А. Справочник по русской грамматике. М., 2006.

3. При употреблении кратких форм прилагательного с существительными их синтаксическая связь друг с другом оказалась ослабленной, неполной, так как она дополнительно не дублировалась указательными местоимениями, что привело к выражению признаков относительно самостоятельных в своем проявлении и в связи с этим к развитию в них значения состояния. Краткие формы прилагательных, в отличие от полных, «обнажают» предикативный признак, интерпретируя его прагматически. Поэтому они **всегда** так или иначе сопровождаются субъективными коннотациями. Такую функцию кратких форм можно назвать **эмфатической (прагматической)**, имея в виду ее подчеркивающий характер.

Отмеченное функционально-стилистическое различие между предикативными формами прилагательного не отражается на разных речевых сферах их употребления: все они встречаются в разговорной и письменной речи, так как их выбор в речи всецело определяется установкой говорящего на указанную функционально-стилистическую окрашенность данных форм.

В итоге функционально-стилистическое различие предикативных падежей и краткой формы прилагательного можно представить следующим образом по степени подчеркнутости выражаемых признаков: отсутствие подчеркнутости (ИП) — наличие актуализованно-ремагической подчеркнутости (ТП) — экспрессивная подчеркнутость (КФ): *Он был умный — умным — умен*. Данное различие всех трех форм прилагательного в позиции предиката подтверждается ответами информантов при предъявлении им синонимичного употребления форм прилагательных. Таково, например, употребление предикативных прилагательных в речи Иванова в пьесе А. Чехова «Иванов»: *Слушай, бедняга... Объяснить тебе, кто я — честен или подл, здоров или психопат, я не стану. Тебе не втолкуюшь. Был я молодым, горячим, искренним, неглупым... В тридцать лет уже похмелье, я стар, я уже надел халат. С тяжелой головой, с ленивой душой, утомленный, надорванный, надломленный, без веры...* (действие четвертое, картина 10). См. характеристику Астрова в пьесе А. Чехова «Дядя Ваня»: *Он пьет, бывает грубоват, — но что за беда? Талантливый человек в России не может быть чистеньким. Сама подумай, что за жизнь у этого доктора! Непролазная грязь на дорогах, морозы, метели, расстояния громадные, народ грубый, дикий... при такой обстановке тому, кто работает и борется изо дня в*

день, трудно сохранить себя к сорока годам **чистеньким и трезвым...** (действие второе). См. также описание Тригорина в пьесе А. Чехова «Чайка»: *Человек умный, простой, немножко, знаешь, меланхоличный. Очень порядочный. Сорок лет будет ему еще не скоро, но он уже знаменит и сыт, сыт по горло...* (действие первое). Сам выбор трех предикативных форм прилагательного в речи зависит от содержания текста и коммуникативных установок говорящего. Так, например, творительный предикативный падеж часто употребляется при выражении а) сюрпризной информации: *Она поехала в санаторий лечиться, а вернулась*

больной; б) причинно-следственных связей: *Все было хорошо, полезно ему, и поэтому он пришел обратно довольным;* в) подчеркнутых меняющихся признаков лица: *Он был и умным, и капризным, и ласковым.* Однако каких-либо твердых и общих правил выбора предикативных форм прилагательного пока установить не удалось.

В заключение отметим, что 1) русский язык в своих предикативных вариантах прагматически дифференцирует их для выражения излагаемых событий с точки зрения говорящего; 2) функциональные особенности таких вариантов опираются на этимологическую память их форм.

О месте предикативации в системе транспозиционных процессов на уровне частей речи*

В. В. Шигуров

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

shigurov@mail.ru

Часть речи, транспозиция, предикатив, прилагательное, наречие

Summary. About the place of predicatation in the system of transpositional processes at the level of parts of speech, its essence, step character and its limit.

В последнее время исследователи, представляющие разные направления и школы в лингвистике (О. М. Ким, В. В. Богданов, И. В. Дьячук, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова и др.), все чаще обращаются к понятию транспозиции как к инструменту, который позволяет глубже осмыслить функциональные возможности языковой системы, выявить характер взаимодействия единиц одного и того же или разных уровней языка при выражении семантически разноплановой и емкой информации.

Среди транспозиционных процессов в системе частей русского языка особое место занимают предикативация и модалация. Если в процессе, например, субстантивации, адвербиализации, адъективации и т. п. слова или словоформы категориально «раздваиваются» и «отпочковавшиеся» от них «двойники» переходят из одной части речи в другую, то при предикативации языковые единицы разной категориальной принадлежности (*пора, легко, некогда, проветрено* и т. п.) не перерождаются в какую-то новую часть речи, а используются в речи «нестандартно» — в особой синтаксической функции предиката односоставного безличного предложения для передачи семантики состояния и / или оценки, утрачивая (или нейтрализуя) в этой позиции семантические, морфологические и синтаксические признаки исходных частей речи, избыточные для данного употребления. Сходную природу имеет и процесс модалации, суть которого также состоит не в перемещении одной или нескольких словоформ лексемы (*конечно, главное, факт, кажется* и др.) из одного класса в другой, а в их необычном использовании — в позиции вводности для выражения разных субъективно-модалых значений, что, как и в случае с предикативацией, сопровождается утратой исходными словоформами тех дифференциальных признаков частей речи, которые в данном контексте оказываются нерелевантными.

Результатом предикативной транспозиции языковых единиц является образование предикативов (или, в иной терминологии, слов категории состояния, слов состояния, имен состояния, безлично-предикативных форм и т. п.). При всем разнообразии их трактовок, наиболее убедительным представляется тот подход, который получает развитие в последних академических грамматиках русского языка, где предикативы — это не часть речи, а особый семантико-синтаксический разряд слов и словоформ, имеющий межкатегориальный (межчастеречный) характер.

Предикативы распадаются на две группы: 1) слова и словоформы разных частей речи (сущ., прил., нареч., глаг. в форме кратк. страд. прич., мест.), использующиеся в безлично-предикативной позиции с семантикой состояния и / или оценки (действия); например: *лень работать, страшно смотреть, в комнате не убрано* и т. п.; 2) слова в позиции безличного предиката с семантикой состояния и / или оценки, не имеющие в современном языке соответствий (корре-

лятов) среди ядерных слов знаменательных частей речи; например: *жаль его; надо подумать; можно остаться; стыдно говорить* т. п. (при возможности, правда, отдельных «рецидивов» субстантивности и адъективности в гибридных речевых структурах типа *Какая жаль! Это можно!*).

Общая семантика предикативов («состояние и / или оценка») проявляется тройко, в связи с чем их можно разделить на три типа — два основных, «чистых»: 1) со значением состояния (напр.: *На улице пасмурно*) и 2) со значением оценки (напр.: *Отсюда было далеко до озера*), и один синкретичный: 3) со значением состояния и оценки (напр.: *Ему весело кататься с горки*).

Механизм предикативации слов и словоформ предполагает «сложное грамматическое переплетение» в их структуре свойств и функций разных частей речи — имен (сущ., прил., числ., мест.), глаголов и наречий. Формы проявления этого взаимодействия многообразны. Так, адъективные словоформы (*жалко, больно* и т. п.) при предикативации оказываются «в зоне интересов» (притяжения) глаголов и наречий, приобретая, с одной стороны, глагольные характеристики (семантика состояния, функция предиката, безличность, сочетаемость с инфинитивом, прямая переходность; напр.: *жалко его обижать; больно глотать*), а с другой — некоторые адвербиальные признаки [неизменяемость, наличие суффикса -о, значение признака действия (у словоформы типа *весело* на ступени гибридности шкалы предикативации, представленной в двусоставной конструкции с препозитивным инфинитивом-подлежащим: *Кататься с горки — весело* — полуприлагательное / полунаречие / полупредикатив)]. В итоге предикативация адъективной словоформы связана с ее «включенностью» сразу в два транспозиционных процесса на уровне частей речи — вербализацию и адвербиализацию. При этом разная степень сближения языковой единицы с глаголами и наречиями может быть установлена при помощи оппозиционного метода и индексации отдельных ступеней и предела ее предикативной транспозиции.

Ситуацию осложняет то обстоятельство, что предикативизирующаяся адъективная словоформа нередко оказывается в зоне притяжения не только прилагательных, глаголов и наречий, но и других классов слов, в частности местоимений-числительных с семантикой неопределенного множества (типа *несколько*) и императивно-эмотивных междометий. Ср. разные типы транспозиций словоформы *достаточно*: 1) *Этих книг достаточно* (т. е. столько, сколько необходимо: адвербиализация и прономинализация — местоименно-числительный тип употребления адвербиализованной адъективной словоформы); 2) *Иногда достаточно взглянуть на человека, чтобы понять, кто он* [сближение с глаголами и наречиями (в рамках предикативации: количественная оценка действия в инфинитиве), а также с неопределенными местоимениями-числительными (при прономинализации)];

* Доклад подготовлен в рамках научно-исследовательского проекта № 08-04-00342а («Исследование предикативации как типа ступенчатой транспозиции слов и словоформ в системе частей речи русского языка»), осуществляемого при финансовой поддержке РФНФ.

3) *Достаточно плакать, сколько можно!* [интеръективация (эмоциональный призыв к прекращению действия), предикативация (т. е. вербализация и адвербиализация), прономинализация]. Подверженность двум типам транспозиции обнаруживают словоформы *мало, недостаточно* в сочетании с постпозитивным примыкающим инфинитивом; ср.: *Мало понять, надо действовать* (предикативация + прономинализация). Примечательно и функционирование словоформы *Горько!* (возглас гостей за свадебным столом, призывающий молодых поцеловаться и тем самым, по ритуалу, снять ощущение горечи во рту от выпитого вина, шампанского и т. п.) в синкретичном контексте интеръективации, вербализации и предикативации.

«Чистый» и «совмещенный» типы предикативации могут демонстрировать словоформы *холодно, жарко, больно, плохо* и т. п.: 1) *Ему холодно* (предикатив с семантикой физического состояния субъекта; предикативация) и 2) *Мне холодно! Ты не слышишь?!* (при поддержке императивной интонации фраза может имплицировать смысл «Закрой дверь, окно!»; предикативация, интеръективация и вербализация). Аналогично: 1) *В комнате жарко* (предикативация) и 2) *Мне жарко!* (может означать на уровне пресуппозиции «открой форточку», т. е. сделай нечто, в результате чего мне станет лучше; предикативация, интеръективация и вербализация). Ср. также надпись: *Опасно: тигры!* [предикативация (негативная оценка ситуации с импликацией эмоционального состояния субъекта) + вербализация (сближение с глагольным императивом; ср.: *Остерегайтесь! Будьте осторожны!*) + интеръективация (сближение с императивно-эмотивным междометием)].

Предикативация слов и словоформ имеет ступенчатую природу и предел (в виде функционального и / или функционально-семантического омонима). Так, этапы предикативной транспозиции адективной словоформы *опасно* можно показать в виде цепочки трансформаций синтаксических структур: **П(прил) / Н(ареч)** (ядерное прилагательное в полной форме или наречие как исходный пункт транспозиции: *Это положение опасное; Он опасно вел себя*) → **П(прил) п(ред)** [периферийное краткое прилагательное: *Создавшееся положение опасно; П(прил) п(ред) 1* → *Это*

опасно П(прил) п(ред) 2] → **п(прил) / н(ареч) : п(ред)** [полуприлагательное / полунаречие / полупредикатив в зоне гибридности, включающей подступени: **п(прил) / н(ареч) : п(ред) 1** (*Это опасно — оставлять дверь незакрытой*; логический субъект выражен двумя подлежащими — *это, оставляя незакрытой*) → **п(прил) / н(ареч) : п(ред) 2** (*Оставляя дверь незакрытой — это опасно*; логический субъект представлен в инфинитивном обороте-подлежащем; *это* — указательная частица-связка) → **п(прил) / н(ареч) : п(пред) 3** (*Оставляя дверь незакрытой — опасно*) → **п(прил) / н(ареч) : П(ред)** [периферийный функциональный предикатив с примыкающим постпозитивным инфинитивом и субъектным детерминантом: *Опасно оставлять дверь незакрытой; п(прил) / н(ареч) : П(ред) 1* --> *Тебе опасно там оставаться; п(прил) / н(ареч) : П(ред) 2*]. Пределом предикативации словоформ типа *опасно* является ступень периферии предикативов, представленная грамматическими омонимами, функционирующими в пределах исходных адективных и адвербиальных лексем. Это факт «чистой» грамматики, но не словаря (словообразования).

Литература

1. *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1986.
2. *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.
3. *Белушов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. и др.* Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 1989.
4. *Чикина Л. К., Шигуров В. В.* Присловные и предложенческие связи в русском синтаксисе. М., 2009.
5. *Шигуров В. В.* Проминализация как тип ступенчатой транспозиции словоформ в системе частей речи: Материалы к транспозиционной грамматике русского языка. Саранск, 2003.
6. *Шигуров В. В.* Наречные слова-команды в контексте интеръективации и вербализации // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2007. № 4. С. 23–34.
7. *Шигуров В. В.* О механизме частеречной транспозиции в русском языке // Русский язык в контексте национальной культуры: Материалы Всероссийской научной конференции. Саранск, 24–26 мая 2007 г. Саранск, 2008. С. 8–16.

Лексическое множество имен прилагательных с диффузным глагольно-именным значением (строение класса и его специфика)*

В. К. Юношева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

gramilex@inbox.ru

Русский язык, лексико-семантическая система, имя прилагательное, диффузное глагольно-именное значение

Summary. In the report the semantic structure of adjectives with verbal meaning is defined, followed by the detecting of particular meanings that ensue from generalisation of lexical sets and subsets. The abovementioned semantic sets of adjectives with verbal meaning turn to be an open system. This lexical semantic system has the big and powerful potential and correlates with other lexical classes and sub-classes. This field of lexical system is based on a verb, but at the same time has also the independent status. Its characteristic feature is a large group of adjectives of participle origin.

1. В опоре на идею академика РАН Н. Ю. Шведовой о «глобальных языковых смыслах» [3], рассматривается вопрос о возможности изучения внутренней организации класса имен прилагательных с глагольно-именным значением как целостного лексического множества, строение которого первично определяется такими глобальными смыслами, с последующим выделением «частных смыслов» как результата обобщения лексических множеств и подмножеств.

2. В лексическом множестве имен прилагательных с диффузным глагольно-именным значением прослеживается пронизывающая его оппозиция: «признак связанности со значением процесса — признак не связанности со значением процесса». С одной стороны, это множество непосредственно опирается на глагольное слово, его семантику и словообразование, с другой — имеет самостоятельный статус. Качество входящих в него слов можно назвать реляционным — в каждом из них обязательно заключено отношение между двумя именуемыми единицами: именем и именем или именем, и глаголом. Предпринято описание имен прилагательных с процессуальным значением в значительной сте-

пени опирается на строение глагола, однако то внутреннее противопоставление глагола, которое существует как противопоставление активного действия и пассивного состояния, в системе прилагательных с процессуальным значением не является основополагающим, поскольку те два признака, о которых сказано выше, в имени прилагательном всегда слиты воедино в силу его категориального значения. В то же время специальное исследование материала показывает, что в строении рассматриваемого множества как единого сложно организованного целого естественно сохраняется названное противопоставление. Это противопоставление представлено трехчленной оппозицией. Эта оппозиция демонстрирует движение семантики данного множества в целом от слов, называющих признак как активный («признак по собственному действию, поступку, исходящему от активного субъекта», например: *бегущий, бродячий, летучий, ходячий; воинствующий, критиканствующий, милосердствующий, тиранствующий, юродствующий*), в котором доминирует активность субъекта, — через признак, где активность субъекта и существенность объекта одинаково

* При финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН «Генезис и взаимодействия социальных, культурных и языковых общностей», а также гранта НШ–1268.2008.6.

весомы («признак по способности к активному действию, по предназначенности к такому действию, по отношению к нему», например: *белильный, гранильный, золотильный, лакировальный, очистительный, строительный, точильный; опылительный, оросительный, осушительный; валяльный, дубильный, мотальный, прядильный; одобрителный, осушительный, побудительный, утвердительный; вдохновительный, очистительный, сострадательный, усмирительный, утешительный* и мн. др.), — до такого признака, где смысл активности подавлен значением объекта, получаемого в результате некоего действия («признак по собственному состоянию или качеству, приобретаемому в результате процесса», например: *вдвижной, вкладной, вставной, втяжной, выпускной, закидной, наварной, наплавной, отрывной, перекидной, подвесной, подставной, сплавной, сцепной; воллный, вялый, зугрубелый, застылый, одубелый, окаменелый; горклый, закислый, залежалый, перестоялый; отупелый, очумелый, присмирелый; беленый, вареный, копченый, давленый, кипяченый, кованый, паяный, стиранный, тканый, тушеный, чесанный, шитый, эмалированный*). Каждая из 3-х названных группировок обладает собственным внутренним членением, основанным на семантической дифференциации входящих в данный раздел множеств, причем эта дифференциация имеет иерархический характер и доходит до конечного лексико-семантического ряда (рядов). Характерной чертой исследуемого участка прилагательных является то, что в него органически входят имена прилагательные отрицательного происхождения: это такие слова, которые в наибольшей степени отражают связь с глаголом и непосредственно осуществляют контаминацию глагольных категорий и имени.

Родительный падеж с отрицанием

Ян Чин-шан

Университет китайской культуры (Тайвань)

sanmao@faculty.pccu.edu.tw

Родительный падеж с отрицанием, винительный падеж с отрицанием, значение определенности, привативная оппозиция

Summary. The genitive case is usually required for the direct object of negated verbs, but in modern Russian colloquial and artistic speech, the accusative case is often used. In this paper several parameters of choosing genitive or accusative are discussed.

1. В докладе обсуждаются параметры, которые регламентируют выбор родительного или винительного падежа в позиции объекта при глаголе с отрицанием (*не вижу книгу — не вижу книги*). Изучение условий варьирования винительного и родительного падежей при глаголе с отрицанием представляется актуальным с разных позиций: для выявления системных отношений, определяющих предпочтение того или другого варианта; с позиций соотношения нормы и узуса; с лингводидактических с позиций.

2. По старой норме форма винительного падежа сильно-управляемого имени заменялась формой родительного падежа, если появлялось отрицание: *вижу книгу — не вижу книги*. Но в современном языке единая старая норма род. п. при глаголах с отрицанием не выдерживается. Под влиянием разговорной речи во многих случаях употребление вин. п. не только предпочитается, но и является единственно правильным. По подсчетам полувековой давности, в текстах 69% составлял родительный падеж и 31% — винительный падеж [3]. К концу XX века это соотношение существенно изменилось в результате замещения родительного падежа винительным [1: 240].

3. Академическая грамматика к факторам, влияющим на форму имени при отрицании, относит следующие: особенность синтаксической конструкции, устойчивости глагольного словосочетания, лексическая семантика глагола, лексическая семантика имени, наличие или отсутствие отрицательно-усилительных средств, определенность или неопределенность объекта. При этом степень важности этих факторов оказывается различной. Одни из них диктуют обязательное употребление только винительного или только родительного падежа, другие предопределяют лишь предпочтительное употребление того или другого падежа. «Взаимодействие разнообразных факторов усложняет выбор формы и в ряде случаев создает равную возможность употребления как вин., так и род. п.» [2, т. 2: § 2667].

4. Замену традиционного родительного падежа при глаголах с отрицанием винительным падежом многие лингвисты

3. Лексическое множество имен прилагательных с диффузным глагольно-именным значением является системой открытой, для него характерно образование новых единиц — конечных лексических рядов, образующихся в результате появления новых слов и значений. В рассматриваемом лексическом классе заложен мощный потенциал его взаимодействия с другими классами, как семантический, так и словообразовательный. Этот класс имеет свою грамматику: как общие, так и частные грамматические характеристики, которые и составляют его сущностную черту. В этой связи одной из проблем является рассмотрение специфики взаимодействия имен прилагательных с определенными глагольными лексико-семантическими классами. Специфика эта заключается в условиях и формах постоянного и активного пополнения определенных классов имен отпричастными образованиями. Интересно в этом отношении высказывание А. А. Потебни: «Причастие это то же, что прилагательное, только в нем признак представляется *возникающим*» (цит. по [1: 87]). И здесь же: «*возникновение* есть черта “глагола” (мы, со своей стороны, говорили бы опять таки не о *возникновении*, а о *нахождении* признака в той или иной стадии развития» [1: 50].

Литература

1. Добиаш А. В. Известия историко-филологического ун-та. Т. 16. Нежин, 1898.
2. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Воронеж, 1874.
3. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства // Н. Ю. Шведова. Русский язык. Избранные работы. М. 2005. С. 445–543.

связывают, в частности, с выражением значения определенности. Значению определенности в современном языке соответствует форма винительного падежа объекта: *Он не получил письмо* (определенное, известное) — *Он не получил письма* (неопределенного, какого-либо) [2, т. 2: § 2672].

В изученных нами материалах (это произведения современных русских писателей, в которых отражается непринужденная речь, — повести и романы Н. И. Леонова, Ф. Е. Незнанского, П. В. Дашковой, Т. В. Поляковой, Д. А. Донцовой) тенденция к оформлению определенности объекта в форме винительного падежа обнаруживается достаточно выразительно.

На определенность объекта в тексте обычно указывают согласуемые с ним слова — местоимения или прилагательные: *я не купила это колье, я совсем не знаю эту страну, я никогда больше не увижу свою тачку, я не воспринимаю габариты машины, чтобы не испытывать свою стойкость, хозяева не приветствуют такие шуточки, я не очень люблю пешие прогулки, он не собирал секретную информацию, мы... международный кодекс не знаем, в руки руководителя, чью фамилию вы не знаете* и мн. др. Примеры с формой винительного падежа в нашем материале существенно преобладают.

Тем не менее, в текстах не редки примеры с формой родительного падежа определенного или конкретного объекта: *шутник... моей записки взять не пожелал и своей не оставил, оставалось лишь одно — не обмануть их ожиданий, я не могу вам дать такой гарантии, я... одной вещи вам не сказал, она не ожидала другого ответа, я сделала вид, что не услышала неуместной реплики* и др.

5. Таким образом, исследование показывает, что для значения определенности показательна только форма винительного падежа. Родительный падеж не может интерпретироваться как форма, связанная со значением неопределенности, поскольку в форме родительного падежа объекта значения определенности и неопределенности нейтрализованы. Формы винительного падежей и родительного паде-

жей в отношении значений определенности / неопределенности неравноценны — они составляют привативную оппозицию с маркированной формой винительного падежа.

В лингводидактической практике важно иметь в виду, что отношения между формами винительного и родительного падежей в аспекте определенности / неопределенности не являются симметричными. Это значит, что в форме винительного падежа значение определенности может рассматриваться как маркированное (выраженное), а в форме родительного падежа — как нейтрализованное. Другими словами, форма родительного падежа может употребляться и со значением неопределенности, и со значением определенности: *Он не получает писем* — *Он не получил твоего письма*. А при актуализации значения определенности форма роди-

тельного падежа может заменяться формой винительного падежа: *Он не получил твое письмо*.

Литература

1. Бэрман М., Браун Д., Корбетт Г., Красовицкий А. Морфосинтаксические изменения в русском языке: падеж прямого объекта при глаголах с отрицанием // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2007.
2. Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.
3. Restan P. A. The objective case in negative clauses in Russian: genitive or accusative? // Scando-Slavica. 1960. 6. P. 3.
4. Timberlake A. Hierarchies in the Genitive of negation // Case in Slavic. 1986.